

Серия: Терос

Книга 2

ПОСЛАННЫЙ БОГОМ

Автор:

Jenna Helland

Перевод:

Андрей Ф. Галилейский

ГЛАВА 1

- Почему они кровоточат? – орал Король Анакс на слуг, беспомощно переминающимся вокруг своего правителя. Его ярость эхом раскатывалась по строгим, пустым коридорам Колофона, крепости короля и королевы Акроса. Кимеда спешным шагом вошла к банкетный зал и подошла к мужу. Могучие плечи короля вздрагивали от едва сдерживаемого гнева. Кимеда проследила за его взглядом вверх, где на чугунный канделябр была насажена отрезанная голова оленя. Это был не простой олень, а рожденный в Никсе, и он истекал ручьем крови и звездной мглы в светящуюся красную лужу на холодном каменном полу пустого банкетного зала.

- Новый день, новая голова, - сухо произнесла Кимеда. Это был седьмой день к ряду, когда в различных уголках крепости находили загадочные отрезанные головы.

- Сейчас не время для шуток, женщина! – Рявкнул Анакс.

Кимеда метнула на него грозный взгляд. Со дня их свадьбы, у Анакса была привычка принижать ее неосторожными словами. Его мнение о том, что женщины были ниже мужчин, было настолько укорено, что он никогда не сомневался в собственной вере и правоте. В отличии от Кимеды. В те далекие дни, она боролась с ним во всем, начиная от его привычки казнить заключенных, сбрасывая их в Реку Дейду, до его нежелания смотреть в глаза женщине во время разговора. Отец Анакса был таким же – они оба полагали, что женщина все равно не может сказать ничего интересного. Кимеда вела эмоциональную войну со своим королем за уважительное отношение к себе, которого она вполне заслуживала. К его чести, Анакс сумел увидеть ее точку зрения и адаптировался. Не многие мужчины были бы способны на это.

- Всегда есть время для шуток, любовь моя, - сказала Кимеда. – Я нахожу это забавным. Теперь у тебя есть олень для трофейной коллекции. Может, повесим его между кабаном и сободем?

На самом деле, Кимеде вовсе не казалось это забавным. Но ее муж был на пределе. Если она покажет собственное напряжение, то боялась, он совершит что-то необдуманное. Лучше было преуменьшать свою тревожность перед Анаксом, а после провести собственное расследование этой странной ситуации. Она все еще не понимала, с чем они имеют дело. Анакс считал это божественным проклятием, и, возможно, так оно и было. Но это также могла быть проказа, порожденная извращенным – но смертным разумом. Семь дней и семь отрезанных голов, и охрана никак не могла остановить их появление. Несмотря на усилия лучших умов города, ломавших головы над этой проблемой, лишь Кимеда разглядела определенную зависимость. Она не собиралась делиться своей находкой ни с мужем, ни с одним из их туповатых оракулов, помощи от которых пока не было ни какой.

Каждая отрезанная голова принадлежала животному из Никса – рожденному богами. В первый день была голова пятнистого кабана. На следующий – быка. В остальные дни недели, они имели удовольствие лицезреть головы рыбы-меч, рыси, и соболя. И сегодня, злоумышленник оставил им голову зрелого оленя. После рыси, Кимеда ожидала, что всем станет ясно, что происходило, как божий день. Но священники и оракулы Ироя были настолько сосредоточены на том, как преступник все это совершал, что они и не задумывались о значении происходящего. Кимеда увидела, что кто-то убивал животных, представлявших собой богов. В этом искаженном представлении, боги становились жертвенными агнцами. Кимеда подозревала, что злоумышленник заявлял о природе богов – в весьма оскорбительной форме. У Ироя не было

своего животного, но его очернители часто использовали кабана для уязвления божественного покровителя города.

- Отнесите голову оракулам, - приказала Кимеда слугам. – И приберите здесь.

- Они нам так ничего и не сказали! – Кипел Анакс. – Выбросьте ее на помойку!

Кимеда положила руку на плечо мужа. Он был невысок по сравнению со средним Акросским мужчиной. Его телосложение создавало иллюзию защитности, несмотря на его известные подвиги на поле боя. Никто не сомневался в его мужской силе, но глубоко в душе он постоянно думал об этом.

- На помойку, - повторила она. – Ты прав, Анакс. Этот хлам более не заслуживает нашего внимания.

Затем она отвела его от двери, вверх в западное крыло, где располагались их покои. Она распахнула двери на балкон, открывающий вид на Акрос. Когда они стояли на этом балконе, они были на уровне глаз с Каменными Колоссами, возвышавшимися над городом. Кимеда провела короля к мраморным перилам, чтобы он смог окинуть взором свой замечательный город. Его владения простирались далеко в горы. Лишь богам принадлежали большие земли. Она подождала, пока он взглянет на горизонт, и его дыхание начнет успокаиваться. Лишь здесь, на этом балконе, ее муж не чувствовал себя невысоким.

- Ты не должен позволять этой... детской проказе так тебя изводить, - сказала Кимеда. Прохладный бриз подул с севера. Стоял жаркий, тягостный день, и королева была благодарна ветру за этот маленький дар.

- Это не проказа! – Сказал он.

- Тогда, что это, по-твоему? – спросила Кимеда.

- Даже оракулы Ироя не могут ответить. Почему ты спрашиваешь меня?

- Тот, кто это делает, знает тебя, Анакс, - сказала она. – Он пытается подорвать твою уверенность в себе, которая чрезвычайно для тебя важна. Думаю, это кто-то из ближнего окружения.

- Должно быть, это просто безумец, - ответил Анакс.

- Он не настолько уж и безумен, судя по тому, как он избегает нашей охраны, - сказала Кимеда. – Подумай о своем прошлом. Может быть, ответ в нем.

- Это не мой брат, если ты намекаешь на это, - сказал Анакс. – Тимотей далеко, с Аламонами.

Кимеда обдумывала каждое свое следующее слово. Аламоны были одними из скитающихся отрядов бойцов, составляющих кочующую часть Акросской армии. Эти боевые группы были совершенно самостоятельны, полагающиеся на охоту для пропитания своих членов, во время пребывания в полях. Аламонам было дано задание убивать бродячий чудовищ, подходивших слишком близко к стенам города. Они также несли ответственность за сдерживание минотавров, что им удавалось все с меньшим и меньшим успехом. Эти воины испокон веков были важнейшей частью армии Акроса. Когда бы ни возникала угроза городу, король призывал кочевые войска, и они поражали захватчиков с тыла и флангов.

Кимеда полагала, что в подобном соглашении были свои преимущества, но оно также усложняло управление армией. Предводители этих скитающихся воинов не считали себя в полной мере подвластными королю. Младший брат короля считал себя законным королем Акроса, и, хотя все это время он сохранял дистанцию, Кимеда с опаской ждала, когда он заявит о своих претензиях.

Она выдержала слишком долгую паузу, и Анакс понял, о чем она думала.

- Если бы мой брат желал бросить мне вызов, он бы вызвал меня *меж двух колонн*, - настаивал Анакс. – В том, чтобы разбрасывать окровавленные части тел по моему дому, нет никакой чести. От этого он ничего не приобретет.

Кроме твоей растущей неуравновешенности. Кроме твоих сомнений в себе, думала Кимеда. Всего пару месяцев назад Анакс позволил самопровозглашенному оракулу убедить его в том, что пламенные небеса означали, что минотавры идут войной на город. Безо всяких доказательств, кроме слов шарлатана, король выслал иноземцев и приготовился к войне – и ничего не произошло. Это подорвало уверенность людей в своем короле.

- Да, конечно, - согласилась Кимеда. – Возможно, тебе стоит испросить ответ у Ироя. А еще лучше умолить его о содействии. Безмолвие богов длится уже достаточно долго.

Анакс кивнул в знак согласия. – Мы проведем состязание на стадионе сегодня же днем. Я призову всех солдат для восхваления величия Ироя.

- Так и стоит поступить, - сказала Кимеда. – Хотя надвигается буря.

И действительно, облака над горизонтом темнели. Обычно Кимеда списала бы их на хмурость Керана. Но без его присутствия в мире смертных, приближающаяся гроза ощущалась дикой и более зловещей. Кимеда чувствовала, что нечто опасное скрывалось за этими тучами.

- Дождь? – спросил Анакс. – И что с того? С каких пор дождь останавливал панкратион?

- Ну, конечно, это ерунда, - сказала Кимеда. Стало быть, зрелище будет состоять из полуголых мужиков, дерущихся в грязи во славу отсутствующего бога. Что ж, по крайней мере, это отвлечет Анакса от тягостных мыслей на целый день.

- Ты придешь? – спросил Анакс.

- Вероятно, я подойду к финалу, - сказала Кимеда. – Мне нужно уладить кое-какие дела с поставками продовольствия.

- Конечно, - сказал король. Он поцеловал ее в щеку. – До скорой встречи.

Она подождала, пока он ни выйдет из покоев, а затем бросилась к двери. Вряд ли ей удастся успеть вернуться к финалу. И она уже устала ждать ответов от других. Ей нужно было отыскать их самой. Хотя она и могла слышать речь богов, Кимеда никогда не провозглашала себя оракулом, и не позволяла ни одному из богов объявить ее своим сосудом. Но если бы ей довелось посвятить себя какому-нибудь из богов, то это был бы Керан. Ей была близка его нетерпеливая разрушительность. Она тщательно контролировала эти качества в себе, но она бы с радостью служила тому, кто бы в равной мере раздавал смертельные удары и божественное озарение.

Она сбросила свою пурпурную накидку и декоративные бронзовые аксессуары, набросила простое черное платье, поножи и плащ. Спрятав волосы под черным шарфом, она могла пройти по тенистым коридорам крепости незамеченной. Кимеда поспешила вниз по лестнице для слуг, к подземным этажам башни. Она юркнула в одну из зимних кладовых и затаилась за ящиками в кромешной темноте. Убедившись, что за ней никто не следил, она потянула тайный рычаг, открывавший вход в секретные туннели под катакомбами. Этот проход вел сквозь толщу скалы вниз, к реке Дейде, в двухстах футах от поверхности ущелья. Этот ход был одним из строжайших тайн Колофона. Лишь король и его советники знали о нем, и знание это должно было передаваться лишь от мужчины мужчине. Но у Кимеды была привычка подслушивать у дверей. Она не соглашалась с всеобщей монополией мужчин на все вокруг, и пользовалась этими туннелями чаще любой королевской особы до нее.

Кимеда тайно изучила каждый дюйм туннелей и с удивлением обнаружила, что за прошедшие века люди оставили в них письма. Большинство из них были лишь именами давно умерших авторов. Но какой-то забытый король использовал эти стены для записи перечня недругов с соответствующими числовыми отметками – хотя, что именно он подсчитывал, кануло в

лету. Кимеда обнаружила, что из туннеля было два выхода на различных высотах над бурной рекой. Нижняя дверь выходила в десятке футов над водой. Отсюда можно было спустить веревочную лестницу на узкий каменистый берег в засушливые времена. В сезон дождей, вода поднималась до самой двери, и даже тритоны не смогли бы преодолеть опасное течение горной реки.

Верхний выход открывался в ста футах над водой, и не вел никуда. Именно им она пользовалась чаще всего. Возможно, здесь когда-то был веревочный мост, ведущий через ущелье, но теперь от него ничего не осталось. Неважно, думала она, отталкивая тяжелую деревянную дверь. Буря надвигалась прямо на город, и воздух казался истерзанным и рыдающим. В ущелье завывал яростный ветер, треплющий ее одежды. Внизу, воды Дейды вздымались, подобно океанским волнам, и воздух потрескивал от напряжения. Это был не божественный шторм. Это естественный мир само-утверждался в отсутствии контроля богов. Бури были подвластны Керану, и теперь, без него, они срывались с цепи. Кимеде это нравилось. Первобытная энергия мира и ливень придавали ей неповторимое ощущение силы.

Она шагнула за край.

Вода взметнулась к ней навстречу. Перед касанием, Кимеда заставила волну вспениться, и воспользовалась ее энергией, чтобы снова взмыть вверх. В одночасье она заклинанием оторвала от скалы каменные глыбы и уложила их, подобно ступеням, восходящим по склону волны. Каждый валун повис перед ней в воздухе, а после ее прохода, с всплеском рухнул в реку. Так она перебиралась через ущелье. Управляя водой и землей, она ступала на скалы и гребни волн. Гром и молнии были подобны музыке для ушей Кимеды, когда она преобразовывала мир в свое удовольствие. Никто – даже Король Анакс – не знал о том, что она могла заставлять стихии кланяться ей.

Вскоре она позволила волне опустить себя на противоположной стороне ущелья. Буря бушевала вокруг, пока она шла по неизведанной тропе в горы, к божественной обсерватории Керана. Пусть мужчины забавляются своими играми и демонстрацией атлетической доблести. Она будет молиться богу тихого озарения и беспечного разрушения, Керану. Мысль о том, как бы он разгневался на то, что буря существовала без его разрешения, вызвала у нее улыбку.

Но если боги умолкли, то их место мир заполнял собой.

Как только она достигла вершины скалы, ветры стихли. Она стояла перед бронзовой обсерваторией со сверкающим куполом крыши, и идеальными арочными пролетами. Молния скользила по поверхности здания, поглощающего энергию шторма. Кимеда была здесь много раз. Хоть она никогда не видела Керана в человеческом облике, она чувствовала его присутствие всегда, когда тот был рядом. В Безмолвии она ощущала его отсутствие, подобно тому, как треснувшая сухая почва алчет дождя.

Дверь в обсерваторию была слегка приоткрыта, и плитка у входа была скользкой от дождя. Она толкнула тяжелую дверь, открыв ее шире, и вошла внутрь. Факелы освещали ей путь, горя магическим пламенем, неподвластным дождю. Пустота эхом раскатывалась вокруг нее. Здесь не было священников, наблюдавших за обсерваторией Бога Бурь. У Керана было не много оракулов. Он был одинок и высокомерен, и полагал, что лишь единицы были достойны его. Кимеда была той, кого он желал, но королева ответила отказом на его попытки завладеть ею. Она не желала принадлежать кому-либо.

Теперь же ей нужно было наставление Керана. Он мог знать, кто – или что – мучило ее мужа. Их оракулы не могли этого понять. Ей нужен был глас божий. Кимеда опустилась на колени на каменном полу под открытой крышей. Небеса над ней все еще были серыми, но черные тучи уже развеялись. Смеркалось, и первые звезды Никса окропляли небосвод, но в их беспорядочных узорах не явилось ни единого образа бога.

- Керан, ты нужен мне, - сказала она. – Мне недостает твоего присутствия.

Лишь завывание ветра сквозь открытые своды обсерватории были ей ответом. Прежде, она действительно могла принять это за ответ. Но теперь, кто правил ветрами? Кимеда позволила тишине заполнить ее, пока у нее не осталось больше сил стоять на коленях. Она поспешила к выходу из храма, хлопнула дверью, и вышла в омытую дождем ночь. Никс сверкал созвездиями и туманностями. Ни одно небесное существо не промелькнуло в небесах, и она не смогла найти ответ в завихрениях звезд. Разозлившись на молчание бога, она принялась швырять камни. Она поднимала обломки скалы и метала их в Никс. Те лишь взмывали в небо и по дуге опадали в ущелье. Тогда она направила свою ярость на обсерваторию, но божественная бронза здания не поддавалась под натиском смертной.

- Керан! – вскричала она. – Ответь мне.

Она услышала шелест, когда порыв ветра превратился в небольшой вихрь и налетел на нее. Кимеда попятилась, оступилась и ударилась головой о камни. Она ненадолго утратила сознание, и когда пришла в себя, то лежала на спине, уставившись в Никс.

В небесах ей явилось видение. Вместо божественных образов, это видение образовывалось из черных пустот меж звезд. Она различила громадных существ с утрированными рогами, похожих, на минотавров. Затем каждое из них раздвоилось, затем, каждые двое превратились в четырех. Существа преумножались экспоненциально, пока сотни силуэтов не затмили небосвод. Они выходили из раскрытой двери, из пылающей комнаты, бесконечной очередью, один за другим. Видение сменилось, и пылающая комната превратилась в воющую пасть. Лицо неясно клубилось, пока, наконец, его черты не успокоились. И Кимеда узнала в нем лик сатира. За всем этим стоял сатир.

Кимеда села. На ее затылке запеклась кровь, но она чувствовала себя странным образом удовлетворенной. Керан послал видение лишь для ее глаз. Для остальных смертных небеса являли лишь яркие туманности и яркие точки звезд. Она встала и направилась назад, вниз по тропе, ведущей к ущелью.

Стало быть, некоторые боги, подобно Керану, нарушали Безмолвие. И это ее ни чуть не удивляло.

ГЛАВА 2

Ксенаг восстановил Долину Скола после гнева Нилеи. С наступлением Безмолвия, изумрудная трава проросла над обнаженной землей увеселительной поляны, и ручей вновь журчал посреди владений Ксенага. Он закрыл раскол в земле, скрыв пещеры, в которых постоянно пытали его кузницы. Это были не простые печи, выстроенные дляковки бронзовых мечей или железных плугов. Это были божественные кузницы, возведенные Петросом, похищенным мастером Пирфора. Рожденный в Никсе, сам Петрос был создан по образу Бога Кузницы, и знал все тайны божественного творения.

И теперь Петрос принадлежал Ксенагу.

Ксенаг в издевательской жалости поцокал языком, наблюдая за своим краденым мастером. Ему не было жаль Петроса. Сатир никогда не чувствовал жалости ни к кому, как не знал он ни такое раскаянья, ни сострадания. Даже до того, как зажглась его искра, Ксенаг испытывал мало эмоций, если дело касалось кого-то, кроме него, самого. Если кто-то страдал, что ж, он просто не мог заставить себя переживать об этом. Правда, он мог притворяться. Он очень хорошо научился заставлять других думать, что ему было не все равно. Он знал цену сочувствующих объятий оказавшегося в беде «друга». Он делал громкие заявления о несправедливости мира. Ксенаг мастерски создал вокруг себя оболочку из лжи, и даже безо всякой магии она работала до смешного хорошо. Его обожали сатиры в Сколе, что было крайне важно, когда вам нужен кто-то, кто сделал бы что-то за вас.

- У тебя нет друзей, верно? – спросил он Петроса. – Ты не чувствуешь ничего, кроме жара этой кузницы.

В ответ, Петрос в четком ритме бил молотом по наковальне, снова и снова. Недружелюбное создание, но Ксенаг не мог спорить с этикой его труда.

- Я собираюсь поставить мир на колени, - сказал Ксенаг. Ему хотелось кого-нибудь впечатлить. Сатиры в долине бродили с поникшими головами после бесконечных гуляний. Сейчас их можно было впечатлить и сверкающим камушком.

- Вот-вот начнется Великое Празднование, - сказал ему Ксенаг. – Я заставлю твоего хозяина рыдать.

Бряц, Бряц, Бряц. Молот Петроса мерно обрушивался на наковальню.

- Как творец, ты знаешь, что не все всегда получается идеально, - сказал Ксенаг. – Уверен, ты видел, как Пирфор забросил много прекрасных работ в топку, лишь потому, что те были недостаточно изысканы. Я считаю свои прошлые свершения полезными... но лишь подготовкой к грядущему.

На пару мгновений воцарилась тишина, пока Петрос поправлял бронзовую пластину. Затем, ритмичное бряцанье продолжилось вновь.

У Ксенага не было шансов завоевать расположение Петроса, но это было не важно. Все остальные будут заморожены им. Пронизанные магией празднования сатиры накапливали мощную энергию – достаточную для изменения основ самой природы Никса. Он создал зияющие пустоты в обители богов и зрении оракулов. Затем, невероятно, боги сами устранились в Никс, при минимальном вмешательстве с его стороны. Все было так идеально, кроме проблемы с той неизвестной женщиной и Мечом Пирфора. Он знал ее имя, но ему не нравилось его произносить. Он ткнул пальцем себя в грудь, в том месте, где еще свежая кожа едва затянулась над

наконечником стрелы Нилеи. Боль эхом отдалась во всем теле. Когда она стихла, он с кристальной ясностью ощутил, словно сам создал весь этот мир, и был тесно связан с каждым его дюймоном. Ксенагу нравилась мысль о том, что он хранит частицу Нилеи в своей груди. Это было доказательство того, что он был лучше нее. Лучше всех богов. Они пытались убить его, и не смогли.

- Петрос, должен сказать, ты одно из наиболее безупречных творений, которое мне доводилось видеть, - сказал Ксенаг. Он мог с тем же успехом пытаться польстить молотку, но иногда он скучал по тем дням, когда он еще не накопил столько силы. Тогда он мог просто заставить кого-нибудь делать то, что он хотел лишь с ничтожным усилием или тратой его растущих магических ресурсов. Сплетение паутины из лжи, фальшивой дружбы, слухов, позволяло ему чувствовать себя главнее и совершеннее в отличие от вульгарной магии, изменяющей сознание. Он скучал по прежним временам простой манипуляции с помощью ловкости и остроты языка.

- Петрос, ты идеально воссоздал кузницу Пирфора, - сказал Ксенаг. - Я видел божественную кузню, и могу сказать, они во всем одинаковы. Я бы легко мог забиться и поверить, что я стою в его горе. Ты мастер из мастеров. Но твоя звездная ткань блекнет на глазах. Почему ты столь несчастен здесь, в моей милой долине?

Молчание кузнеца раздражало, и Ксенаг устал от его игнорирования. Сатир с хрустом потянул руки и сделал пару наклонов в стороны, чтобы размять спину. Он пытался припомнить жизнь до того, как зажглась его искра. Был ли он способен потерять голову от сиюминутного удовольствия? Он услышал первые нотки флейты, донесшиеся с поверхности долины, знаменующие очередную гулянку. Но празднования становились все более дикими и безумными. Жертв становилось слишком много. Очевидно, пришло время для новой стратегии.

- Ах, Петрос, никто не понимает, как мне нелегко, - сказал Ксенаг. - Я дал им все, что они желали. Они пришли сюда в поисках эйфории. Они *поклоняются* ей. Я и есть эйфория, я душа праздника. И, тем не менее, сам я не чувствую радости.

Петрос замер. Он положил свой молот и повернулся к сатиру. Рога Ксенага едва доходили до подбородка кузнеца, и сатиру не нравилось чувствовать себя ниже своих рабов. Может, ему стоило подрубить божественному умельцу колени. Петрос ничего не сказал, но Ксенаг почувствовал неповиновение, кипящее в душе мастера.

- Ты мой кузничик, собирающий запасы на зиму, - усмехнулся Ксенаг. - Еще тысяча, и я отошлю тебя назад, к твоему создателю.

Загадочные глаза Петроса смотрели мимо сатира в глубины пещеры, где хранились плоды его труда. Безмолвные ряды рожденных в Никсе минотавров ожидали в освещенной факелами пещере под Долиной Скола. Он выковал целые шеренги громадных существ, и те ни разу так и не шелохнулись. Их пустые глаза слепо смотрели вперед, их тела состояли больше из звездной ткани, чем из плоти, и все они были лишены собственной воли.

- Рожденные в Никсе, это не правильное имя для моих минотавров, - размышлял вслух Ксенаг. - Давай назовем их Праздно'таврами. Или, может, рогатыми гуляками. Как думаешь, Петрос?

В конце концов, положив руку на сердце, он не мог их назвать рожденными в Никсе. Эти минотавры не были созданы в обители богов. Они были рождены в его долине. Рождены им, Королем Чужеземцем. Ими было столь же легко управлять, как и пьяными сатирами, и они бездумно ожидали празднования, в котором обретут жизнь. В этом была милая ирония. Ни один минотавр не имел ничего общего с гулянками сатиров. Он бы скорее сожрал сердце сатира, чем поучаствовал в подобном празднике. Но это были *пародии* на минотавров... да, то же было верно и для каждого существа, рожденного в Никсе. Они были лишь тенями оригинала. И в отличие от божественного чувства собственной важности, лишь смертные моги считаются *оригиналами*.

Только взгляните, как Ксенаг извратил так называемый божественный порядок вещей, и создал в своей маленькой веселой долине собственную, рожденную в Никсе, армию пародий.

Вот вам и верховенство богов.

- Король? – услышался голос сатира помощника у входа в кузницу. В руках он держал большой ржавый нож. – Это нужно сделать сегодня?

- Конечно, - сказал Ксенаг. Он встал перед идеальным образцом минотавра с глупыми, немигающими коровьими глазами. – Но я настроен на более широкий жест. Я желаю, чтобы головы дюжины моих празднотавров были насажены на ворота Акроса. Посмотрим, как это повлияет на общую атмосферу.

Помощник кивнул. Он был умелым магом, и его руки потрескивали красной энергией. Должно быть, празднование наверху шло полным ходом. Любой мог ощутить энергию, вырабатываемую массовой эйфорией – но никто не мог использовать ее так, как Ксенаг. Далеко не каждый был способен превратить ментальное забвение в нечто полезное.

- Петрос, я не хочу прерывать твою работу, - солгал Ксенаг, - но, как дела с другим нашим проектом?

Петрос снова положил молот. Он, прихрамывая, пересек кузницу, подойдя к дальнему углу, где на пьедестале стоял небольшой предмет, накрытый шелковой тканью.

Ксенаг театрально сорвал шелк, обнажив бронзовый бюст молодой женщины. Элспет, появившаяся неизвестно откуда, убила гидру и расположилась в Мелетиде, как избранница Гелиода. Гидра не служил никакой особой цели Ксенага. Он был милой забавой, и принес пользу, всколыхнув старые распри между богами. Он не особо сердился на Элспет за убийство чудовища. Нет, не потому она привлекла его внимание. Он рассмотрел изгиб ее челюсти, ее безупречные глаза, ее гладкий лоб. В выражении ее лица застыло смещение, словно статуя сама не могла поверить, в какой переплет она попала.

- Ты действительно величайший из когда-либо живших мастеров, - сказал Ксенаг. – Это абсолютный шедевр. Идеальный ее образ. Я понимаю, почему Пирфору так тебя не хватает.

Ксенаг отступил на шаг и продолжил свое изучение бюста. Кулак сатира начал светиться жаром расплавленного железа. Элспет была уникальна, и Гелиод не прогадал, присвоив ее себе. Но Ксенаг, ступавший за пределы сферы этого мира, обладал знаниями, которых не было даже у богов. Он мог узнать другого мироходца с первого взгляда. Небрежным движением, он положил руку на лицо бронзового изваяния. Его ладонь расплавил ее точеные уста, а пальцы впились в ее глазницы.

- Она вооружена мечом, слишком могущественным для смертных, - сказал Ксенаг Петросу. – Знаешь, какой она с ним становится?

Он без удовольствия наблюдал, как изящные черты бронзового шедевра оплавливались в бесформенный кусок металла.

- Слишком похожей на меня, - сказал он Петросу. – Сделай еще одну. Пока я не смогу уничтожить ее саму.

ГЛАВА 3

ТЫ БОЖЕСТВЕННАЯ ЗАЩИТНИЦА МИРА В ОТСУТСТВИИ ГЕЛИОДА. ЛИШЬ ТЫ МОЖЕШЬ ВЛАДЕТЬ ЕГО ОРУЖИЕМ. ТЕБЕ ПРЕДНАЧЕРТАНО СУДЬБОЙ БЫТЬ ГЕРОЕМ ТЕРОСА.

Дакс написал эти слова на клочке бумаги и ночью подsunул записку под дверь Элспет. Сейчас было ранее утро, и уже несколько часов прошло с того времени, как чернила на записке высохли. Элспет не слышала ночью его шагов за дверью, иначе бы она открыла ему дверь. Она скомкала записку в кулаке. От нее веяло ощущением окончательностью и завершенностью, словно она никогда больше не увидит Дакса, и это были его прощальные слова.

Элспет взглянула на розовеющие небеса над восточным горизонтом, озаряемые первыми лучами восходящего солнца. Она жила в громадном храмовом комплексе Гелиода в Мелетиде с того дня, как они повергли гидру. Тренировки с Даксом в предрассветные часы превратились в ежедневный ритуал. Обычно они встречались во внутреннем дворике широкой *стоа*, но сегодня он так и не появился – лишь оставил эту таинственную записку и исчез. Его не было в его покоях – она проверяла. Элспет продолжала ждать его даже после назначенного времени. Теплые лучи рассветного солнца уже грели ее кожу, но и она, и ее копье все еще отбрасывали длинные тени на безупречно чистые плитки внутреннего дворика.

Отсутствие Дакса словно наполнило ее пустотой. Прошлым днем они повздорили, и теперь создалось впечатление, что все то, что существовало между ними, было внезапно уничтожено. Дакс был непростым человеком, он тяжело подпускал к себе людей, но при этом обладал яркой харизмой. Люди, казалось, притягивались к его энергетике, хотя сам он прикладывал мало усилий, чтобы поддерживать дружеские отношения. Но, несмотря на свой эмоциональный дисбаланс, он делал все, чтобы ей было комфортно поселиться в Мелетиде. Именно Дакс нашел для нее комнату в храмовом комплексе Гелиода. Хотя технически, покровительницей Мелетиды считалась Эфара, комплекс Гелиода, включавший в себя его главный храм, был крупнейшим в городе. Основное здание храма Бога Солнца было впечатляющим – массивное прямоугольное строение, окруженное по периметру известняковыми колоннами, каждая из которых была сотню футов в высоту. Внутри красовались десятки построек, связанных лабиринтом крытых колоннад и проходов.

Дакс показал ей огромную библиотеку Гелиода, содержащую тысячи ящиков со свитками, и они провели часы за чтением учений Бога Солнца, расшифрованные оракулами и священниками. Они прогуливались к песчаному пляжу, где он рассказывал ей божественные притчи и рассказы о таинственных архонтах, некогда правивших железной рукой над этими землями. Он обладал безупречной памятью, словно слова навсегда были высечены в его разуме. Но, хоть он и мог процитировать ей любую историю или любое учение Гелиода, он отказывался обсуждать их. Когда она спросила о природе судьбы, он процитировал слова Бога Солнца и вежливо сменил тему. Возможно, именно это требовалось от него, как от оракула, но Элспет хотела знать, что *он сам* думал, а не то, чему он был обучен.

В частности, ей хотелось знать, что он думал о Безмолвии сейчас, когда боги покинули мир смертных, удалившись в Никс. Все остальные в Мелетиде были шокированы и подавлены этим изменением. Элспет редко общалась с другими священниками в храме Гелиода, но она становилась свидетельницей многих бесед, касавшихся природы Безмолвия, и того, что оно значило для будущего. Однажды утром, когда они тренировались, Элспет допытывалась у Дакса о

последствиях Безмолвия, а он пренебрежительно отмахивался от обсуждения истинного эффекта данного феномена.

- Жизни священников это почти не коснулось, - сказал Дакс. - Для них, всегда было редкостью, напрямую встретиться с богом.

- А как это коснулось тебя? - спросила Элспет.

Дакс лишь пожал плечами и взмахнул тренировочным мечом. Она без труда отбила выпад, не став продолжать беседу.

Прошло несколько недель, дни становились короче, и она все больше ожидала, что скоро он оставит ее. Но он оставался рядом. Они начали посещать больных и престарелых, это была практика, ожидаемая ото всех, кто жил в храме Гелиода. Ей нравилась мысль, что благие дела были часть служения. Священники Гелиода и Эфары совершали ежедневные выходы на улицы, где помогали всем страждущим. В городе было очень мало нищеты и насилия. Эти «лечебные» визиты были традиционны до Безмолвия, и продолжались в полной мере после ухода богов. Когда они с Даксом работали вместе, Элспет все больше уважала Бога Солнца, невзирая на его отсутствие.

На тренировках Дакс учил ее боевому стилю Мелетийской Армии. Он требовал от нее все больше, и больше - словно времени было мало, и нельзя было терять ни секунды. Они готовились к чему-то, но он не говорил ей, к чему именно. Элспет начала ночами лежать в раздумьях о загадочном оракуле, и его намерениях.

- К чему все это? - наконец, спросила она. - Все эти тренировки и часы в библиотеке?

- Я думал, это то, чего ты хотела, - сказал он.

- Но, чего ради? - спросила Элспет. - Что от меня ожидается?

- Ты чемпион Гелиода, - сказал он. - Тебе нужно многое узнать до его возвращения.

- Но, зачем? - спросила она. - Я не понимаю.

Он услышал растерянность в ее голосе и нахмурился. - Ты станешь его сосудом в смертном мире. Ты станешь защищать его владения от тех, кто будет стремиться уничтожить их.

- Как я могу быть его сосудом, если не слышу бога так, как ты?

- Чемпиону не нужно быть оракулом, - сказал он. - У тебя просто должно быть сердце героя.

- Я не ребенок, - разозлившись, сказала она. - И я не была возвращена, стоя на коленях перед алтарем Гелиода. Прекрати разговаривать со мной штампами. Просто скажи правду.

- Ты желал быть героем, - произнес Дакс. - Почему ты приняла задание Гелиода принести его меч-копье в Мелетиду? Почему ты убила гидру?

- Потому что он собирался разрушить город! - сказала Элспет. - Что мне оставалось делать? Ничего? И это мой меч! Или меч-копье, или как ты его там называешь. В моем сознании оно всегда останется моим мечом.

- Ты не должна так говорить, - сказал Дакс. - Гелиод признал это оружие своим. Ты владеешь им от его имени.

- И пытаюсь понять, что это значит! - вскричала Элспет. - Значит ли это, что я должна охранять этот мир? Несу ли я ответственность за его людей в его отсутствие? Значит ли это, что мне не позволено самостоятельно думать - как тебе?

Она не собиралась произносить последнее предложение, но оно вылетело из ее уст. Дакс выглядел уязвленным.

- Ты понятия не имеешь, какой была моя жизнь до Безмолвия, - сказал он.

- Так, скажи мне! - сказала Элспет. - Я хочу это знать. Но не пытайся зомбировать меня ложью.

- Я не лгу, - сказал Дакс. Он кипел от ярости. Она никогда не видела, чтобы он вообще проявлял какие-либо эмоции, кроме редкой улыбки, когда она побеждала его на тренировках. Его гнев был столь сильным, что казался осязаемым, и Элспет непроизвольно сделала шаг назад.

- Я этого не говорила... - сказала Элспет.

- Ты ждешь, что Гелиод сделает твою жизнь идеальной, - сказал Дакс. – Ты эгоистка. Ты желаешь комфорта и покоя – но лишь для себя.

- Это не правда, - сказала Элспет.

- Ты лишь хочешь свой дом, где ничто тебя не сможет тронуть, - сказал Дакс. – До тех пор, пока ты счастлива, тебе плевать на остальных. С чего ты взяла, что ты настолько важна? Почему ты заслуживаешь жить без страданий?

- Я желаю этого для всех, а не только для себя, - сказала она. Его слова причиняли ей физическую боль. Она нашла в этом мире единственного друга, и он вдруг начал презирать ее. – Я думала, боги делают этот мир безопасным. Но теперь они ушли...

- Они не ушли! – Он практически орал. – Это как затишье перед бурей. И у меня мало времени, до того, как буря настанет, и...

Он замолчал. Его тело дрожало. Элспет хотела протянуть к нему руку и утешить его, но сдержалась.

- И что? – спросила она.

- И я погибну, - сказал он. – Сфинкс сказал мне, Элспет. Он сказал: «У подножья нетронутого города. От руки того, кого я люблю».

- Какой сфинкс? О чем ты говоришь? – спросила Элспет. Она ненавидела этот миг. Ей хотелось, чтобы земля разверзлась, и она провалилась на месте. Она жалела, что не держала рот на замке, чтобы они оба сидели на кушетках в библиотеке и читали об очередном подвиге Гелиода в мире смертных.

- Тебе судьбой предначертано быть героем... - начал Дакс. Элспет не хотела больше слушать эти полу-правды, поэтому она резко развернулась и ушла прочь. Выйдя из комплекса, и спустившись в одиночестве к пляжу, она задумалась, не стоило ли ей покинуть Терос. Но куда она отправится? Ей нравился этот безмятежный, изнеженный солнцем полис. Это было первое место, в котором она чувствовала себя в безопасности, после Банта.

Она сидела на берегу в одиночестве, слушая ласковые волны прибоя. К тому времени, как солнце начало опускаться за горизонт, весь ее гнев растаял без следа. Она лишь хотела исправить отношения с Даксом. Они должны были встретиться на утренней тренировке, но вместо этого она обнаружила под дверью записку. Она разгладила клочок бумаги и прочла еще раз: ТЕБЕ ПРЕДНАЧЕРТАНО СУДЬБОЙ БЫТЬ ГЕРОЕМ ТЕРОСА.

И вот настало утро после ссоры, и нигде не было никаких следов Дакса. Пытаясь встряхнуть с себя неожиданное чувство одиночества, Элспет услышала в коридоре за спиной приближающиеся шаги двух священников. Она была не в настроении общаться, поэтому отошла за покрытую листьями решетку, ожидая, что священники пройдут мимо. Даже не видя лиц, она узнала их голоса. Того, что был моложе, звали Стелан, и он считал Дакса одним из своих друзей. Старшего священника звали Хев, это было прозвище со времен его работы каменщиком, до того, как он посвятил себя служению Гелиоду.

- Он пренебрег своими обязанностями, - сказал старший священник. – Нужно что-то делать.

- Я поговорю с ним, - ответил Стелан. – Я уже искал его, но нет никаких признаков, что он вообще ночевал в своей постели.

- Но ведь он никогда не спит, разве нет? – спросил Хев. – Или это изменилось?

- С начала Безмолвия он спит ночью, и просыпается рано на тренировки с Элспет... - Стелан запнулся. Поначалу, Элспет решила, что они остановились, потому что заметили ее сквозь покрытую листьями сетку. Но затем она поняла, что священники все еще не знали о ее присутствии. Они просто остановились за колонной и продолжили беседу, не зная, что она слышала каждое их слово.

- Почему Вы не принимаете ее всерьез? – спросил Стелан. – Вы не верите, что она избранница Гелиода?

- Зачем Гелиоду выбирать чужеземку? – спросил Хев. – Кто она, Сетессийка? Тогда пусть будет избранницей Охотницы. Нам чужих здесь не нужно.

Щеки Элспет залились краской. Они прежде говорили о Даксе, а теперь обсуждают ее.

- Чужих? – спросил Стелан. – Вы полагаете Бог Солнца должен благословлять лишь рожденных в стенах Мелетиды? Или Вы теперь хмуритесь на всех женщин?

- Я ничего не имею против женщин, - возразил Хев. – Я лишь не вижу, как Гелиод мог избрать ее перед тем, как был отозван Безмолвием в Никс.

- Вы допускаете, что способны понять тайны Гелиода? – спросил Стелан. – Или Вы называете Дакса лгуном? Именно он говорит, что Гелиод избрал ее своим чемпионом.

- Нет, нет, - сказал Хев. – Некоторые священники просто спрашивают, действительно ли она та, за кого себя выдает.

- Она нанесла смертельный удар гидре, - напомнил ему Стелан.

- Да, но ты не можешь отрицать, что в Даксе произошли изменения с того дня, как она появилась у нас, - сказал Хев. – Мне это не нравится. Он стал рассеян. Не думаю, что он заходил на территорию храма со времени...

- Со времени Безмолвия, - закончил за него Стелан. – Почему Вы решили, что это чужеземка, а не Безмолвие воздействует на него?

- Я видел ее у фонтана этим утром, - сказал пожилой священник. – Она теперь не с ним, но она может знать, где он.

- Я не желаю ее беспокоить, - сказал Стелан. – Я поговорю с Даксом, как только его встречу.

- Ты слышал об этих странных проявлениях рожденных в Никсе? – спросил Хев, когда оба священника направились к выходу. – Они напали на Сетессу. Ты можешь это представить...

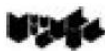
Эхо их шагов по коридору стихало, и Элспет едва не сгорала от стыда. Ей никогда не приходило в голову, что священники, такие как Хев, не желали ее присутствия здесь. Со дня ее прибытия, большую часть времени она проводила с Даксом. Но священники казались ей радушными и при гостеприимными. Вежливость в ее общении с ними напоминала ей своего рода рыцарский этикет Банта. Общение с людьми было прохладным и лаконичным. Оно было приятным, но осторожным и формальным. Возможно, безжизненным, но она никогда бы не подумала, что оно было неискренним.

Элспет решила больше не ждать Дакса. Она собиралась навестить Никку, которая разместилась в пансионе Эфары, где была подвержена своду строгих правил. Храмовая жизнь плохо подходила бунтарскому характеру подростка. Только Элспет решила покинуть храм, она услышала звонкий звук камешка, ударившегося о скамью позади нее. Она уставилась на камушек, тускло светящийся янтарным светом.

Почему ты смотришь на камень, а не туда, откуда он прилетел?

Слова, словно, вплыли в ее сознание, и она осмотрела внутренний двор. Дакс сидел у самого края покато́й крыши, наблюдая за ней. Когда их глаза встретились, он улыбнулся и подбросил ей еще один камушек. Она подняла кусочек янтаря со скамьи и метнула обратно ему. С кошачьей скоростью он поймал камушек налету и улыбнулся снова.

На этот раз он беззвучно произнес одними губами. *Встретимся у Врат Спящих.*

Улицы были заполнены людьми, направляющимися на утреннюю службу, когда Элспет выскользнула из Врат Спящих, редко используемой деревянной двери, затерянной в плюще неподалеку от южного входа в храмовый комплекс. Ей не пришлось долго всматриваться в толчею, прежде чем она заметила Дакса, стоящего у общественной цистерны в конце улицы. Он держал за поводья крупную гнедую лошадь, нетерпеливо бьющую копытом о мостовую.

- Ты уезжаешь? – спросила она, пробравшись сквозь толпу. Вдалеке послышался звон колоколов храма Гелиода.

- Всего на день, - сказал он.

Элспет кивнула, поглаживая нос лошади.

Дакс положил руку Элспет на плечо, и кивнул в сторону ее оружия. – Почему те всегда носишь с собой оружие? В комплексе совершенно безопасно.

Она пожала плечами. – Может быть, - согласилась она. Она собиралась повторить один афоризм о том, чтобы всегда быть готовым ко всему, но воздержалась. Она хотела *по-настоящему* поговорить с Даксом. Она хотела восстановить то, что было разрушено их ссорой, но он заговорил первым.

- Я выехал из города до рассвета, - сказал он ей. – Проехал Хранителей, на плато. Кровь Поликрана впиталась в камни. Там теперь красное пятно, видимое с самого Никса.

- Может, Нилея сможет использовать его в качестве тренировочной мишени, - сказала Элспет.

- Нилея, - повторил он. – Она не будет рада тому, что случилось с гидрой.

- Она бы предпочла, чтобы твой город был разрушен? – с удивлением спросила Элспет.

- Я собирался скакать дальше, в Нессийский Лес, но передумал, - продолжал Дакс, не ответив на ее вопрос.

- Почему? – спросила Элспет.

- Прости, что назвал тебя эгоисткой, - сказал Дакс. – Желать дом – безопасность – это базовая потребность.

- Я не называла тебя лгуном, - сказала Элспет.

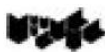
- Некоторые люди готовы поверить всему ради славы, - сказал он. – Я должен был знать, что ты не такая.

Элспет неуютно переминалась с ноги на ногу. Она не знала, что делать. Пожелать ему доброго пути? Просить его вернуться в храм? Почему проще было столкнуться с врагом в бою, чем сказать другу то, что думаешь?

- Хочешь поехать со мной? – спросил Дакс. – Это сильная лошадь. Он выдержит нас обоих.

- Куда мы едем? – спросила Элспет.

- В Земли Отчаянья – на поиски моей матери, - сказал он ей. – Прежде, Гелиод ни за что бы меня не отпустил, а теперь я не хочу ехать один.

Солнце поднялось высоко, и туман рассеялся с полей, пока они скакали по Дороге Хранителей, переходящей в грунтовую тропу, ведущую к лесу. Оказавшись в Нессийском Лесу, Элспет ощутила странное беспокойство в тусклом свете, струящемся сквозь тенистые кроны

серебряных дубов. Около полудня они остановились на привал неподалеку от развалин круглой башни, у ручья. Это место было особенно прекрасным, с кустами сирени вдоль берега речушки, и золотыми бабочками, порхающими сквозь струи солнечного света. В ярко голубой воде ручья, у прибрежных камней собирались серебряные рыбки.

- Где мы? – спросила Элспет. Ее прежняя тревожность растаяла, как только они въехали на эту живописную поляну.

- Это место называют Переправой Охотницы, - сказал Дакс. – Эта разрушенная башня раньше служила аванпостом Сетессы.

Они утолили жажду из ручья и сели вместе на берегу, пока их лошадь щипала траву неподалеку. Дакс снял рубаху и подложил ее под голову, растянувшись в тенистой прохладе прозрачной речушки. Элспет некоторое время смотрела на воду, после чего повернулась к молодому оракулу. Его глаза были закрыты, поэтому она уставилась на татуировки на его плече, давно вызывавшие ее любопытство, но которые ей не удавалось рассмотреть поближе. Она опознала большую часть символов, относящихся к Гелиоду. Она видела некоторые из них на фресках в Мелетиде, но пара знаков была ей незнакома. Его веки вздрогнули. Он не спал.

- Ты не доверяешь мне, Элспет? – пробормотал он. – Скажи, что хотела сказать.

Это было приглашение, но она пока не готова была его принять.

- Что это за знак? – спросила Элспет. Она нежно коснулась пальцем чернил у его горла.

- Это жуткая ересь, - сказал он.

- Я думала ты пропитан ортодоксальной религией, - сказала она.

- Думаю, мы оба недооценили друг друга, - сказал Дакс.

- Ты не веришь в учения Гелиода? Или, все же, веришь?

Дакс взглянул в небо, и снова закрыл глаза. – Я верю в них. Я лишь не думаю, что они высечены в камне.

- Ты злишься на Гелиода? – спросила она.

Дакс не ответил сразу. Он сел, поднял камень, и метнул его в воду. Камень трижды скользнул по глади воды, прежде чем пойти ко дну.

- Ты злишься на него из-за Безмолвия? – не унималась Элспет.

Дакс посмотрел на нее с недоумением. Затем улыбнулся и залился смехом. Радость полностью изменила его черты, и она не заметила, как сама улыбалась от его неожиданного веселья. Он наклонился к ней, словно собираясь поцеловать ее в щеку. Но вместо этого, прошептал, - Я никогда в жизни не был более счастливым.

Прежде чем Элспет смогла ответить, он игриво ухмыльнулся ей. – Знаешь, что смешного в воде? – спросил он.

- В воде? – переспросила она, растерявшись от смены темы.

Он наклонил голову влево, затем вправо. Пока Элспет пыталась понять, что он делал, она заметила что-то боковым зрением. Тонкая струйка воды поднялась из ручья. Она повернулась посмотреть поближе и услышала хихиканье Дакса. К тому времени, как она поняла, что Дакс призывал заклинание, струя воды промочила ее насквозь.

- Ты меня обрызгал! – выпалила Элспет.

- Это и есть твой ответ, Чемпион? – дразнил Дакс. – Ты можешь сразить великого Поликрана, но не способна ответить на простое обливание?

Элспет обнаружила, что не может подобрать ни единого заклинания в ответ, поэтому, вместо магии, она принялась щекотать его. Она застала его врасплох и воспользовалась этим преимуществом. Поставив колено ему на грудь, она едва не прижала его к земле, но Дакс неожиданно переместил вес в сторону. Элспет наклонилась, чтобы удержать равновесие, и он сбросил ее вправо. Еще пару секунд ей удавалось удерживать равновесие, но, затем, он без труда

прижал ее к земле. Они были примерно одного роста, но он был сильнее и обучался искусству борьбы.

- Сдаюсь, сдаюсь, - сказала она. Она спихнула его и села. Они оба были испачканы землей, листьями и раздавленными фиалками.

- Мило, - сказал он, оценивая ее растрепанный вид. – Теперь ты готова к панкратиону в Акросских играх.

- Это что-то гладиаторских боев? – спросила она.

- Только без боев насмерть, со времен коронации Анакса, - сказал Дакс. – Тебя не обучали рукопашному бою?

- Обычно никто не проходит за границу моего меча, - пробормотала она. – Но, нет, мы немного времени уделяли кулачному бою. Быть рыцарем, означало использовать оружие с честью.

- Где твой дом? – спросил он. – Когда я впервые увидел тебя, то решил, что ты была рожденной богами.

- Мой дом разрушен, - сказала она.

Он озадачено сгустил брови. – Где он находился? – спросил он.

- Какая самая дальняя изведанная точка известного мира? – спросила Элспет.

- На востоке, за землями леонинов, есть еще один лес, - сказал ей Дакс. – Он еще шире Нессийского, никто не знает, как далеко он простирается.

- А что на западе, за океаном? – спросила Элспет.

- Мир заканчивается у водопада, где растет Древо Круфикса, - пояснил он. – Океан ниспадает за край, в пустоту.

- Мой дом был за бесконечным лесом, - сказала она.

Он нежно улыбнулся. – За бесконечным лесом, - повторил он.

- Ты мне не веришь, - сказала она.

- Верю, - сказал он. – И я восхищен твоим мужеством, пройти так далеко в одиночку.

Повисло долгое молчание, нарушаемое лишь трелями птиц и журчаньем воды.

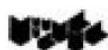
- Что ты вчера имел в виду, когда сказал, «У подножья нетронутого города. От руки того, кого я люблю»? – спросила Элспет. – Это о твоей матери?

Дакс резко поднялся. Он потянул Элспет руку и помог ей встать.

- Нам нужно ехать, - сказал он.

- Дакс, я думала, твоя мать погибла, - сказала она. – Как она может быть в Землях Отчаянья?

- Пойдем, - сказал он, протягивая руку. – Я покажу.

Они остановились у обрыва, выходящего к Землям Отчаянья, где все деревья вдоль края леса стояли сухими и мертвыми. Дакс привязал лошадь к сухой ветке, пока Элспет окидывала взглядом безжизненные просторы из черного песка, разбросанных валунов, и безысходности.

- Это природное явление? – спросила она. Она вспоминала тошнотворные земли Гриксис, прорывавшиеся сквозь цветущие поля Банта. Элспет почувствовала нарастающий страх, подобный бурному источнику, готовому переполнить ее. Время словно замедлилось. Ей казалось, будто на ее плечи опустился невидимый груз.

- Природное? – спросил он. – Не знаю, о чем ты.

- От чего умирает земля и высыхают деревья? – спросила она.

Дакс осмотрел периметр отмерших деревьев вдоль обрыва.

- Это новое повреждение, - сказал он.

- Повреждение? – переспросила Элспет.

- Здесь должен быть эфирный барьер, охраняющий деревья, - сказал Дакс. – Но без Нилеи, становится хуже.

- Что становится хуже? – Элспет положила руку на клинок, словно ожидая, что за деревьями укрылись враги.

- Это дыхание Эреба, - сказал он. – Он получает удовольствие от чужих страданий, поэтому наполняет мир собственным отчаяньем. Это единственная радость, которая ему дана.

- Это происходит лишь здесь? – спросила Элспет. – Может ли он поражать города? Как далеко может распространиться эта пустошь?

- Эреб сам заточен в Подземном Царстве, - сказал Дакс. – Я никогда не видел, чтобы он пересекал реку, и входил в мир смертных. До Безмолвия, его голос было услышать сложнее всего. Но он может поражать смертных и наполнять их своим ядовитым присутствием. И люди, и животные, такие, как катоблепас, могут быть слугами отчаянья.

- Чего он хочет? Смерти и Кровопролития?

- Нет, этого желает Могий, - пояснил Дакс. – Эреб хочет, чтобы все покорились своим несчастьям. Мы называем это «испить чашу смирения». В лучшем случае, это делает людей ленивыми и жестокими. В худшем, заставляет их переживать самые горькие моменты жизни. Они более не могут отделять реальность от влияния Эреба.

Элспет осмотрела бледный горизонт. По ту сторону каменистой равнины и черного песка она заметила черный вход в пещеру. Ее охватила паника.

- От этого места веет угнетенностью, - признала она. – Безысходностью.

- И мы лишь подошли к нему, - сказал Дакс. – Вероятно, нам стоит вернуться в Мелетиду. Я не хочу, чтобы ты...

Отблеск золотого света из-под обрыва прервал его. Элспет указала на темную фигуру, обходящую разбросанные по песку валуны. Несмотря на расстояние, она явно определила, что это был кентавр. Они чаще встречались в Мелетиде, чем в Акросе, выставляя на продажу свои товары у стен храма Гелиода. Кентавр блуждал вокруг камней, снова и снова повторяя свой путь по кругу.

- Кто это? – спросила Элспет.

- Возвращенный, - сказал Дакс.

- Это те люди, в золотых масках? – спросила она. Она встречала их образы на фресках в катакомбах под храмом Гелиода.

- Возвращенным может быть любой, кто сбежит из Подземного Царства – кто угодно, у кого было достаточно разума, чтобы служить богам при жизни.

- Они, правда, восстают из мертвых? – удивленно спросила Элспет. Она видела массу зомби в других мирах, но те безмозглые твари не *по-настоящему* восставали из мертвых. Их выдергивали из могил некроманты. Поскольку, Дакс, очевидно не понял бы концепцию «зомби», она не произнесла свои мысли вслух.

- Никто не знает, какова на самом деле смерть в Подземном Царстве, - сказал Дакс. – Боги рассказывают притчи о том, какой она будет, но лишь Эреб знает наверняка. И он лжет. Это все, что он умеет делать. Я не думаю, что он вообще знает, как *не* лгать.

- Думаешь, твоя мать могла сбежать? – спросила Элспет. – Что он вернется к тебе?

- Я не знаю, - сказал Дакс. Его голос словно боролся с комом в горле. – Я не знаю, почему некоторые мертвые возвращаются, а другие нет. И даже когда они возвращаются, они уже не те,

что были прежде. Это, должно быть, жуткое состояние. У них есть ощущение всего того, что они потеряли, но им никогда не дано найти утраченное.

Элспет уставилась на Возвращенного Кентавра, прекратившего свои бездумные блуждания. Он снова и снова бил копытом о землю. Это напомнило ей рассерженного ребенка, и она хотела унять его раздражение, чтобы облегчить его ношу.

- Они не помнят свои жизни, поэтому следуют некой забытой схеме, выжженной в их мозгу, - сказал Дакс. – Даже если моя мать действительно вернулась, она бы не узнала меня. Она бы утратила душу, и не знала бы, кто она.

- Что происходит с их душами? – спросила Элспет.

- Душа отделена и блуждает сама по себе, - сказал Дакс. – Они становятся эйдолами и влекутся к магии богов, подобно тому, как щенок льнет к матери.

- Что-то произошло, что ты решил, что сможешь отыскать теперь свою мать?

- Прежде Гелиод контролировал все мои действия, - сказал Дакс. – В его отсутствие он не может запретить мне ее искать. Я потерял ее здесь. Если она смогла вернуться, то бродит где-то неподалеку.

Теперь, когда она поняла, почему это было так для него важно, Элспет попыталась унять свою нарастающую панику. Она положила ладонь на его руку. – Давай спустимся и поищем, - сказала она.

- Я не знал, что отчаянье Эреба затронет тебя так сильно, - сказал Дакс. – Там, внизу, может оказаться еще хуже.

- Я справлюсь, - заверила его Элспет. – И мы проделали такой путь.

- Ты уверена, что ты в порядке? – сказал он. – Мы можем вернуться в Мелетиду. По пути домой я тебя сброшу в реку.

Она прищурилась и игриво похлопала по своему клинку. – Можешь попробовать.

Они спустились с обрыва, скользя по сыпучему склону, и направились к входу в пещеру.

- Пещера, это святилище Атрея, Лодочника, - сказал он. – Я не знаю, что с ним произошло в Безмолвии. Не думаю, что Круфикс отозвал бы его в Никс. У него слишком важная роль в переправе мертвых.

- Ты хочешь войти внутрь? – спросила она, когда они достигли входа.

- Да, мне нужно туда войти, - сказал он. – Подождешь меня здесь?

- Нет, я пойду с тобой, - сказала Элспет.

- Я не смогу разговаривать в пещере, - предупредил Дакс. – Эреб знает мой голос. Он крадет оракулов, поэтому я должен молчать, иначе он вышлет за нами своих слуг. Что бы ни случилось, не отпускай мою руку.

Как только они ступили в пасть пещеры, тьма, как будто протянула к ним свои лапы и поглотила их. Свет внешнего мира померк, и Элспет казалось, что темнота вот-вот раздавит ее. Без единого ориентира, она начала терять равновесие, и вцепилась в пальцы Дакса, как за спасительную нить. Воздух обжигал холодом ее кожу, и вдруг она услышала тысячи стонущих голосов вокруг. Не думая о последствиях, она призвала заклинание, заливая пещеру золотым светом. Дакс закрыл рукой глаза от неожиданной яркости, но Элспет увидела, что пряталось за пределами светового круга. Их окружали призрачные, разрозненные силуэты – потерянные души мертвых, пойманные в святилище, неспособные самостоятельно перебраться в Подземное Царство. Тела эйдола состояли из света и эфира, но под воздействием Эреба, Элспет сумела рассмотреть в них жуткие подробности. Она увидела женщину с прогнившим, как у зомби, телом ковыляющую к ней. Старика, рухнувшего на колени, пронзенного в сердце метательным копьем. Чуть поодаль, юношу с продавленным черепом прильнувшего к стене пещеры.

Элспет хотела покинуть Терос. Немедленно и навсегда. Она не могла выйти за пределы мира мгновенно, но она уже опустила на колени и сосредоточила всю волю на том, чтобы сбежать из этой жуткой пещеры. Когда-то, ее друг Аджани сказал ей, что со временем проходить меж мирами станет легче и не столь утомительно. Ее ужас и отчаянье, казалось, ускоряли процесс. Края ее существа стали подобны песку, уносимому ветром. Она готова была броситься в любой уголок Сплошной Бесконечности, лишь бы только сбежать от этого кошмарного места...

Неожиданно, она почувствовала рядом с собой Дакса, тепло его тела, касавшегося ее. Он обнял ее обеими руками, став для нее якорем реальности. Когда она снова открыла глаза, эйдолоны стали просто размытыми пятнами. Видение крови и жестокой бойни, сопровождавшее их всего пару мгновений назад, исчезло.

- Прощу тебя, останься, - сказал Дакс. – Останься со мной.

Элспет пресекла заклинание, позволив волшебству раствориться в удушливом мраке пещеры. Они с Даксом бросились к выходу и пересекли порог в унылый свет Земель Отчаянья. Они бежали, не останавливаясь, пока не достигли увядшей границы Нессийского Леса, где безмятежно паслась их лошадь.

- Я все думал, как Безмолвие могло сказаться на мертвых, - сказал Дакс. – Я боялся, что мертвые могли быть лишены переправы.

Элспет бросила свой клинок на землю. Она не могла найти себе места. Она все вертелась на месте, пытаясь восстановить дыхание, словно, затерявшееся в груди. Она чувствовала себя животным, загнанным в охотничий силоч.

- Прости меня, Элспет, - сказал Дакс. – Отчаянье Эреба действует на тебя невероятно сильно. Больше чем на большинство людей. Моя ненависть к Богу Мертвых оберегает меня от него.

- Я видела его слуг, когда мы с Никкой ехали в Мелетиду, - сказала Элспет.

Дакс кивнул, рассматривая ее со странным выражением лица. Это было не восхищение, но и не страх, или выжидание.

- Что за заклинание ты собиралась использовать? – спросил Дакс. – Я никогда ничего подобного не чувствовал.

Элспет покачала головой. Даже если бы она хотела поговорить с ним об этом, она бы не подобрала нужных слов.

Вдали под обрывом они заметили мелькающий огонек, пересекавший Земли Отчаянья. Они встали на край, наблюдая за его приближением. Когда свечение подлетело к краю обрыва, они увидели, что это был эйдолон молодой женщины с длинной черной косой. Дакс побледнел при виде нее. Ее образ переливался искаженным светом, словно эйдолон исчезал и возникал вновь. Она протянула к ним молящие руки, зовя Дакса за собой, но он заорал в ответ.

- Трус, - в ярости кричал он, и его голос звенел на все Земли Отчаянья. – Я прикончу тебя.

Элспет опасалась, что в своем гневе, он оступится и соскользнет вниз. Она встала рядом, на случай, если она ему понадобится.

- Это твоя мать? – спросила она, зная ответ.

- Это трюк, - орал он. Затем, он произнес тише, - Эреб слышал мой голос в пещере, и пытается надсмехаться надо мной.

Дакс сорвал амулет со стеклянной асфоделью, который его мать отдала ему в последний день ее жизни. Он швырнул его вниз, где призрачная женщина опустилась на колени. Она все еще звала его. Когда стеклянный амулет коснулся черного песка, он и эйдолон растаяли в дымном облаке. Элспет и Дакс отвернулись от Земель Отчаянья и вместе увели лошадь обратно в лес. Они шли обнявшись, и, как и в первую ночь из знакомства, каждый думал, что его ведет другой.

ГЛАВА 4

Рордон Ярокров уже занес свой молот над головой раненного леонина, как вдруг его посетила мысль о жизни после смерти. Куда отправится пленный леонин, после того, как содохнет? Леонины не служили богам. Стало быть, не откажет ли Атрей ему в перевозке через реку в Подземное Царство? Это была странная мысль, пришедшая в неподходящий момент. Невероятно крупный и могучий минотавр, Рордон не привык к тому, чтобы его мысли блуждали, где им вздумается. Он был оракулом Могия, чей голос до Безмолвия постоянно звучал в его голове. И не только голос Могия обычно подавлял его собственные мысли – голос Ироя, звучал несмолкаемым эхом. Могий ревел, и голос Ироя возражал ему в ответ, и силовые волны от их столкновений поглощали разум Рордона и заполняли его сны.

Теперь же его мозг утверждался в собственной независимости. И ему это не нравилось.

Мысль о Подземном Царстве заставила его остановиться, и кровожадные минотавры, собравшиеся в кольцо вокруг него, почувствовали это. Ни один минотавр не жил долго, если позволял себе мешкать в бою. Леонин перекатился на спину, лежа на изрубленном полу храма. Его голубые глаза взирали на Рордона без страха. Леонин был повержен, избит и унижен, но он не скулил и не просил пощады. Он не приветствовал свою смерть; он просто не боялся ее.

Минотавры вокруг Рордона зарычали, недовольные задержкой бойни. Их оглушительный рев сотряс колонны, осыпав древнюю пыль с остатков потолка. Храм Злобы представлял собой разрушенную крепость, сползшую в расщелину меж двух гор во время битвы Пирфора с гигантами. Стиль архитектуры здания относился к далекой цивилизации, предшествующей Акросу, хотя отголоски былой роскоши все еще были видны за грязными внешними стенами.

- Дайте мне его оружие! – Прорычал Рордон, будто это была причина, по которой он все еще не прикончил пленного. Когда леонин был пойман в предгорье Акроса, при нем был бронзовый меч с гладким голубым диском у основания лезвия. Именно из-за этого клинка его и не убили на месте. Один из минотавров настаивал, что Бримаз, Король Ореска владел таким же мечом. Если это был король леонинов, то за него можно было получить хороший выкуп. Но леонин отрицал, что он король, даже под пытками, поэтому смысла держать его в живых больше не было.

Один из воинов передал вожаку сверкающий клинок леонина, и Рордон больше не мешкал ни секунды. Он резанул леонина по шее с такой силой, что его голова отлетела на несколько футов от тела. Рордон удовлетворенно фыркнул и отошел в сторону, дав остальным минотаврам в кровожадном неистовстве наброситься на труп. Но их пир был прерван, когда один из охранников заорал, что к храму приближается чужак.

Крошечный сатир неторопливым, прогулочным шагом вошел в разрушенный холл, и минотавры прекратили жевать, с удивлением подняв вымазанные кровью морды, уставившись на незваного гостя. Они считали сатиров закуской, а не посетителями. Но еще более странным было то, что сатира сопровождала пара громаднейших рожденных в Никсе минотавров. Рордон был самым крупным минотавром в Храме Злобы, и ему приходилось опускать рога, чтобы втиснуться в проход строения. Эти рожденные в Никсе чужаки были, по крайней мере, на голову выше Рордона. Ни один уважающий себя минотавр, даже рожденный в Никсе, не опустил бы до того, чтобы служить сатиру. Своим ограниченным божественным зрением Рордон смог рассмотреть,

что эти Никсовы творения были не совсем теми, кем казались. Пока мозг Рордона бурлил от любопытства, сатир заговорил.

- Я Ксенаг, - проблеял сатир. Рордон не переносил писклявые голоса низших рас. – Люди объединяются, чтобы перерезать всех вас в отсутствие Могия. Ирой перехитрил Безмолвие и помогает им из Никса.

Рордону следовало приказать своим воинам разорвать сатира на четыре куска, но слова непрошеного гостя остановили его. Бойцы оставили растерзанный труп леонина и собрались за спиной вожака. Рордон знал, о чем они думали – почему Рордон не размазывает этого наглого козла по полу? Он фыркнул им оставаться на местах. Минотавры вскипали от злости, но сатир принял сигнал Рордона за позволение продолжить.

- Акрос – это сердце Ироя, - сказал Ксенаг. – Пришло время вырвать его.

Рордон гневно зарычал, и его воины гулко ударили своим ржавым оружием о расколотые плитки храмового пола. Ксенаг осмотрел обветшалый зал с его осыпающимися колоннами и грудями костей. Несмотря на большое количество грозных минотавров, он вел себя так, словно был их повелителем.

- Могий выслал вам армию рожденных в Никсе через святилище богов, но Акросиане сокрушили их, - сказал Ксенаг.

- Откуда ты это знаешь? – гневно прорычал Рордон.

Ксенаг обеими руками указал на внушительных Никсовых минотавров, возвышающихся над ним с обеих сторон. Рордон не впечатлялся, но он понимал, что козлоногий не мог наколдовать их из воздуха. Лишь Могий мог создать рожденных в Никсе минотавров, поэтому Рордон решил дать чужаку еще пару секунд жизни. Кроме того, тот уже снова что-то блял.

- Акросская армия уничтожила мою собственную долину, вы следующие, - сказал Ксенаг. – Я готов вернуть армию Могия вам в обмен на незамедлительный штурм Акроса.

Рордон не верил лживому сатиру. Такой слабак не мог захватить целую армию рожденных в Никсе минотавров. Оскорбительным было даже предположить, что он обладал таким мастерством. Рордон поднял седой подбородок. Едва заметным движением челюсти он позволил бойцам убить сатира.

Ближайший воин бросился к чужаку, но Ксенаг ожидал нападения. Сатир сделал странный шаг в сторону, шаркнув копытом по запекшейся на полу крови, и один из его Никсовых защитников подался вперед. Рордон почувствовал неистовую мощь, исходящую от потустороннего существа. Рожденный в никсе встал перед воином Рордона и поднял его в воздух, как мешок с зерном. Затем он швырнул его головой о стену, сломав его шею о древние камни. Прежде чем остальные успели шевельнуться, сатир сделал еще один странный шаг и пронзил самого Рордона обжигающей энергией.

Рордон распознал мистический выпад сатира своим божественным даром – чувство было похоже на зазубренные когти, впившиеся в его тело, а затем взорвавшиеся огнем. Удар опалил его шерсть и вскрыл плоть, но в целом Рордон был ранен не сильно. Более того, он даже получил удовольствие от боли. Воины Рордона почувствовали паленый запах и увидели вскрытую грудь вожака. Они встревоженно переводили взгляд с сатира на раненного оракула. Рордон прижал грубую ладонь к ране и вытер окровавленные пальцы о лоб. Он знал, что сатир мог убить его, но не сделал этого. Козел заслуживал чуть больше уважения. Еще одним движением подбородка он приказал своим бойцам отступить и больше не нападать на их гостя.

- Я сам их изловил, - сказал сатир, и Рордон не стал спорить. – А теперь я расскажу тебе, как уничтожить Акрос, и ты станешь Рордоном, Покорителем Акроса.

- Откуда ты знаешь то, чего не знает Могий? – спросил Рордон.

- Могий знает, - заверил его Ксенаг. – Но Ирой не позволит ему нарушить Безмолвие и покинуть Никс, чтобы сказать тебе это лично. Вместо этого, он прислал тебе армию.

В это Рордон мог поверить. Ирой существовал лишь для того, чтобы мешать Могию и предотвращать его кровавые побоища.

- Расскажи нам, - прорычал Рордон. – И кровь людей затопит улицы этого проклятого города.

Ксенаг вытащил из-за пояса длинный нож и начертил в кровавой грязи круг его острием.

- Это Акрос, - сказал сатир. – Стены города всегда оставались неприступны, потому что кочевые армии постоянно возвращались и атаковали нападающих с флангов. Ни человек, ни минотавр не может сражаться на два фронта одновременно.

Ксенаг начертил еще один круг, побольше, вокруг стен Акроса. Рордон все понял сразу, в отличие от его воинов. При взгляде на него он услышал раскат грома в небе. Он готов был поклясться, что это был Могий, грубым голосом одобрявший план осады из Никса.

- Круг вокруг круга, - хитро ухмыльнулся Ксенаг. – И мои Никсовцы помогут тебе его соорудить.

Прежде чем Рордон смог ответить, в зал храма вломился запыхавшийся воин. Его грязная шерсть была взъерошенной и мокрой от долгого бега. Боевой топор был вымазан кровью, и на нем были свежие шкуры людей.

- Они насадили головы наших братьев на ворота Акроса! – проорал он.

- Видите, я говорил вам одну лишь правду, - сказал сатир. – Люди готовятся вырезать вас.

Рордон несколько долгих мгновений смотрел на Ксенага. – Продолжай, козел, - сказал он.

Сатир сделал еще один забавный шаг. И услужливо поклонился богу войны и кровавой бойни.

ГЛАВА 5

- Ты покойник, Дакс! – дразнилась Никка.

Театральным жестом она передвинула зеленую фишку на шесть квадратов на восток и сдвинула желтую фишку Дакса. Элспет промолчала. Никка совершала роковую ошибку, и для нее игра скоро закончится. Элспет не сводила глаз с игровой доски, чтобы выражение ее лица ничего не выдало. Они втроем сидели в комнате Дакса, в храмовом комплексе Гелиода. Они часто собирались вечерами, посидеть у костра и поиграть в настольную игру, под названием Владения Гелиода. По крайней мере, так ее называли местные здесь, в Мелетиде. В Акросе, она называлась Владения Ироя, и Ксиро с друзьями играли в нее постоянно. Ксиро считал, что она учила реальной стратегии на поле боя, и настоял, чтобы Элспет ее освоила. К великому удивлению Ксиро и его команды, Элспет хватило лишь пары партий, чтобы вникнуть в тонкости игры и без усилий побеждать в ней любого.

Никка завершила свой провальный ход. Дакс в неверии покачал головой и убрал с доски свою желтую фишку. Элспет изо всех сил пыталась не смотреть на Дакса и его тайную ухмылку в пляшущем свете языков пламени. Никка принялась напевать песенку и двигать плечами, словно пританцовывая на своем стуле.

- Ты долго это подстраивала? – спросил Дакс. Элспет вежливо прокашлялась в кулак, чтобы скрыть свою улыбку от Никки.

- Годами, - радостно ответила Никка.

Было приятно видеть, как Никка улыбалась. Ей не удавалось приспособиться к жизни в Мелетиде. Она отказывалась учиться, или подчиняться правилам служителей Эфары. Хотя новости о том, что Бета выжил после нападения слуг Эреба, смягчили ее скорбь, ее бунтарский характер становился все тяжелее. Священники Эфары жаловались на Никку Элспет и ее отцу. Они называли ее непокорной и не желающей участвовать в общественных работах. Ходили разговоры отправить ее домой, к отцу, в Акрос.

- Что ж, ты была так поглощена попытками пробиться на мою территорию, что полностью проигнорировала угрозу в своем тылу, - сказал Дакс.

Он указал на Элспет, скользнувшую своей красной фишкой в базовый ряд Никки. Лицо девушки помрачнело от разочарования.

- Элспет победила, - сказал Дакс.

Никка выкрикнула что-то неразборчивое. Она взмахнула рукой над лакированной доской и смела фишки на пол. Элспет и Дакс обменялись понимающими взглядами, осуждая ее юношескую импульсивность.

- Следи за манерами, милая, - сказал Дакс. – Разве тебя в Акросе не учили, как себя вести?

Никка открыла рот, чтобы что-то ответить, но дверь в комнату Дакса с треском распахнулась, и в нее ворвалась женщина, расталкивая священников, безуспешно пытавшихся ее остановить. У нее были длинные черные волосы, высокие скулы, и она была облачена в боевой Сетессийский доспех. В руках у нее был продолговатый белый сверток, а за спиной бежал запыхавшийся Стелан.

- Дакс, прости, - сказал Стелан. – Она настаивала на встрече с тобой.

- Все в порядке, - сказал Дакс Стелану. – Я ее знаю.

- Тебе что-нибудь нужно? – спросил Стелан. Он уже пятился из комнаты под злобным взглядом непрошеной гостьи. В коридоре за дверью, в нетерпении ожидали еще три воительницы Сетессы. Каждая из них была больше шести футов росту, и они возвышались над раздраженными священниками. Обе стороны недоверчиво осматривали друг друга, пока Дакс успокаивал Стелана.

- Нет, спасибо, - сказал Дакс, и Стелан вышел в коридор.

Элспет видела лишь профиль женщины, но явно замечала, что та была одновременно охвачена отчаяньем и дикой яростью.

- Антуза, - сказал Дакс. – Зачем ты пришла в Мелетиду? Что случилось?

Антуза уложила сверток на подушки близстоящей кушетки и размотала ткань. Под ней они увидели лицо ребенка. Девочка была неподвижна, как статуя.

- Ты можешь ей помочь? – спросила Антуза. – Ее сердце бьется, но воздух не проникает ей в легкие.

- Это колдовская рана? – спросил Дакс.

- Рожденные в Никсе ночью напали на Сетессу, - сказала Антуза. – От начала Безмолвия они стаями вторгаются в Нессийский Лес. Ее укусила рожденная в Никсе змея, и поразила ее этой странной болезнью.

Дакс опустился на колени перед ребенком. Его ладони парили над ее лицом. Пока Дакс пытался исцелить ее, слышался отчетливый звук ветра, несущегося над океаном в ненастный день. Элспет стояла у стены, чувствуя себя совершенно беспомощной.

Прошло несколько напряженных минут, и Дакс обессиленно опустился на пятки. Девочка оставалась неподвижна. Тоска тенью накрыла изможденное лицо Дакса.

- Когда это произошло? – спросил Дакс. – И кто эта девочка?

- Ее зовут Пайпа, и она в этом состоянии уже несколько дней, - сказала Антуза. – Наши целители в Сетессе не могут помочь, поэтому я принесла ее к тебе. Боюсь, Никсовая угроза касается не только владений Нилеи. Твоему городу тоже нужно подготовиться.

- Где ее родители? – спросила Элспет.

- Родители? – переспросила Антуза.

- Она одна из *аркуллов* Сетессы, - объяснил Дакс. – Сирота, воспитанная матерями города. Я тоже был одним из *аркуллов*. Я жил в Сетессе несколько лет, пока был ребенком. Антуза была одной из моих сестер.

- Она похожа на его сестру, - пробормотала про себя Никка.

Антуза повернулась к двум женщинам, стоящим у кушеток. На Никку она, словно, не обратила внимания, но пристально осмотрела Элспет со смесью любопытства и недоверия.

- Кто это? – спросила она, указывая на Элспет.

- Элспет и Никка, - сказал Дакс. – Я не могу исцелить этого ребенка, Антуза. У нее, словно, отсутствует душа. И на ее месте пустота. Это не физическая рана.

Антуза смиренно кивнула. – То же самое сказали лекари в Сетессе.

- Если мы узнаем больше о природе нападения, то, может, найдем способ ее вылечить, - сказал Дакс.

- Мои воины отнесут ее в лазарет, - сказала Антуза. – А я расскажу тебе все, что я знаю. И тебе нужно будет сделать то же самое.

Когда другие воительницы унесли Пайпу, Дакс жестом предложил Антузе присесть. Но она лишь взволнованно ходила взад, вперед, пока остальные неловко опустились на край своих кушеток, наблюдая за ней. Наконец, она начала, - Со дня начала Безмолвия, рожденные в Никсе ведут себя странно. Боги что, посылают их в мир смертных, в качестве своих глаз на время Безмолвия?

- Я не знаю, - сказал Дакс. – Я не общался с Гелиодом.

- Караметра тоже нет, - сказала Антуза.

- Что значит, «посылают их в мир смертных»? – спросила Элспет.

- Есть всего одна связующая точка между мирами, в Никтосе, святилище богов, - сказал Дакс. – Там существа, рожденные в Никсе, входят в наш мир – с некоторыми исключениями, такими, как гидра, но подобное случается редко.

- До нас докатились слухи об убийстве Поликрана, - сказала Антуза. – Вкупе с другими слухами, о женщине, владеющей оружием бога.

- Это Элспет, - сказала Никка. – Спасительница Мелетиды.

- Что? – сказала Элспет. – Нет, это не правда.

- Так говорят все в храме Эфары, - сказала Никка. – Они говорят, что ты божественная защитница, охраняющая нас на время Безмолвия.

- Кто дал тебе это право? – спросила Антуза у Элспет. Она говорила не враждебно, но решительно и жестко, и Элспет решила, что ни за что не хотела бы повстречать эту женщину в бою.

- Гелиод объявил ее своим чемпионом, - сказал Дакс. – Она действует с его благословения.

- С каких пор ты отвечаешь за женщин? – сказала Антуза. – Ты совсем позабыл обычаи Сетессы?

- Дакс, едва заметно, улыбнулся. – Прости, Элспет, - сказал он.

Сбитая с толку, Элспет спросила, - За что мне тебя нужно простить?

Никка закатила глаза. – В Сетессе, мужчины никогда не должны отвечать на вопросы за женщин. Ты нужна нам в Акросе, Антуза. Мой отец *всегда* отвечает за меня. Он думает, что девочке слишком сложно освоить языковую речь.

- Кто твой отец? – спросила Антуза. – Я с радостью продемонстрирую ему, что способны освоить женщины.

- Давайте поговорим о Пайпе, - вклинулась Элспет. – Если эта травма была нанесена рожденными в Никсе, и они ведут себя странно, то где бы мы могли больше узнать обо всем этом?

- Богов больше нет нигде в этом мире, - сказала Антуза. – Мы даже не видим их в ночном небе.

- Должен же быть кто-то еще? – спросила Элспет. – Мы не можем остаться беспомощными без богов.

Антуза резко остановилась, и Элспет задумалась, не оскорбила ли она ее. Сетесская воительница не была похожа на ту, которой бы понравилось, когда его называли беспомощной.

- Она права, Дакс, - сказала Антуза. – Мы обратились к богам за помощью, и они не ответили. Кто может знать способ, кроме пантеона?

Дакс устало потер виски. – Медомай недавно вернулся, и сейчас пребывает в Мелетиде.

Антуза насторожилась, - Это плохой знак.

- Не обязательно, - возразил Дакс.

- Кто такой Медомай? – спросила Элспет.

- Медомай это нестареющий сфинкс, и бродячий пророк, - пояснил Дакс. – Он обычно прилетает в Мелетиду лишь на заре каких-нибудь событий огромной важности. Но на этот раз он прибыл сразу *после* Безмолвия.

- И это значит, что грядет что-то монументальное? – спросила Никка.

- Вполне возможно, - сказала Антуза.

- Некоторые считают его мудрее самих богов, поскольку он более тесно связан с миром, - добавил Дакс.

- Нет никого мудрее богов, - возразила Антуза.

- Но они не слушают, - напомнил ей Дакс.
- Я не стану искать аудиенции с безбожным сфинксом, - настаивала Антуза. – Но, если ты думаешь, что он тебя просветлит, поступай, как считаешь нужным.
- Мы добьемся аудиенции Медомая Нестареющего, - сказал Дакс Элспет. – И будем надеяться, он будет не столь загадочным, как в прошлый раз.

Медомай Нестареющий был известен, как носитель дурных знамений. Поговаривали, что сфинкс обитал в непознанных землях и обладал необъяснимым знанием будущего. Когда тень его крыльев касалась Мелетиды, он приносил с собой ощущение плохих предзнаменований, хотя пользовался почтением у жителей города. Когда бы он ни появлялся, люди ожидали, что вскоре случится нечто ужасное. Разве не прилетал он в считанные часы до начала эпической битвы Гелиода с Пирфором почти десять лет назад? Разве не усаживался на куполе своей обители перед тем, как гиганты напали на город в Эпоху Тракса? У каждого была история о жутком событии, случившемся после того, как сфинкс прилетал к сводам Эфары.

В дни, следовавшие возвращению Медомая, люди ожидали какой-то катастрофы, обрушившейся на них в отсутствие богов. Но жизнь текла своим чередом, и жители забыли, что древний сфинкс все еще пребывал в храме Эфары. Медомая нравился купол Эфары, но не потому, что он испытывал некоторую преданность к Богине Полиса. Под этим куполом находилась реплика самого Никса. Когда сфинкс отсутствовал, искусственный Никс был темным и тихим. Но когда Медомай возвращался в полис, он начинал управлять звездами, мерцающими на рукотворном небосводе под купольной крышей. Медомай создавал явные созвездия, чтобы посетители видели эфирные черты божественных образов и небесных творений. Зрелище было менее завораживающим, чем подлинный Никс, но более упорядоченное оригинала.

Медомай редко впускал посетителей под купол и слыл жутко капризным. Но он без единого вопроса принял Дакса и Элспет. Казалось, что он ожидал их прихода. Войдя в его покои, Элспет изо всех сил старалась не тарашиться с изумлением на Медомая, с его пернатыми крыльями цвета индиго, львиным телом, и харизмой, абсолютно отличавшейся от холодной надменности закованных в эфириум сфинксов Алары. Пронизывающий взгляд его человеческих глаз, как магнитом притягивал ее к себе.

- Дакс из Мелетиды, - произнес сфинкс низким голосом, от которого завибрировал мраморный пол под их ногами. – И Элспет из Неизвестности. Могу ли я взглянуть на клинок Гелиода?

Элспет протянула *Посланного Богом*, но сфинкс не шелохнулся, чтобы принять его из ее рук. Под куполом над их головами, созвездия сменились, перестроившись в новую форму, но Элспет не могла оторвать глаз от мудрых черт лица Медомая.

- Это скорее копье, чем меч, - пробасил сфинкс. – Гелиод объявил его своим. Как и тебя?

- Безмолвие настало раньше, чем Гелиод мог объявить меня, - сказала Элспет. Она до сих пор не была уверена, что означало «быть объявленной», но сейчас было явно не время обсуждать значение этого слова.

- И все же, ты его чемпион, не так ли? – спросил сфинкс. – Ты прошла испытание своего бога. И что же ты получила взамен?

- Что значит, я прошла испытание? – сказала Элспет. – Я не понимаю.

- Ты ищешь божественность. Ты нашла ее? – спросил сфинкс. – А ты, Дакс, почему ты живешь параллельно своей жизни?

Дакс и Элспет переглянулись, неуверенные, кто должен был говорить первым. Дакс кивнул ей, указывая, что ее слово должно быть первым.

- У меня много вопросов о богах, - сказала Элспет. – Но даже в их отсутствие, я вижу вокруг величие божественного начала.

- Да, но обрела ли ты радость? – спросил сфинкс. Он взглянул на Дакса. – И нашел ли ты свою мать?

- Радость? – переспросила Элспет. Видимо, говорить с каждым по очереди было для сфинкса слишком примитивно. Дакс почувствовал ее растерянность и заговорил.

- Нам нужна твоя помощь, - сказал Дакс. – Безмолвие, это странное время, и мы беспомощны отсутствием богов. Я не знаю, почему так случилось, но рожденные в Никсе стали нашими врагами. Нам нужен кто-то, величественнее нас, чтобы помочь нам понять это.

- Величайший оракул Гелиода ищет помощи смертного Медомая, - сказал сфинкс. В его голосе слышалась перемена, и теперь его слова звучали недобро. – И уже не в первый раз, кстати. Почему не спросить Гелиода?

- Ты же знаешь, что мы не можем, - сказал Дакс. – Он в Никсе.

- Без богов вы уподобились потерянным детям?

- Да, - ответил Дакс.

Сфинкс выглядел разочарованным. Его глаза были так черны, что Элспет не могла рассмотреть зрачков. Но затем, клубящийся свет искусственного Никса озарил его лицо, и она увидела черные круги внутри темной радужной оболочки. Сфинкс резко повернул голову к Элспет. Его глаза пристально впились в нее, и она почувствовала стыд, словно ее поймали за подглядыванием в чужое окно.

- Ты тоже так полагаешь, Чемпион? – спросил он. – Ты стоишь передо мной потерянная?

- Являюсь ли я божественной защитницей, потому что ношу это оружие? – сказала Элспет. – Несу ли я ответственность за безопасность этого мира?

- Боги оставили вас, и все же, их небесные творения бушуют в мире смертных, - ответил Медомай. – Вы спрашиваете меня, почему это так?

- Рожденные в Никсе похитили душу маленькой девочки, - сказала Элспет. – И никто не знает, как исцелить ее.

- Почему это тебя удивляет? – произнес сфинкс. – Ты полагаешь, что божественная сила не должна быть разрушительной?

- Да, - сказала Элспет. Дакс с удивлением покосился на нее. Она поняла, что сказала что-то не то. Конечно, существовали разрушительные боги. Фенакс, Могий...

- Ты очень мало знаешь о наших богах, - сказал Медомай. – Зачем владеть клинком чуждого тебе бога? А ты, Дакс из Мелетиды, ты когда-нибудь задумывался об истоках богов? О происхождении божественного начала?

- «Что есть, то есть, и всегда им будет», - сказал Дакс. Элспет узнала в этой фразе один из основных постулатов учения Гелиода.

- В последний раз, когда мы с тобой говорили, Дакс, я открыл тебе будущее: «Ты погибнешь у подножия нетронутого города. От руки того, кого ты любишь». – Голос сфинкса звучал насмешливо. – Если ты веришь мне, то почему ты, вообще, здесь?

- Что все это значит? – вмешалась Элспет. – Вы говорите о смерти Дакса?

- Элспет ищет непорочности, - сказал сфинкс. – Она чувствует ответственность. Но перед кем? Гелиодом? Что он для тебя сделал? Или же ты чувствуешь, что несешь ответственность за Дакса?

Элспет открыла рут, чтобы ответить, но сфинкс уже снова обращался к Даксу.

- Когда-то не было ничего, - сказал сфинкс. – Так что же возникло первым: боги, или людская вера в них?

- Конечно, боги, - сказал Дакс. – И Круфикс был первым из них.

- Люди верили, что боги существовали, и беды начались, когда боги начали верить в существование друг друга, - ухмыльнулся Медомай. Он смеялся над ними. Элспет чувствовала, как в ней вскипает негодование. Ребенку нужна была помощь, а все, что мог делать Медомай, это язвить о метафизических явлениях. Ей совсем не нравилась эта странная, двусторонняя беседа.

- Погодите! – начала Элспет.

Но сфинкс поднялся на лапы и неторопливо повернулся. Как только Медомай пошевелился, Дакс коснулся ее руки. Элспет поняла его предостережение и закрыла рот. Потянувшись, подобно громадному коту, сфинкс улегся на бок, словно, отходя ко сну. Как только его глаза сомкнулись, созвездия под куполом исчезли. Потолок стал подобен порталу в иное место и время. Когда они подняли головы, им открылся образ бескрайнего водопада, простиравшегося вдоль всего горизонта. В этом видении, они наблюдали настоящий край мира. Волны океана Тассы каскадом обрушивались во мрак Никса. На горизонте, на самом краю водопада, росло гигантское дерево.

- Узрите храм Круфикса, - сказал Медомай с чрезмерной помпезностью. – Бог Времени хранит тайну проникновения в Никс. Но сейчас не время искать ушедшего бога.

Видение под куполом сменилось, и теперь они смотрели на тысячи минотавров, как смертных, так и рожденных в Никсе, стекавшихся с гор к красной равнине. Кольцевидное расположение гор казалось Элспет знакомым. Она узнала равнину Акроса и окружавшие его скалы.

- Что происходит в Никсе такого, что его дети покидают его целыми стадами? – спросил сфинкс. – Мир накренили на бок и встряхнули. Он избит и изрезан настолько, что покрыт шрамами из пустот.

Видение явило свирепого минотавра, увеличивающегося в размере, пока он не достиг ста футов в высоту, возвышаясь над стенами Акроса. Он обрушил божественный молот на город, и уничтожил его до основания.

- Это Могий? – спросил Дакс. Видение потрясло его. – Бог Истребления нарушил Безмолвие?

- Понимайте, как пожелаете, мои заблудшие дети, основы мироздания в опасности, - предостерег сфинкс. – Смертные должны объединиться, чтобы остановить кровопролитие. Вы не можете больше плыть по течению своего существования. Боги покинули вас, и смертные должны сражаться сами.

- Когда это произойдет? – спросил Дакс. – Сколько у нас времени на то, чтобы предупредить Акрос?

В ответ на его вопрос, неподалеку зазвенел колокол. За ним, чуть дальше, начал звонить другой, словно в ответ первому. Вскоре, все колокола Мелетиды принялись трезвонить в отчаянной, нестройной симфонии.

- Отцы основатели твоего города только что приняли гонца, рассказавшего им, что Акрос осажден, - сказал сфинкс. – Сейчас самое время.

Образ над ними принял очертания, возвышающейся в небесах черной горы. Внезапно гора взорвалась вспышкой пламени. Дакс и Элспет одновременно отвернулись, прикрыв глаза от яркого света. Купол потемнел. Медомай открыл глаза.

- «Что есть, то есть, и всегда им будет», - напомнил сфинкс Даксу. – Высечены ли наши судьбы в камне? Почему бы тебе не рассказать ей то, о чем она постоянно спрашивает тебя? Уберегут ли ее боги?

Дакс поднял глаза к зияющей темноте купола, и Элспет увидела гнетущую тоску на его лице.

- Элспет божественная защитница Тероса, - произнес он, глядя во мрак искусственных небес. – Она чемпион нашего создателя, Гелиода. Судьбой ей предначертано быть героем, спасающим всех нас.

- Что происходит? – вскричала Элспет. Ей казалось, что Дакс и Медомай говорили на ином языке. Хотя она понимала каждое слово, от нее ускользал целый пласт смысла сказанного.

- Объединенная армия минотавров напала на Акрос, - сказал Медомай. – Если Акрос падет, вместе с ним падет и вся человеческая цивилизация.

- Мы призваны на битву, - сказал Дакс. Он схватил Элспет за руку и потащил к бронзовым вратам.

- Призваны кем? – отозвался Медомай им вслед. Его голос следовал за ними, пока они бежали вниз по каменным ступеням. – Несчастный двуликий мальчишка, слепой, немой, и лгущий. Ты ничему никогда не научишься.

ГЛАВА 6

С приходом ночи орды минотавров окружили Акрос. Тяжелые тучи затянули ночное небо, и свет Никса не освещал землю равнины. В кромешной тьме советники Анакса недооценили количество врагов, обступивших их стены, и порекомендовали контрнаступление. Когда Анакс выслал отряд солдат через Королевские Врата, им пришлось сражаться вслепую, и их подавили и вырезали в считанные секунды. Анакс приказал закрыть все ворота до тех пор, пока они не смогут более точно оценить положение при свете дня. Всю ночь за стенами не стихали странные звуки промышленных работ. Звон молотов смолк лишь перед самым восходом солнца.

В тусклом утреннем свете Акроссианам открылось то, что захватчики делали под покровом тьмы. Они превратили Акрос в тюрьму, построив зеркальное подобие грозных Акросских стен. Акрос был возведен на краю Реки Дейды, и стена минотавров образовывала массивную дугу от края обрыва, вокруг городских стен, и до обрыва с другой стороны. Строители оставили открытое пространство между стеной Акроса и новой стеной, где и укрылись сами. Они завершили строительство укрепления с пугающей скоростью, и к утру уже возводили защитные перекрытия и катапульты.

К полудню минотавры начали провоцировать город. Сперва, они метали через стену булыжники. Затем, камни сменили разлагающиеся трупы. Акросским лучникам пришлось отступить с открытых стен. Они становились легкими мишенями для метателей и их осадных машин. Стрелки скрылись за бойницами в башнях, но их стрелы наносили мало вреда кишащей массе у стен.

Жители Акроса были подавлены и загнаны в ловушку. Минотавры даже не строили домов. Как, во имя богов, тупоголовым громилам удалось настолько организовать, чтобы создать подобное укрепление? Король Анакс спешно созвал военный совет и требовал ответов. Его оракулы ломали руки. Его стратеги мямлили что-то о «круговом укреплении», дрожа в своих креслах. Ибо все, кто был знаком мировой историей, понимали, что происходящее было беспрецедентным.

- Почему сейчас? – орал Анакс своим стратегам на военном совете. – Как это связано с чередой отрубленных голов? Мой город осажден рожденными в Никсе! Могий нарушил Безмолвие? Где Ирой? Где Аламоны? Почему не вернулись мои кочевые воины?

В коридоре Кимеда слушала крики мужа сквозь закрытую дверь. Она услышала более тихий голос генерала, командующего гарнизоном Акроса.

- Сир, великой мудростью было Ваше решение закрыть город после знамения в пылающем небе, - произнес генерал. – Мы ожидали нападение на город. Ваши быстрые действия подготовили нас к худшему.

Льстец, подумала Кимеда. Тогда не было надвигающегося нападения, и после столь громких ударов военного барабана на пустом месте, многие усомнились в лидерстве Анакса.

- Мы полагаем, что знамение указывало на нападение на Аламонов, а не на город, - продолжал генерал. – Под командованием полевого вождя по имени Ярокров, Аламоны были выслежены и в большинстве своем истреблены. Мы получали многочисленные донесения о трупах, найденных в пустоши предгорья.

Кимеду отвлек, приближавшийся к ней спешный стук шагов. Стражник выбежал из-за угла и комично едва не потерял равновесие, останавливаясь при виде королевы. Он низко поклонился, когда она прошла к нему.

- Давай опустим расшаркивание, по крайней мере на время осады, - сказала Кимеда.

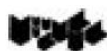
- Я... у меня с-сообщение для короля, - заикаясь, проговорил он, выпрямившись. Он был выше королевы, впрочем, как и большинство мужчин.

- В чем дело? – спросила Кимеда. В Колофоне все знали, что все, что можно было сказать Анаксу, можно было сказать и ей.

- Мы поймали преступника! – выпалил стражник. – Он оставлял очередную голову... в спальне короля!

Кимеда не ожидала подобных новостей. Но она в совершенстве контролировала себя, и ее лицо не выдало никаких эмоций.

- Что ж, - сказала она. – Отведи меня к нему.

Весь легион Мелетийской Армии прибыл бы в Акрос не ранее чем за неделю. Элспет сопровождала быстрый боевой отряд и прибыла через три дня. Включая Антузу и ее Сетессийских воинов, авангард насчитывал всего сотню солдат. Когда они выехали к скалам над Акросом, первый взгляд на город вызвал у них шок. С их ракурса, укрепление минотавров выглядело черной петлей вокруг города. К северу от стены клубился темный дым над крупными поместьями – где располагался дом отца Никки. Между обрывом и укреплением пролегла равнина, уже превратившаяся в поле боя с горящими караванами и непогребенными телами, убитыми надвигающейся ордой. Никка соскочила с лошади, с ужасом уставившись вниз, на дымящуюся равнину.

- Тебе не стоило привозить ее сюда, - сказал Дакс.

- Это ее дом, - сказала Элспет. – И она уже не ребенок. Ее не нужно ограждать от правды.

Передовой отряд разбил лагерь на скале, выходящей на полис. Ночью черная петля превращалась в кольцо из костров, которые минотавры жгли между стен. Настроение в Мелетийском лагере было напряженным. Генерал-командующий не согласился с призывом Дакса действовать, и отклонил предложения Антузы, как неуместные. Без связи с Королем Анаксом, генерал решил, что лучшим решением было ждать подкрепление, либо со стороны Мелетиды, либо со стороны кочевых армий Акроса, которые к этому времени уже должны были вернуться на помощь городу.

Антуза, Элспет, Дакс, и Никка сидели в своей палатке. Антуза и Дакс спорили, а Никка была погружена в свои тяжелые мысли. Элспет переживала за нее, одновременно стараясь удержать Антузу и Дакса от вымещения раздражения друг на друга.

- Генерал не заинтересован расположением Сетессы... - Вскипала Антуза, когда ее перебил голос у входа в палатку. Кто-то просил разрешения войти. Голос был женским, и Антуза открыла откидную ткань у входа, впуская посетительницу. Изящная фигура в темном плаще ступила внутрь. Когда она откинула капюшон, Никка бросилась на колени. Остальные трое были удивлены реакцией Никки и они неловко встали позади нее.

- Королева Кимеда! – Произнесла Никка. – Что Вы здесь делаете?

- Прошу тебя, встань, - сказала Кимеда. – Я говорила с вашим генералом, и он направил меня сюда.

Дакс и Элспет переглянулись. – Не желаете присесть? Мы можем Вам что-нибудь предложить? – спросил Дакс.

- На это нет времени, - сказала Кимеда. – Минотавры заблокировали все входы и выходы из города – но я знаю тайный ход. Над ущельем Реки Дейды есть туннели, но лишь элементалист может ими воспользоваться. Дейда отвергает любые другие попытки усмирить себя.

Глаза Никки расширились. – Вы прошли сквозь ущелье? – ошарашенно спросила она.

- Как мы можем помочь вам? – спросил Дакс.

- Еще до осады, мой супруг пребывал в беспокойном положении, - сказала она. – Он полагал, что на нем какое-то проклятие. Каждый день мы находили где-нибудь в Колофоне отрезанную голову какого-нибудь животного. Невзирая на количество стражников, преступник вывешивал головы, оставаясь никем не замеченным. Мы искали совета оракулов и помощи наемников.

- Головы каких животных? – спросила Антуза.

- Рожденных в Никсе, - ответила Кимеда.

- Вы выяснили, кто мучал Вашего супруга? – спросил Дакс.

- Я полагала, что здесь замешана мистика, - сказала она, - но все оказалось гораздо прозаичнее. Мы поймали сатира, прокравшегося в королевские покои. Он владеет магией и способен передвигаться незамеченным, по крайней мере, я думаю, что именно так он проворачивал свои выходки. Мы заточили его в камеру под крепостью.

- При всем том, что происходит сейчас, почему от Вас беспокоит? – спросила Антуза.

- Существует определенная связь между Рожденными в Никсе существами и осадой, - сказала Кимеда. – Минотавры, построившие стену – рождены в Никсе. Когда мы поймали сатира, он утверждал, что он оракул, пытавшийся предупредить нас об опасности со стороны рожденных в Никсе.

- Может ли этому верить? – спросила Никка.

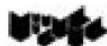
- Возможно, но сейчас мы не можем это узнать, - сказала Кимеда. Она взглянула на Никку, затем на Антузу, и, наконец, ее темные глаза остановились на Элспет. – Он более не желает говорить с нами. Он не желает говорить ни с кем, кроме одного человека.

- И кто же это? – спросил Дакс.

- Женщина, по имени Элспет, - сказала Кимеда, и все отпрянули назад, словно она уронила перед ними змею. – Генерал сказал, что я найду ее здесь.

- Я Элспет, но я не знаю никакого сатира, - сказала она. – Как его зовут?

- Он называет себя Чужеземцем, - сказала Кимеда. – Прошу тебя, пройди со мной в крепость, и встретись с ним. Сердцем я чувствую, что он знает ответ, как сломить эту проклятую осаду.

Оказавшись в Колофоне, Даксу не хотелось, чтобы Элспет встречалась с сатиром наедине. Он предостерег ее, что это могла быть уловка таинственного колдуна. Элспет заверила его, что будет осторожна, и оставила в расстроенных чувствах с Кимедой. Она слышала, как королева уверила Дакса, что с ней все время будет кто-нибудь рядом, пока стражник уводил ее вниз, на этажи темницы.

Когда стражник отпер железную дверь в крошечную камеру, и Элспет увидела сатира, она поняла, что Дакс не о чем было беспокоиться. «Чужеземец» выглядел таким маленьким, даже жалким, прикованным к стене в безоконном карцере под Колофоном. Он был обнажен по пояс и

дрожал, и с его кожи отшелушилась красная краска. Слева на груди у него виднелся свежий шрам, сочащийся сукровицей. Как только дверь отперлась, и он увидел Элспет, его черты озарились на долю секунды, затем он снова принял свой подавленный, удрученный вид. Когда их глаза встретились, она вспомнила Храм Обмана, на стенах которого было нацарапано КОРОЛЬ ЧУЖЕЗЕМЕЦ. С отвращением она вспомнила тела в темном коридоре, ведущем в святилище Фенакса, и человека вторгшегося там в ее разум. От этих воспоминаний у нее ком встал в горле, и она сделала глубокий вдох.

- Желаете, чтобы я вошел с Вами? – спросил стражник.

Элспет потрясла головой, и солдат вышел в коридор, но оставил дверь закрытой.

- К сожалению, я не могу предложить тебе стул, - сказал сатир.

- Чего ты хочешь? – сказала Элспет. – И откуда ты знаешь мое имя?

- Один мой друг о тебе высокого мнения, - сказал сатир. – Его имя Сарпедон, но ты его, наверное, запомнила, как Священника Лжи.

- Я встречала Сарпедона однажды, - сказала Элспет. Она себя растерянной. Сатир говорил о том, о чем она только что думала. – Он едва меня знает. Как тебя зовут?

- В Акросе меня называют Чужеземец, - сказал сатир.

- Король Чужеземец? – спросила Элспет.

Сатир выглядел удивленным. – Мой народ меня так называет. Я удивлен, что это дошло так далеко в мир людей.

- Чем ты правишь, как король? – спросила она.

- Да это просто шутка среди моего народа, - сказал он. – Всего лишь неверное толкование моего имени.

- Я видела твой *народ*, - сказала Элспет, имея в виду сатиров в Поместье Такиса. – Они были безмерно жестоки во славу твоего имени.

- У меня нет власти над сатирами, - сказал Король Чужеземец. – Я король ничего.

- Так, зачем ты просил о встрече со мной? – спросила Элспет. Она чувствовала раздражение. Ее кожа была, словно, слишком туго натянута. Она хотела, чтобы сатир поторопился и сказал, что хотел.

- Как я пытался тебе сказать, Сарпедон рассказал мне о тебе, - сказал Король Чужеземец. – Он лишился милости Фенакса вскоре после того, как ты с ним поговорила. Но он перешел к другому богу, богу, который с удовольствием принял и тебя.

- Мне это не интересно, - сказала Элспет.

- Потому что ты Чемпион Гелиода? – спросил сатир.

Элспет сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить учащенное сердцебиение. – Почему ты мучаешь короля головами рожденных в Никсе?

- Я обеспокоен судьбой Акроса, - сказал сатир. – Я пытался предупредить Анакса о приближающейся опасности. И погляди, я оказался прав.

- Ты не думал об аудиенции с королем, чтобы поговорить с ним, а не запутывать его всей этой бессмыслицей? – спросила Элспет.

- Я пытался снискать аудиенцию, но мне было отказано в ней, - сказал сатир. – Я понимал, что мне нужно привлечь внимание короля. Все эти его оракулы должны были прочесть знаки и расшифровать их для него.

- Все это очень не вовремя, - сказала Элспет. – Рожденные в Никсе у ворот. Уже поздно предупредить его.

- Я не оракул, - признал сатир. – Я думал у нас больше времени. Но если бы я просто постучал ему в дверь, ничего бы не вышло все равно. Анакс считает, что сатиры едва ли разумнее

скота. Но я правда люблю Акрос. Он воплощение величия богов и не заслуживает быть разграбленным минотаврами.

- Ты любишь Акрос? – переспросила Элспет.

- Игры Ироя, моя дорогая, - сказал сатир. – Если тебе не приходилось видеть этих игр, ты не сможешь понять, какую радость этот город дарит своим жителям.

За время ее пребывания в Акросе, люди без конца говорили об Играх Ироя. На стадионе, во время состязаний, были рады всем. Неважно было, где кто родился, или какому богу поклонялся. Сатиры в особенности заполняли город ради возможности увидеть игры.

- Но я все еще не понимаю, чего ты хочешь от меня, - сказала Элспет. Ей казалось, что ее голова набита соломой. Она чувствовала, что в его рассказе будут логические дыры, но не могла на них сосредоточиться. И что ему рассказал о ней Сарпедон?

- Я могу рассказать тебе, как выиграть это сражение с минотаврами, без потерь – по крайней мере, с вашей стороны, - сказал сатир.

- Почему ты сам это не скажешь Королю Анаксу? – спросила Элспет.

- Знаешь, Сарпедон считал тебя умнее этого, - разочарованно сказал сатир. – Мои предыдущие попытки общения с Анаксом были неверно поняты. Меня судят в военное время. Если бы я даже попытался, меня никто бы не стал слушать.

- Почему ты считаешь, что они послушают меня? – спросила Элспет.

- Потому что ты им не скажешь, что это моя идея, - сказал сатир. – Вспомни, ты же известный герой. Ты собственноручно убила Поликрана.

- Это не правда... - возразила Элспет.

- Если ты предложишь собственное решение этой ситуации, они тебя послушают, - сказал сатир. – И Акрос будет спасен.

- Как можно снять осаду без жертв? – спросила Элспет, чувствуя любопытство, невзирая на странные обстоятельства.

- Ты пришла в крепость по пути, сквозь ущелье Реки Дейды, верно? – сказал сатир. – Эта река самая мощная во всем Теросе. Минотавры построили себе милую стеночку, но она открыта по краям обрыва, над самой водой.

- Но вода все равно на сотни футов ниже города, - сказала Элспет.

- Разве у тебя нет воображения? – спросил сатир. – С нужными магами, вы сможете приподнять реку, затопить стены, и смести захватчиков в пропасть.

Элспет представила то, о чем он говорил. Кимеда только что продемонстрировала свои невероятные способности, проведя их над рекой при помощи манипуляций с камнями и водой. Одного мага, может быть недостаточно. Но... она вспомнила игривое плескание Дакса на берегу ручья у Переправы Охотницы в тот день, когда они отправились в Земли Отчаянья. Дакс обладал божественными навыками, которых Элспет не понимала. Вместе, эти два могущественных мага, вполне могли бы справиться с подобной задачей.

- Поднять реку и направить ее сквозь их укрепление, - сказала Элспет. Гениальность плана осеняла ее. – Никто не сражается. Никому в стенах города не нужно и меч поднимать.

- Минотавров просто сметет в пропасть, - сказал сатир. – Они окажутся в ловушке из собственных стен, в наводнении, от которого нет спасения.

-Это весьма умно, - признала Элспет. – Просто расскажи это королю. Я не могу предложить эту идею, как свою собственную.

- Ты должна это сделать, - сказал сатир. – Если она будет исходить от меня, она автоматически подпадет под подозрение. Для меня ситуация ужасна. Я напортачил с самого начала, и теперь я могу лишь сидеть и наблюдать, как уничтожают мой любимый город.

Элспет почувствовала, как ее переполняет жалость к этому маленькому козлоногому, который лишь пытался отыскать способ исправить то, что натворил. Что-тобрякнуло в коридоре, и пока она поворачивала голову в сторону звука, она не заметила вспышку красного света в глазах сатира.

- Ты пойдешь на военный совет и предложишь эту идею королю? – спросил сатир.

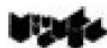
Элспет сомневалась. Ее мысли переполняли вопросы, но с одним исключением, она не могла выстроить их в членораздельные предложения.

- Какому богу теперь поклоняется Сарпедон? – спросила Элспет. Слова казались тяжелыми, как камни на языке. – Каким бы ни был этот бог, надеюсь, он ничего не ожидает от меня.

- О, нет, не ожидает, - заверил ее сатир. – Как ты смотришь, если я устрою встречу, когда осада падет? Уверен, Сарпедон будет рад еще раз с тобой познакомиться.

- Это не лучшая мысль, - сказала Элспет, двигаясь к двери. – Но, прошу тебя, передай ему привет, когда увидишься с ним в следующий раз.

Сатир улыбнулся и кивнул своим острым подбородком. – Удачи на совете, Элспет, - сказал он. Затем, он сказал что-то еще. Это звучало, как «Скоро увидимся». Но тяжелая дверь захлопнулась, заглушив слова.

Когда Элспет присоединилась к остальным на Подиуме Героев, Анакс описывал Анузе и Симеде окрестности Акроса. Эфирный макет скал и гор парил над столом, покоящемся на двух вырезанных в камне быках, смотрящих в разные стороны. У дальней стены комнаты за происходящим наблюдала мраморная статуя Ироя. Дакс стоял в тени, отдельно от остальных, прислонившись к колонне. При виде ее, его лицо посветлело.

Элспет встала рядом с ним, у стены. Она все еще чувствовала себя странно и дезориентировано. Но ее сердце билось чаще, возбужденное планом сатира.

- Ты в порядке? – спросил Дакс. Он убрал прядь волос с ее лица. – У тебя, будто бы жар.

- Я вызову Ярокрова на бой *меж двух колонн*, - громко сказал Анакс из центра комнаты.

- И чего, по-твоему, ты этим добьешься? – спросила Кимеда. Ее голос был мертвецки спокойным.

- Смерти Ярокрова! – заорал Анакс. – Ты сомневаешься в моей способности....

- Нет! – парировала Кимеда. – Я сомневаюсь в чести минотавров. Они не станут уважать правила дуэли лишь от того, что их уважаешь ты.

- Вы могли бы убить Ярокрова, и остальные будут продолжать сражаться без него, - согласилась Антуза. – Это не будет означать завершение войны.

- Я должен действовать, - сказал Анакс. – Я не могу сидеть здесь, как трусливая мышь в норе.

- Когда должен прибыть весь Легион Мелетиды? – спросила Кимеда, повернувшись к Даксу.

- В лучшем случае, через два дня, - сказал Дакс.

- А войска Сетессы? – спросил Анакс Антузу. – Придут ли твои люди?

- Воины Сетессы в одном дне от Акроса, - сказала Антуза. – Но я предупреждаю Вас, нас не много. Мы никогда прежде не поддерживали регулярную армию. Я слышала, что леонины наблюдают с гор. Вы не обращались к ним за помощью?

- Они могли бы присоединиться к минотаврам, - сказал Анакс. – Дикари с дикарями.

- Аламоны истреблены, - сказала Кимеда. – Я слышала об этом от свидетелей в лагере. Мы не можем рассчитывать на помощь кочевых солдат.

- Значит, вы ожидаете, что я буду сидеть и ждать Мелетиду? – злобно сказал Анакс. – Я не стану сидеть, сложа руки, позволяя им швырять в наш город чумные трупы. Если мы станем ждать Мелетийскую Армию, мы все передохнем от чумы.

- И я не стану спокойно сидеть, позволяя тебе выбросить свою жизнь, лишь для того, чтобы доказать, что ты мужчина, когда в этом никто не сомневается, - сказала Кимеда.

Лицо Анакса побагровело, и Элспет сделала шаг вперед. – Есть другой способ... - начала она. Когда она объясняла план поднять реку и смыть захватчиков в ущелье, она говорила быстро и уверенно. Слова, сами соскакивающие с ее губ, казались не ее собственными. Застенчивая по природе, Элспет не любила выступать перед аудиторией. Но она говорила с отрепетированной четкостью, и когда закончила, все вокруг смотрели лишь на нее. Она увидела блеск уважения в глазах Дакса, и от этого почувствовала себя недостойной. Но уже поздно было отступить и говорить им, что идея плана исходила от заключенного сатира, закованного в камеру в нескольких этажах под их ногами.

- Это гениально, - сказала Кимеда.

- Это безумие, - сказал Анакс, но в его голосе не было гнева. – Здесь нужен невероятно могущественный маг, способный манипулировать Дейдой. Где его сейчас найти?

- Что ж, тебе повезло, - радостно сказала королева. – Дакс любимец Гелиода. Его способности несравнимы ни с кем во всем мире.

Дакс хмуро взглянул на нее за подобное преувеличение.

- Ты сможешь сам поднять реку? – спросил король. Он осмотрел юношу с обновленным интересом в глазах.

- Мне потребуется помощь. Он взглянул на Кимеду, но та ничего не сказала. По всей видимости, она не собиралась признавать собственные потрясающие способности манипулирования стихиями.

- Это сойдет в качестве последнего, смертельного удара, - сказала Антуза. – Но этого недостаточно. Нам нужен отвлекающий маневр. Минотавры должны быть сосредоточены на чем-то другом, до тех пор, пока заклинание не будет завершено. Иначе, они могут понять опасность и сбежать из укрепления, прежде чем река их достигнет.

За балконом послышались звуки боевого горна. Анакс бросился к балкону, остальные последовали за ним. Осажденные жители Акроса выбегали из домов на улицы. Их глаза были обращены к небесам, многие ликовали под сверкающими огнями Никса. В небе пылал блистающий образ Ироя, Бога Победы. Благородный бог вызывал на бой своего близнеца, Могия. Бог Истребления, сломя голову мчался в бой. За мгновение до их столкновения, небесные светила вновь смешались в хаотичные туманности.

- Безмолвие закончилось? – спросила Антуза.

Дакс покачал головой. – Нет, Ирой вызвал Могия *меж двух колонн*, - сказал он. – Он в ярости от того, что минотавры осмелились напасть на его город.

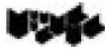
- Это знак, что должен поступить так же, - сказал Анакс.

- Вызвать Могия *меж двух колонн*? – саркастично спросила Кимеда.

- Вызвать Ярокрова, - сказал Анакс. – Если бы я мог вызвать на бой Могия, я бы его вызвал. Я бы скорее умер от его рук, чем позволил этим неотесанным дикарям занять мой город.

Кимеда открыла рот, чтобы что-то сказать, но передумала. Анакс повернулся к Даксу.

- Ты можешь действовать, согласно плану, - сказал Анакс. – Подними реку. Надеюсь, тебе это удастся. Но у меня выбора нет. Я должен сразиться с Ярокровом, человек против чудовища.

Пока Анакс направился в оружейную палату для подготовки к дуэли, Элспет сопровождала Кимеду и Дакса в подземные туннели под Колофоном.

- Вы сможете объединить усилия? – сказала Элспет. – Вместе сможете поднять реку?

- Такой план, - сказал Дакс. Кимеда рывком открыла деревянную дверь, выходящую к обрыву над рекой. – Ее величество, вероятно, могла бы справиться с этим и сама.

- Ты будешь секундантом Анакса? – спросила Кимеда Элспет. – Если он падет в дуэли, займешь ли ты его место?

- Антуза с радостью стала бы его секундантом, - вмешался Дакс.

- Я все сделаю, - заверила Кимеду Элспет. Антуза уже отбыла в лагерь, предупредить Мелетийского генерала о согласованных намерениях. Сетессийка настояла на запасном плане, на случай, если Реке Дейде не удастся поглотить захватчиков.

- Манипуляции с водой займут какое-то время, - предупредила Кимеда. – Мы будем глубоко в ущелье, и мгновенно все это не произойдет.

- Понимаю, - сказала Элспет. – Я сделаю все, чтобы помочь королю. Почему Вы не рассказали ему о своих способностях?

- Анакс не доверяет Керану, и ему бы не понравилось, если бы я владела большим могуществом, чем он, - сказала Кимеда.

- Даже если бы это было ваше собственное могущество, а не божественный дар? – сказал Дакс.

- Особенно в этом случае, - ответила королева.

Кимеда отвернулась от них и прошла пару шагов обратно в туннель. Элспет поняла, что королева давала ей шанс попрощаться. Дакс стоял на самом краю обрыва и вглядывался вниз, в потоки воды, бурлящей внизу. Наблюдая за ним, Элспет почувствовала страх. Ужас от того, что она могла больше никогда не увидеть Дакса.

Она попыталась сказать что-то, но осеклась. Попыталась снова, но никаких внятных слов не приходило на ум. Дакс улыбнулся. – Не волнуйся, - сказал он. – Я понимаю.

Кимеда появилась за их спинами. – Если ты не собираешься целовать ее, то нам пора идти.

Элспет почувствовала, как краснеет, Дакс коротко обнял ее и исчез внизу, спускаясь по веревочной лестнице.

- Ты идешь с мужчиной, которого я люблю, - сказала Кимеда. – А я иду с твоим возлюбленным.

Элспет не спорила. – Надеюсь, вы справитесь до того, как дело дойдет до ударов. И Кимеда, я даже не знаю правил этой дуэли. Если все пойдет плохо, я с радостью нарушу их.

- А я присмотрю за Даксом, - сказала Кимеда. – Не жди слишком долго, чтобы принять свои чувства к нему, Элспет. Жизнь коротка, чтобы ее проживать с сожалениями.

ГЛАВА 7

Король Анакс собрал своих людей во внутреннем дворе крепости, как только последние звезды Никса замерцали над их головами. Элспет вызвалась стать секундантом короля, но он ни принял, ни отклонил ее предложение. Лошади нетерпеливо стучали копытами. За их спинами, Акрос был неподвижен и беззвучен, как подземелье. Но рев минотавров преодолевал даже величественные стены города. Элспет казалось, будто они уже празднуют победу, несмотря на то, что исход битвы был еще не определен. Она вновь подивилась непостижимой природе судьбы, пока слуга закреплял кожаные поводья на седле коня Анакса. В следующие мгновения, имели ли значение ее действия? Или же конечный итог уже был вплетен в ткань бытия? Бесконечные миры сулили невероятные возможности. Как мог кто-то – включая богов – превратить создание в заводной механизм?

- Правила дуэли древние и неоспоримые, - сказал Анакс Элспет. – Обеим сторонам должно быть позволено беспрепятственно достичь места дуэли.

Король уверенно оседлал крупного черного коня с бронзовым защитным шампроном с гравировкой королевского герба. Его самообладание было безукоризненным. Мысли Элспет метнулись к другим мирам, другим мгновениям перед битвами. В частности, она вспомнила Коса в свой последний день на Фирексии. Она никогда не забудет его слов: «Если победа невозможна, значит, я буду сражаться вечно». Тогда его самообладание также было безупречным.

Никого не было на площади, чтобы проводить короля на дуэль – лишь Элспет и горстка солдат, едущих с ним. Королевские стражники открыли ворота во внутренний коридор Врат Опоздавших, состоявшего из двух железных ворот по обе стороны укрепленного прохода, проходящего сквозь толщу стен. По этому освещенному факелами коридору они пройдут до внешних ворот. В обычных обстоятельствах, они бы выехали на открытую равнину, окружавшую город. Теперь же, врата выведут их к захватчикам, стоящим между двумя стенами, где их всех легко могут разорвать враги. Элспет услышала, как металлический затвор запер внутренние врата за их спиной. Каким бы ни оказался прием минотавров, сам город был надежно закрыт от врагов.

- Поле битвы должно быть чистым и открытым, безо всяких засад или ловушек, - продолжал Анакс, пока их лошади цокали по каменным плитам узкого коридора. Он был столь узок, что колени короля почти касались каменных стен. Сразу за ним, Элспет встревоженно ехала на одолженной лошади. Одиноким стражник в конце коридора приготовился отпереть внешние врата Коридора Опоздавших. Рордон Ярокров согласился сразиться с Анаксом *меж двух колонн*. Сейчас им предстояло выяснить, лгал ли Ярокров, или же собирался следовать правилам.

- Перед дуэлью священники должны благословить место сражения, сделав его *теменом* - частью священной земли. На него наложено заклятие, чтобы участники дуэли не могли воспользоваться магией во вред друг другу, - пояснил Анакс. Элспет казалось, что объяснение правил поединка успокаивало и сосредотачивало короля. – И я, и Ярокров, должны сражаться до смерти одной лишь физической силой.

Он обернулся, взглянув на Элспет. Она не ответила. Она не давала никаких обетов, и не была связана правилами, которые бы обязали ее стоять и смотреть, как погибает Анакс. Она оставалась открытой для возможностей, обусловленных полевым сражением. Анакс приостановил коня, когда они добрались до внешних ворот.

- Твоя отвага весьма похвальна, - сказал Король Анакс юному стражнику, вызвавшемуся нести караул у внешних ворот.

- Во славу Ироя! – Сказал солдат.

- Во славу Ироя! – Отозвался король.

Солдат потянул за рычаг и ворота распахнулись. Элспет приготовилась к яростному нападению. Но вместо этого, рычание и звон оружия стихло. На мгновение, лучи солнечного света ослепили ее. Затем, она увидела, что минотавры расчистили для них тропу. Не мешкая ни секунды, Анакс пришпорил коня, направляя его сквозь море захватчиков, и Элспет последовала за ним.

Воздух был пронизан вонью гнилого мяса и свежей крови, и Элспет едва не стошнило. По левую руку стояли ряды минотавров, рожденных в Никсе. Они казались нереальными и нетронутыми, словно иллюзии, созданные хитрым магом. Элспет задумалась, способен ли их туманный мозг вообще чувствовать боль. По правую руку, смертные минотавры со шрамами и струпьями ухмылялись им, провожая свиту короля кровожадными взглядами. У многих не хватало конечностей, в грязных лапах они сжимали ржавое самодельное оружие. Они выглядели глупыми и brutальными. С какой из сторон сражаться было бы проще? Ни с какой, подумала Элспет. Я бы не хотела сражаться ни с одной из сторон.

Два минотавра рывком распахнули наскоро сколоченные ворота укрепления, открывая Элспет вид на равнину за стеной минотавров. Несмотря на свет дня, Никс был виден в небе над *теменом*, освященным для дуэли.

Двинувшись вперед, Анакс снова заговорил с Элспет. – Как только дуэль начнется, если один из оппонентов ступит за пределы освященной земли, он проиграет, и будет считаться трусом. Ни один из дуэлянтов не смеет принимать помощь ни о кого, кроме его бога-покровителя.

Мелетийские солдаты собирались вдали от места поединка. Их сопровождали десятки воинов кентавров, прибывших предложить свою помощь Акросу. Элспет не видела Антузу с такого расстояния, но если Сетессийка действовала по плану, то она должна была находиться на левом фланге с остальными воинами из Сетессы. Элспет осмотрела объединенные армии. Солдат было меньше, чем она ожидала. Возможно, из-за того, что войска были растянуты по равнине, по сравнению с укреплением, где минотавры были собраны вместе. Но сели начнется бой, у них не будет численного преимущества.

Элспет заметила движение на северном краю поля поединка, и впервые увидела Рордона Ярокрова. Ярокров был громадным минотавром с обломленным рогом и мечом, вымазанным запекшейся кровью. Он был больше и тяжелее других – гигант среди соплеменников. На нем был примитивный доспех, связанный из костяных пластин и рваных шкур.

Анакс повернулся к Элспет. – Каждый противник может назвать секунданта, который продолжит сражение, если тот падет. Я назвал тебя, Элспет, Убийца Гидры. Даешь ли ты свое согласие?

- Я буду сражаться, если понадобится Вам, - сказала Элспет. Она осторожно избегала «согласия» с чем-либо, на случай, если это каким-то магическим образом свяжет ее с соблюдением правил дуэли.

Когда король спешил, Рордон издал громогласный рев, эхом прокатившийся по долине. Элспет подумала о Даксе и Кимеде в ущелье, готовящих их мощное заклинание – триумф над стихиями, который завершит все это. Она метнула быстрый взгляд за плечо, на укрепление захватчиков. К счастью, они снова закрыли ворота. Минотавры соорудили несколько платформ вдоль вершины своей стены. На них теснились зрители, но подавляющее большинство врагов оставались на земле, за стеной – на пути развернутой реки, если все пройдет по плану. Элспет соскользнула на землю и отдала другим солдатам поводья своей лошади.

На противоположном краю покрытой Никсом земли, Ярокров нетерпеливо рычал и топал ногами. Его размеры были ошеломительны. В нем было не меньше восьми футов росту, это при том, что он сутулился. Его рога могли проткнуть человека насквозь, а окровавленный меч светился внутренним пламенем. Анаск выглядел крошечным – Анакс *и был* невысоким – по сравнению с этим чудовищем.

Элспет взглянула королю в глаза. – Он ничто по сравнению с Вами, - сказала она.

Король обнажил свой *копис*, заточенный с одного края меч с искривленным лезвием. Он встал ровно напротив Ярокрова. Свет Никса окутал их обоих таинственным синим светом. Зловещий звон раздался над равниной, и враги ступили на поле боя.

У самой поверхности, бурные воды Реки Дейды были оглушительны. Дакс никогда не подходил столь близко к реке, и, стоя в паре дюймов над бушующей мощью стихии, но был напуган больше, чем когда они столкнулись с гидрой. Кимеда создала каменные пластины, на которых они стояли друг напротив друга. Он делал все, что мог, чтобы помочь ей поднять поток воды, несущейся под его ногами. Но его руки болели, ноги тряслись, и он чувствовал себя так, словно вся энергия покинула его тело.

Колдовство для Кимеды было вовсе не пассивным занятием. Дакс с изумлением наблюдал, как она изгибалась, вращалась и выкручивала свои руки. Он чувствовал, как энергия каскадом скатывалась в нее, переплетаясь с необузданностью горной реки. Его собственная магия была гораздо тише и пассивнее. Вместо того чтобы следовать ее стилю, ему нужно было действовать по-своему. Дакс опустился на корточки, промокая насквозь и дрожа от ледяных брызг, и принялся искать тихий уголок в своем разуме, позволивший бы ему объединиться с Кимедой.

Наконец, он почувствовал истоки реки, далеко в сердце гор. Он ощутил ее родник по ту сторону изведенного мира. Он видел, как он вытекал из-под земли, лишь тоненькой струйкой и с каждой милей наращивал свою мощь. Обостренными органами чувств он ощущал дикие рубленые края заклинания Кимеды. Он слил их с гладкими изгибами собственной магии. И там, где они пересеклись, река начала подниматься.

Концентрация поглотила Дакса. Но на краю сознания, он осознавал, что одновременно с повышением уровня воды Кимеда, также, передвигала выше их каменные пластины. Вершина ущелья – и зловещие, клубящиеся небеса – становились все ближе. Вскоре, усилия начали причинять ему боль, и все что он мог, это терпеть, превозмогая ее. Он чувствовал разрывы, вскрывающиеся в бороздах его мозга. Черные жилы – заполненные не пустотой, но чем-то более зловещим – начали затуманивать его зрение. Он услышал голос матери: *Как ты мог меня бросить?*

Пластина накренилась вбок, и Дакс пошатнулся, едва не соскользнув в бурлящую воду. Кимеда двинулась к нему, и ее каменная пластина расширилась, превратившись в мост через ущелье. Он встретился с ней на середине, и она помогла ему урновеситься. Вершина ущелья была всего в десятке футов.

- Держись, - приказала она ему. – Мы и так слишком задержались.

- Не уверен, смогу ли, - сказал он.

- Тогда ищи Гелиода, - сказала она.

- Он не нарушит Безмолвие, - сказал Дакс. – Из всех богов, он единственный, кто его не нарушил бы.

- Если твой бог не нарушит, тогда нарушит мой, - сказала она. – Тебе придется принять груз всей реки и дать мне немного времени. Ты сможешь это сделать ради Элспет?

Дакс не знал, сколько еще он сможет выдержать, но кивнул ей делать, что нужно. Кимеда подняла лицо к небу. Как только ее внимание покинуло реку, Дакс ощутил нарастающее давление, словно рука бога давила на него, пытаясь расколоть его кости в пыль. Он отчаянно призывал стабилизирующую магию, дабы удержать заклинание. Он уже не пытался поднять реку – лишь удержать ее на месте, пока королева взывала к Никсу за помощью.

- Керан! – Кричала Кимеда. – Помогите нам! Помогите мне спасти Акрос, и я отдамся тебе. Ты можешь овладеть мной.

Клинок Анакса рассек плоть на руке Ярокрова. Это была неглубокая рана, но, тем не менее, из нее брызнула первая кровь. Минотавр свирепо взмахнул краденым мечом, но Анакс уклонился от удара. Король завлекал противника то влево, то вправо. Он был быстрее своего оппонента, но Ярокров, скорее злил, а не утомлял этот танец с мечами.

Минотавр обрушил свой меч вниз, словно, намереваясь расколоть голову Анакса пополам. Снова король отшагнул в сторону, и клинок Рордона поразил лишь землю, глубоко войдя в грязь. Минотавр оставил его там и бросился на короля голыми мясистыми ручищами. Анакс придерживался выбранной стратегии, но целился в конечности быко-голового грома. Мастер фехтования, король ударил по мускулистым ногам, уклонился, затем обогнул сбоку, и вновь сделал нижний выпад.

Клинок Анакса снова и снова поражал плоть минотавра, и кровь хлестала из порезов. Она ручьями текла по ногам Рордона, орошая землю, и Элспет заметила, что Анакс начал ощущать себя неуязвимым. Он пытался поразить идеальное место, возможно, заднюю часть лодыжки, или под коленом, перерезав сухожилие. Это могло обездвижить минотавра, но Элспет не думала, что это гарантировало победу. Даже волоча ногу, Ярокров все еще мог раздавить череп Анакса двумя пальцами.

Взгляд Элспет постоянно метался от поединка, к укреплению минотавров, к Антузе и ее воинам, наблюдавшим за равниной. Она видела, как левый фланг солдат – как и планировалось – медленно приближался к ним, подобно верхней половине крабовой клешни. Антуза сама вела медленное наступление. Со стены за поединком наблюдали минотавры, но они не смотрели на солдат Антузы, поглощенные сражением. До сих пор, ни один из них не заметил мерного приближения людей.

Ярокрова раздражали быстрые выпады и танцы короля Акроса. Он бездумно бросился на него, и угодил в подстроенную Анаксом ловушку. Ловким движением, Анакс глубоко вонзил меч в ногу минотавра, наконец, перерезав сухожилие под коленом. Ярокров взревел от боли и рухнул на одно колено. Минотавры, наблюдавшие со стен, гневно зашумели, выкрикивая предупреждения ордам, ожидавшим внизу. Врата в укрепление затряслись. Элспет опасалась, что если они поймут, что их вожак проигрывал, то покинут укрепление и нападут на людей за стенами. Тогда усилия Кимеды и Дакса окажутся напрасными.

Она с отчаяньем взглянула в сторону Дейды, надеясь на чудо. Но не увидела никаких признаков друзей или потоков воды, которые те надеялись поднять из ущелья. С тяжелым сердцем, Элспет подняла руку, сигнализируя Антузе. Как вдруг, небеса над Акросом померкли, синева сменилась глубокой фиолетовой мглой. Атмосфера была столь гнетущей, что каждый

почувствовал изменение в резко остывшем воздухе. Черные тучи спустились к Реке Дейде. Свет пульсировал сквозь толщу клубящихся облаков. В небе открылось лицо Керана.

Кроме столба света, освещавшего Анакса и Ярокрова, штормовые тучи Керана превратили день в ночь. Могий материализовался в Никсе, но его могли видеть лишь оракулы с божественным зрением. Ощущая присутствие Керана, Могий благословил Ярокрова. Бог Истребления исцелил перерезанную ногу своего оракула и пропитал его жестокостью, которую не мог бы пробудить в себе ни один смертный. У Анакса, занесшего меч для победного удара над Ярокровом, не было времени опустить клинок, прежде чем исцеленный минотавр метнулся вперед и сдавил лапами горло короля. Элспет не могла видеть Могия, но почувствовала его вмешательство.

- Измена! – Заорала она и бросилась на поле поединка. Но было уже слишком поздно. Ярокров одной рукой поднял короля в воздух. Второй рукой он вонзил свой клинок ему в живот. Меч прошел тело Анакса насквозь, и острое окровавленное лезвие показалось из спины короля. Минотавр выронил Анакса, и тот грузно рухнул на землю. Околдованный благословением Могия, Рордон взмахнул мечом, направляя его на неподвижного короля. Сила удара рассекла бы его пополам.

Но Элспет смогла метнуться вперед и отбить смертельный удар острием своего копья. Ее неожиданное присутствие застало Ярокрова врасплох, и он попятился назад. Она встала между минотавром и раненым королем. Рордон замешкался на мгновение, оценивая свою крошечную противницу. Его красные глаза сверкнули при виде оружия Элспет, и он бросился к ней, прежде чем она успела призвать какое-нибудь боевое заклинание. Наблюдая за стремительным приближением его громадной туши, Элспет по достоинству оценила стратегию Анакса. Ярокров был тяжелее ее на несколько сотен фунтов, и раздавил бы ее, если бы она попыталась принять лобовую атаку. Как и король до нее, Элспет шагнула в сторону, в последний момент уклонившись от нападения. Но своей целью она выбрала не конечности, а глаза минотавра. Она развернулась влево, на ходу вскинув копье. Острие лезвия прорезало правый глаз Ярокрова, обезобразив его бычьей мордой. Минотавр взвыл от неожиданности.

Элспет снова развернулась влево, и встала за спиной противника, нацелив свой меч-копье ниже грудной клетки Рордона. С пугающей скоростью, минотавр развернулся и взмахнул мечом на уровне шеи Элспет, стремясь обезглавить ее. Направление движения ее оружия не позволяло ей отразить удар. Лучшее, что она могла сделать, это выставить копье перпендикулярно земле, и молить Гелиода, чтобы оружие выдержало мощный удар Ярокрова.

Лезвие его кровавого меча со всего размаха впилося в светящиеся сферы ее меч-копья. Как только оба оружия коснулись друг друга, залп белой энергии по спирали взметнулся из клинка Элспет. Ударная волна столкновения отбросила обоих противников назад, за пределы *темена*. При виде павшего Ярокрова, минотавры распахнули ворота укрепления и ринулись на равнину. В ответ, генерал мелетийцев выкрикнул своей армии приказ о нападении. Могий в Никсе почувствовал первый залп войны, и зарычал от удовольствия.

- Антуза! – закричала Элспет.

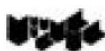
Сетессийцы были уже у ворот. Одним скоординированным движением они бросились вперед и захлопнули ворота, раздавив их тяжелыми бревнами нескольких минотавров. Королевские стражники присоединились к ним, навалившись на закрытые ворота, трясущиеся от яростных ударов запертых минотавров. Дуга обжигающей молнии скользнула по небесам и ударила в ущелье.

Могий метнул свою божественную сариссу в самое сердце бури, но Керан был подобен туману, и оружие Бога Истребления просто прошло сквозь него, не причинив ни малейшего вреда. Бог Бурь устремил свою мощь в ущелье. Раздался резкий воющий звук, и река поднялась к

небесам. Но Керан не удовлетворился лишь поднятием Дейды. Под его рукой она превратилась в огромного элементаля, гибкого, как змея, но с головой дракона. Сердце его было рождено в Никсе, но душой он был буйным ребенком Керана и Кимеды. Раскаленный элементаль хлынул в самое сердце оплота минотавров. От его кипящих объятий, их кожа слезала с обваренных костей, унося тела дикарей в водную пропасть. Кимеда стояла на вершине ущелья и наблюдала, как трупы минотавров поглощало пламя и обжигающий пар.

Увидев единственным здоровым глазом уничтожение своих собратьев, Ярокров ошарашенно раскрыл пасть. Речной элементаль нанес повторный удар по минотаврам, смыв с равнины все следы их укрепления. Когда его кипящие воды пронеслись рядом, Ярокров бросился с дымящуюся пучину, и дикое течение унесло его прочь. Элспет понимала, что он скорее предпочел бы умереть, чем быть поверженным и схваченным людьми.

Когда буря утихла, стены Акроса стояли чистыми и сверкающими. Небо над городом также было настолько ясным, что даже оракула не могли разглядеть, что стало с Могием в Никсе.

Когда последний гребень волны вернулся в ущелье, Кимеда сошла на твердую почву на противоположном краю пропасти. Она опустилась на колени, и речной элементаль растворился в бурлящей воде. Дакс радостно кричал, но королева оставалась неподвижна, и выглядела поверженной и опустошенной. Над ней ветер развеивал штормовые тучи. Своим божественным зрением Дакс увидел в облаках лицо Керана. Тот не сводил глаз с королевы. Он жаждал ее, и теперь она сама предложила ему себя. Он был готов принять столь желанного оракула. Дакс увидел на лице королевы всю скорбь осознания своего положения.

Он беспомощно наблюдал, как Кимеда обернулась потоком огня и кровавого света, вознесшись к Никсу, и растаяла в потоке ветра.

ГЛАВА 8

Алый закат кровоточил на горизонте, когда началось празднование победы. Стена Минотавров была смыта перед воротами Акроса, и на ее месте уже пестрило море разноцветных шатров, палаток и тентов, в которых находились солдаты Мелетиды и Сетессы. Древние стены города были увешаны баннерами Акроса, величественно колышущимися на ветру. Огромный костер полыхал у самих Королевских Врат. У огня был наскоро сооружен помост, на котором музыканты настраивали свои инструменты. Личные повара короля усердно трудились над пиром для празднующих горожан и гостей. Несмотря на свою тяжелую рану, Анакс распорядился продолжать празднование без него.

Изнуренная сражением с Ярокровом, Элспет не желала выходить к празднующим. Она сидела с Никкой и Антузой в шатре, раскрашенном в синюю полоску, на краю увеселительного лагеря. Это было прочное двухкомнатное сооружение с дубовой мебелью, принесенной из Колофона. Элспет казалось, что она находилось в хорошо обставленном доме, а не походном, самодельном жилище.

- Сражение закончилось, - раздраженно сказала Никка. – Можешь отложить уже свое оружие.

Она выдернула копьё из одеревенелых пальцев Элспет и отложила его на деревянный стол. Элспет поморщилась, когда Антуза помогла ей отстегнуть доспех и снять его через голову.

- Твои раны не такие уж и серьезные, - сказала Сетессийка, осмотрев ссадины и порезы на спине Элспет.

Никка тоже решила взглянуть. – Ага, если ты не против, чтобы у тебя из плеча торчала кость.

Элспет повернула голову, словно желая разглядеть собственную спину, и содрогнулась от боли.

- Сиди смирно, - сказала Антуза, укоризненно взглянув на Никку. – Ярокров твоей спины не касался. Откуда эти раны?

- Один из минотавров, выбежавший из укрепления, - сказала Элспет. – Я следила за Кераном, а не за спиной.

Антуза разочарованно вздохнула. – Это я могу поправить, - сказала она.

Элспет была привычна к целительной магии, с ее беззвучным, пассивным воздействием. От заклинания Антузы ей показалось, что все ее тело вытряхнули наружу, мышцы растянули и связали узлами, а, затем, впихнули на место кости. В конце она почувствовала, словно Антуза ударила ее кулаком, чтобы припечатать и закрыть рану.

- Так-то лучше, - сказала Антуза.

- Уф, спасибо, - проговорила Элспет. Тело все еще болело, но эту боль она могла терпеть. Она потянулась за доспехом, и Никка шлепнула ее по руке.

- Боги милостивые, женщина, оставь уже эти железяки в покое, - сказала она. Она швырнула Элспет узел из мягкой ткани. В нем было акросское платье с длинной белой юбкой и красными полосами на рукавах и подоле.

Элспет шагнула за ширму. Входная ткань в шатер зашуршала, и Элспет выглянула из-за ширмы. Дакс аккуратно нес два подноса еды в заднюю комнату, где вокруг горячей жаровни были установлены кушетки. Элспет спешно закончила одеваться. Платье ей казалось нелепо

облегающим, и ей нечем было повязать волосы. Но она умирала от голода, и не собиралась снова одевать свою грязную боевую одежду.

- Они празднуют, несмотря на ранение Анакса? – спросила Элспет, войдя в тепло задней комнаты. Ее друзья уже начали готовить сулваки. Мясо и овощи на шампурах шипели над жаровней. Все в комнате застыли, уставившись на Элспет, как только она появилась в проеме между комнат.

- Что? – словно защищаясь, спросила она.

Антуза пожала плечами и отвернулась к еде. – Ты не похожа на себя с распущенными волосами, - сказала она.

Элспет сконфуженно плюхнулась на кушетку рядом с Никкой. Она повозилась с одним из серебряных шампуров, на ручке которого красовалась крошечная крылатая лошадка. Мелетийцы размещали символы Гелиода на всем, даже хозяйственных принадлежностях. Дакс протянул ей блюдо с едой.

- Где ты положила мой доспех? – спросила Элспет Никку.

- Так, во-первых, я не твой оруженосец, - выпалила Никка. – Во-вторых, он на столе, вместе с твоим idiotским копьем. В-третьих, если ты снова его нацепишь, я сама тебя убью.

Повисла ошарашенная тишина, и, затем, все трое взрослых залились смехом. Даже Элспет, которая именно это и собиралась сделать.

- И поскольку я не твой оруженосец, сама делай свой сулваки, - сказала Никка с едва уловимой улыбкой.

- На вид, все довольно очевидно, - сказала Элспет. – Думаю, я справлюсь.

Они ели и болтали, осторожно избегая разговоров о битве. Но когда музыка снаружи зазвучала громче, Никка стала мрачнее. Она злобно взглянула на стены шатра, словно обвиняя их в том, что они пропускали шум внешнего веселья. Дакс шепотом сообщил Элспет и Антузе о судьбе Кимеды, и они решили не рассказывать об этом Никке. Даже Элспет согласилась, что дополнительные плохие новости могли повредить ее рассудок.

- Это глупо, - сказала Никка, выронив свой полу-пропеченный шашлык рядом с подносом. – Что они празднуют?

- Анакс приказал своим людям радоваться, - сказал Дакс.

- Радоваться тому, что ему вспороли живот? – прорычала Никка. – Радоваться гибели кочевых солдат?

- «Увеселением почитайте богов за благие исходы свои, иначе же, откажут вам они в победах грядущих», - сказал Дакс. – «Радуйтесь живым, и чтите мертвых».

Элспет узнала в его словах строки из своего обучения в Мелетиде. Это было наставление Гелиода, и, по всей видимости, Ироя. Элспет понимала, что Дакс хотел, как лучше, но слова его звучали неуместно и избито на фоне смятения Никки.

- Выживет ли король? – спросила Антуза.

- Я сделала все, что могла, чтобы исцелить его, затем, меня сменили его лекари, - сказала Элспет. – Думаю, он справится.

- Люди погибли! – Никка практически орала. – Поместье моего отца сожжено до основания.

- Где твой отец сейчас? – спросила Антуза.

- Встречается с советниками, - сказала Никка. – Он сегодня слишком занят для меня.

- Он сказал, что придет за тобой завтра с самого утра, - заверила ее Элспет. – Ты не обязана ходить на праздник. Просто посиди здесь, с нами.

Никка злобно взглянула сперва на Элспет, затем на Дакса. – Ага, как же - сказала она. – Как-будто, я хочу торчать здесь.

Повисла неловкая пауза, и Антуза сменила тему. – Что сейчас происходит с богами? – спросила она.

- Исходя из ощущений, Безмолвие не завершилось, - сказал Дакс. – Могий нарушил его, как и Керан. Но я все еще не слышу других богов. Я слышу что-то странное, но это не боги.

- На что это похоже? – спросила Элспет.

- Какой-то шум, как треск огня, - сказал Дакс. – Возможно, это эхо от силы Керана. Не уверен. Ничего подобного прежде не слышал.

Снаружи раздался раскатистый грохот, и все вскочили на ноги. Со стороны центрального костра послышался хохот.

- Что-то не так, - буркнула Никка. – Все какое-то неправильное. Вы не чувствуете это в самом воздухе? Я не слышу никаких странных звуков, Дакс. Но воздух как будто иголками колется.

Элспет положила руку Никке на плечо. – В каком смысле?

Но Никка не желала ее сострадания. Она стряхнула руку Элспет и вышла в переднюю комнату.

- Куда ты собралась? – позвала Элспет Никку. Она взглянула на Дакса и Антузу. – Может, нам пойти за ней?

- Я хочу прогуляться! – выкрикнула в ответ Никка.

Антуза покачала головой. – Оставь ее. В Сетессе мы трудных подростков заставляли работать, или отсылали на очень сложное задание в лес. Может, тебе стоит завтра подумать над этим.

- Это безопасно? – спросила Элспет Антузу.

- Я возьму с собой что-нибудь для защиты, - выкрикнула Никка, которая подслушивала их из передней. – Оставьте меня в покое!

- Там ни единого врага на много миль вокруг, - сказала Антуза.

- С ней все будет в порядке, - прошептал Дакс. – Думаю, невнимание со стороны отца, ранит ее больше всего.

Послышался стук, Никка возилась с чем-то тяжелым. Она безуспешно попыталась хлопнуть тканевой дверью в шатер, и, затем, ушла прочь.

- Это просто осадок после сражения, - сказала Антуза. – Молодым обычно сложнее справиться с эмоциональным маятником.

- Она, скорее всего, побродит среди танцоров, и в итоге расслабится, - сказал Дакс.

- Кстати, о танцах, - сказала Антуза. Она вдруг заторопилась к выходу. – Я обожаю Акросские флейты и лиры. Прошу меня простить...

Как только Антуза ушла, Дакс подсел к Элспет. У них почти не было времени поговорить со времени его возвращения из ущелья с печальными вестями о Кимеде. Она прильнула к нему, и он обнял ее за плечи.

- Я говорил тебе, что рад, что ты жива? – сказал он.

- Я то же самое хотела сказать тебе, - ответила она.

- Хочешь пойти туда? – спросил он. – Потанцевать под флейты?

- Вообще-то, нет, - сказала она. – Я и отсюда прекрасно слышу музыку.

- Хочешь поговорить? – спросил он. Его рука нежно скользнула по ее затылку к шее. Она повернулась к нему, и он улыбнулся ей. Это была улыбка, говорящая «я согласен на все, что захочешь». Она сделала глубокий вдох и улыбнулась в ответ. Неожиданно, все в этом мире, словно, обрело смысл.

- Я не хочу разговаривать, - сказала Элспет. – Ни чуточки.

Она сама протянула руки к нему.

Снаружи шум праздника становился все громче и громче. Он звучал странным образом системно, словно, в собственном ритме биения сердца. Приливы и отливы бурного смеха звучали неестественно, но Элспет не могла понять из-за чего. Сквозь какофонию криков и искаженного хохота, ее окружение медленно обрело очертания. Рядом с ней спал Дакс. Они лежали, обнявшись, на кушетке. Час явно был поздний. Никка покинула их ранним вечером, но теперь казалось, что снаружи была глубокая ночь.

Он подумала, не стоит ли ее сестра, но воли для этого у нее не нашлось. Она попыталась потрясти Дакса, но ее прикосновение было не сильнее касания кошачьих усов. Воздух был пропитан магией и заклинаниями. Кто-то наложил на них с Даксом мощные чары. Может, это Никка воспользовалась очередным заклинанием сна, которое она наложила в тот жуткий день на караван? Девушка была расстроена и озлоблена, но зачем ей было это делать? Кроме того, чары сна не контролировали бы музыку, и ускоряющийся топот ног танцоров. Заклинание было слишком мощным для Никки, и чем бы оно ни было, оно звучало неистово и безумно. Рядом с ней, Дакс пошевелился и что-то пробормотал. Элспет попыталась придвинуться ближе к нему.

- Ты останешься со мной? – прошептал он. Его губы едва шевелились.

Она хотела ответить. Она хотела сказать: Навсегда. Я останусь с тобой навсегда. Но что-то было не так. Элспет чувствовала себя так, словно выпила флягу вина, но она пила лишь воду. Ее лицо было прижато к подушке, и голова казалась слишком тяжелой. Как будто вторая, невидимая кожа сковала ее в эфирном коконе. Она услышала, как открылась тканевая дверь, и кто-то вошел в шатер. Невозможность пошевелиться, или хотя бы сестра и осмотреться, вселило в нее панику. Она хотя махать руками, извиваться, прорвать стены и сбежать в ночную тьму. Но она могла лишь дышать. И ее дыхание было прерывистым, резким, и полным отчаянья.

Снаружи раздался женский крик. Это был неестественный вопль от боли. Послышалось рычание, словно вокруг шатра рыскали хищные звери. Безумные крики доносились издалека, но звуки музыки и танцев не прекращались. Празднующие, должно быть, не догадывались об угрозе жестокости и насилия, скрывавшейся в мелькающих тенях костра.

Тень нависла над Элспет и Даксом.

Элспет двинулась с места, не по собственной воле, но так, словно, невидимые нити были привязаны к ее плечам. Управляемая кем-то, она обнаружила, что сидит на краю кушетки, рядом с Даксом, который все еще распластан и неподвижно лежал позади нее. Ее руки покоились на ее коленях, а подбородок опущен в принужденном почтении. В комнату вошли двое, но она видела лишь их ноги. Один из вошедших был человек, но кривые, мохнатые ноги другого венчались копытами сатира. Кто бы ни контролировал ее тело, он заставил ее поднять голову, и Элспет увидела перед собой лицо Короля Чужеземца, узника, с которым она беседовала в темнице Акросского Колофона. За его спиной стоял человек в темном плаще с капюшоном, обрамленным золотой тесьмой. Его лицо было скрыто тенью.

- Элспет, - сказал сатир. – Пришло время тебе узнать мое истинное имя...

- Ксенаг, - ответила она, когда он вложил эту информацию в ее одурманенный мозг. Эффект его заклинания усилился, и ее органы чувств обострились. Голубые полосы на тканевых стенах шатра резали ее глаза, стоны и крики снаружи оглушали ее, и запах паленой плоти вызывал приступы тошноты. Ксенаг заставил ее взглянуть в его желтые глаза, и прорези его зрачков расширились и увеличивались под ее насильственным пристальным взглядом. Она видела красные отпечатки ладоней, которыми была вымазана его грудь. Она слышала его хриплое

дыхание. Она ощущала металлический обломок у самого его быстро колотящегося сердца. Это был наконечник стрелы. Он сам был чьей-то жертвой.

Ксенаг схватил Элспет за запястье и дернул его, едва не стащив ее с кушетки, пока она отчаянно пыталась развеять его чары над ней. Сбитая с толку страхом и дезориентацией, она никак не могла стряхнуть с себя его колдовство. Ее собственные заклинания продолжали ускользать из ее разума, недостижимые, как листья в урагане.

- Где меч Пирфора? – грозно спросил Ксенаг. Его слуги громили все вокруг, в поисках клинка. Ее глаза метнулись к деревянному столу, где она его оставила. С ее ракурса на кушетке, ей был виден лишь угол стола. Но, если бы ее оружие было там, его бы видели все в комнате.

- Ты думала, что он был в той комнате? – Ксенаг оттолкнул ее на кушетку. – Глупая девчонка. Она даже не знала, что оружие пропало.

Сатир подозвал жестом человека в капюшоне, и тот шагнул вперед. Тусклый огонь, догоравший в жаровне, осветил его черты. Элспет бы вскрикнула, если бы сатир позволил ей использовать рот. Человек в капюшоне был Сарпедон, тот, кого она встретила в Храме Фенакса в Акросе. Он был Священником Лжи, прочитавшим ее мысли и посоветовавшим искать Гелиода, но его красивое лицо теперь было изувечено. Его губы были срезаны, а кожа зашита грубыми черными нитками. Его мутные глаза были суровыми и бесцветными, как небеса перед бурей.

- Фенаксу не понравилось то, как Сарпедон провел встречу с тобой, мироходец, - усмехнулся Ксенаг. – Но столь могущественный оракул недолго остается без покровителя. Для Бога Подземного Царства не существует разбитых сосудов, он все прибирает к рукам.

Снаружи слышался лязг оружия. Клинки рассекали плоть, и отчаянный смех превращался в безумные вопли. Нестройная музыка сопровождалась звуками, похожими на рычание своры диких собак, рвущих свою жертву. Снова Элспет попыталась вытолкнуть сатира из своей головы и вернуть свою силу воли. Но единственное воспоминание, которое она могла вызвать, был их с Даксом привал у Переправы Охотницы, и это воспоминание о лесе не придавало ей никаких сил.

- К счастью, Эреб согласился разделить его со мной, - сказал Ксенаг. – И за столь крошечную цену. Он так давно мечтал о Даксе.

Элспет пыталась закричать и предупредить своего друга. Но Дакс все еще не шевелился, и ее страх за него ослабил ее еще больше. Сатир заставил Элспет встать перед Сарпедоном, осматривавшего ее свысока своими странными серыми глазами. С тех пор, как им завладел Эреб, тело Сарпедона пропиталось духом Подземного Царства. С каждым выдохом, он наполнял комнату ядовитым отчаяньем.

Удушливый воздух Подземелья Эреба проник в легкие Элспет. От него веяло темной землей, скорбью, и извращенными желаниями. Он был подобен воздуху в Святилище Атрея, где души молили о переправе, пытаясь сбежать от страданий между жизнью и смертью.

- Убей ее, - приказал сатир Сарпедону. – Убей их обоих. Я найду меч без нее.

Священник Джи поцеловал ее своим изуродованными устами, и Элспет почувствовала, как жизнь начала покидать ее. Ее силы и воля к жизни вытекали сквозь поры, как вода сквозь решето.

- Ты знаешь тщетность существования, - сказал Ксенаг, повернувшись к выходу. – Ты знаешь, каково это, чувствовать себя затерянным в бесконечности. Тебе нужно было найти мир, в котором бы ты заставила этих жалких смертных приклоняться перед тобой. Тебе нужно было давить твоих врагов и заставить их скулить при виде тебя. Тебе нужно было сделать все это... где-нибудь, но не здесь.

Когда Ксенаг ушел, Священник Лжи сдавил руками ее горло. Но Элспет отыскала зацепку в своем разуме, и ухватилась за нее. Она представила себе легендарное поле битвы Плато Четырех

Ветров, где они с Даксом сразились с гидрой. Она почувствовала ветер, несущийся по открытому каменному полю. Она развеяла магию сатира и ударила локтем священнику в лицо.

Неестественная кожа на лице священника вскрылась, и челюсть провисла на черепе, лишенная мышц. Отчаянно выискивая какое-нибудь оружие, Элспет оттолкнула Сарпедона ногой. Он покосился назад и грохнулся на одну из деревянных кушеток у противоположной стенки комнаты.

- Дакс! – Кричала Элспет, пытаюсь разбудить друга.

Священник Лжи поднялся на ноги, а Элспет была все еще слишком слаба, чтобы драться с ним голыми руками. Она метнулась к стене, увеличивая пространство для маневров. Ей хотелось призвать заклинание, чтобы он исчез, но лучшее, что она сумела, это замедлить его движения. Священник дернулся, затем вспыхнул яркий свет, и он замер. Элспет схватилась за край стола и треснула его им по голове. Под воздействием ее заклинания он не мог защититься и рухнул на пол. Падая, он ударился головой о твердый угол кушетки. Удар расколол его череп, но Элспет не заметила этого, поскольку бросилась к кушетке, на которой лежал Дакс. Она грубо трясла его, умоляя открыть глаза. За ее спиной ядовитые испарения Подземного Царства вытекали из трупа Сарпедона, словно в самом шатре разверзся проход в Царство Эреба. Глаза Дакса распахнулись.

- Я прощаю тебя, - сказал он.

Но Дыхание Эреба окутало Элспет, и она унеслась куда-то, в кромешную тьму. Исчезли полосатые стены шатра, и звуки безумия снаружи. Элспет решила, что она снова была на Новой Фирексии, в комнате под тронным залом, где ее оставил Кос. Он запечатал ее ноги в каменный пол и сказал уходить из этого мертвого мира. Но Фирексийцы пробили дверь быстрее, чем она смогла призвать заклинание. Кошмарный Уничтожитель возвышался над ней. Где был ее меч? Она отчаянно шарилась руками по полу. Должно быть, она выронила его. Ее ладонь наткнулась на чем-то остром и металлическом. Предмет был меньше, чем ее меч, но она схватила его, хватаясь за все, что могло спасти ее от Уничтожителя.

Фирексийский Уничтожитель был отвратительным существом, созданным лишь для убийства. Она видела ряды зубов, вырванных из ртов живых существ. Множество конечностей, острых, как лезвия, рассекали воздух, и ядовитые газы вытекали из его открытой рудной клетки. На нем была кожа убитых, словно трофеи из раздавленных, уничтоженных жизней. Одним шагом он достиг ее, и она панически начала махать острым металлическим предметом перед ним. Он пытался схватить ее, швырнуть на пол, и обездвижить руки. Из всех сил она вонзила свое мелкое оружие ему в сердце.

Уничтожитель покосился и рухнул на землю. Она убила его. Она смотрела вниз, на его гротескный труп. Она заново переживала момент глубочайшего отчаянья, с той лишь разницей, что обстоятельства теперь отличались. Когда она сражалась с ним прежде, она была сильно ранена. На этот раз, она убила его без единого ранения. Эту Фирексийскую машину боли и хаоса. Почему же она не чувствует триумфа? Земля под ее ногами затряслась, словно она сражалась с собственными демонами. Грохочущий шум заполнил ее слух. Затем она услышала крик. Тысячи людей орали от боли. Казалось, они выкрикивали ее имя.

Элспет! Элспет! На самом деле, ее имя выкрикивал лишь один человек. Она почувствовала прикосновение рук на спине. Они безуспешно дергали ее за платье, словно ребенок пытался сдвинуть ее с места. Она развернулась и увидела Никку, заплаканную, с выражением полнейшего ужаса на лице.

- Он мертв, Никка, - заверила ее Элспет. – Уничтожитель мертв.

Подобно тому, как захлопывается прочитанная книга, Элспет испытала странное столкновение с реальностью. Никка и Фирексийцы принадлежали разным мирам. Никка все еще кричала ее имя. Элспет! Элспет! Она резко развернулась к трупу Уничтожителя. Только он

оказался вовсе не тем, кого она ожидала увидеть. На полу лежал человек. Это был *Дакс*. Он был мертв. Из его горла торчал один из стальных шампуров с жаровни. Она взглянула на свои руки, трясущиеся и вымазанные кровью.

В одной руке Никка сжимала копье-меч. Она сунула его Элспет.

- Прости, - мямлила Никка. – Прости. Я взяла твоё оружие. Элспет, прости.

- Кто убил *Дакса*? – глупо спросила Элспет. Она взяла копье-меч из рук Никки. Глаза девушки расширились, и она попятилась от Элспет, словно та угрожала ей.

- Ты! – Вскричала Никка. Затем ее крики слились в несвязный поток речи и слез.

Что-то хлестнуло о стенку шатра. Странные, когтистые руки тянулись к основанию тента, пытаясь прорвать его. *Дакс* был мертв, но действительно ли она убила его? Его глаза безжизненно уставились в потолок. Его грудь, испачканная кровью, не шевелилась. Сердце не билось. Треск ткани под когтями чудовищ, рвущихся в шатер, подтолкнул ее к действию. Она уже видела искаженные, гротескные лица, вглядывающиеся в шатер снаружи.

Элспет схватила Никку за руку и потащила в переднюю комнату. Она спешно подняла нагрудник доспеха, рывком надела через голову и сунула ноги в металлические поножи. Губы Никки все еще двигались, но уже беззвучно от бессилия.

- Нам нужно убираться отсюда, - сказала Элспет.

Она боялась, что Никка воспротивится, но девушка позволила Элспет взять ее за руку снова. Вместе они бросились в хаос ночи. Праздничный лагерь обернулся кошмаром. Большая часть тентов была разорвана, а костер пылал бесконтрольно. Что-то – сатир *Ксенаг*? – поразило разум празднующих, которые теперь были объаты безумием. Некоторые все еще танцевали посреди кровавого насилия. Окровавленные тела были разбросаны, словно древесные обломки, выброшенные волнами на берег, а вокруг них продолжала бесноваться бездумная толпа. Сила окончательного веселья *Ксенага*, заменила здравый смысл извращенным и безудержным стремлением к удовольствию. Держа Никку за руку, Элспет успела лишь выбежать из кошмарной сцены в шатре, как девушка споткнулась, истекая кровью от раны на боку.

- Ты ранена? – спросила Элспет.

Но толпа надвигалась на них, и небеса мерцали хаотичным, пульсирующим светом. Казалось, что сам *Никс* в любую секунду готов был взорваться вдребезги. Не выпуская Никку из рук, они бросились в сторону гор.

Путь из обезумевшего лагеря, сквозь кромешную тьму, и подъем по скалистой тропе к алтарю *Гелиода*, словно проходили вне времени. Никто не погнался за ними, а звуки вакханалии с каждым шагом становились все тише и дальше. Когда она пыталась уложить в голове события всей этой ночи, она могла лишь вспомнить тяжесть собственной скорби. Элспет чувствовала, что ее душа осыпалась в пыль. Словно края ее души сворачивались в отчаянной попытке защитить жизненный центр от мира, с равным усилием стремящегося раздавить его.

Дакс.

Она была в ужасе от осознания, что совершила что-то страшное. Ее ошибку невозможно было исправить. Разум Элспет одновременно пытался двигаться вперед – к *Гелиоду*, который, как она верила, мог ей помочь – и пятился назад, к тому мгновению, когда она увидела *Уничтожителя*. Сколь глубоко она ни была погружена в себя, она все равно увидела пугающие изменения в небесах. Звезды и небесные создания *Никса* пульсирующими лентами вытекали из неба, оставляя за собой зияющую пустоту. Когда Элспет подняла глаза, ей показалось, что она смотрит во чрево огромной пещеры, куда никогда не проникали лучи света.

К тому времени, когда она достигла статуи Бога Солнца, огни *Никса* растаяли полностью. Их место заняла бескрайняя вуаль неестественной тьмы. Никка рухнула у основания статуи *Гелиода*. Она едва дышала.

- Прощу тебя, Гелиод, - прошептала Элспет. – Вернись в мир. Помоги ей. Помоги нам всем.

Внизу, казалось, что огненное жерло с лавой угрожало поглотить Акрос. Волны мистической энергии, пульсируя, расходились по открытому пространству равнины. Ущелье Реки Дейды было подобно огненной змее, и горные пики на горизонте задрожали. Огромная магическая энергия, накопленная Ксенагом этим извращенным весельем, накрыла сатира и превратила его из смертной плоти в нечто божественное. Одна из горных вершин на горизонте взорвалась пламенем, и Ксенаг восстал к небесам. Его необъятный образ, рвущийся к небесам, пульсировал звездами Никса.

Звездная ткань стекала с краев его божественного тела, и весь Никс стремительно вернулся на небо. Но уже новый бог занял свое место в пантеоне. Как только Ксенаг, Бог Разгула, вознесся в обитель богов, разрушительная ударная волна разошлась к краям мира. Будто разбуженная неестественным толчком, Никка поднялась перед Элспет. Ее кожа была пепельной, а глаза пылали белым огнем.

- Изменница, - сказала Никка.

Она говорила чужим, божественным голосом. Ее тело стало божественным сосудом, и слова исходили от Гелиода и Нилеи.

- Ты убила Дакса, - проговорили оскорбленные боги. – Ты помогла сатиру нарушить границы Никса, и стать богом. Мы возвращаемся в мир смертных. Когда мы отыщем тебя, мы тебя уничтожим.

ГЛАВА 9

Хотя за ней никто и не гнался, Элспет все глубже удалялась во мрак Нессийского Леса, в котором укрыться было проще, чем на открытых горных тропах. Она бежала сломя голову, лелея иррациональное чувство, что если она будет мчаться достаточно быстро, то сможет нагнать Дакса, прежде чем он исчезнет в Подземном Царстве. Лес был неестественно спокоен. Не было слышно ни птичьих трелей, ни шороха веток. Даже ветер растворился в воздухе. Первые лучи восходящего солнца слабо и несмело проникали под пестрые зеленые кроны деревьев, словно, не желая освещать изменившийся мир. Дакс был мертв. Ксенаг стал богом. А Гелиод хотел ее убить.

Где спрятаться от божьего гнева?

Элспет увидела старую иву, возвышавшуюся над кронами других деревьев. Она осторожно пробралась сквозь сплетение гибких ветвей и листьев. Скрывшись из вида, она опустила на землю, у самого ствола дерева. Ксенаг использовал ее в организации собственной победы при Акросе. Он превратил празднование победы в личное вознесение и обретение божественности. Он пытался похитить ее меч, и завладел ее разумом. Он заставил ее убить...

Она поклялась не покидать Терос, пока не отомстит за смерть Дакса. И если ей потребуется силой проложить путь в Никс и собственноручно убить Ксенага, значит, так она и поступит. Но, сначала, ей нужен был отдых, чтобы собраться с силами, чтобы понять, куда ей идти, чтобы Гелиод не поразил ее. Сжимая рукоять своего оружия, она погрузилась в сон под тонкими ветвями ивы. Ей снился Дакс. Он сидел на корточках на крыше, на краю внутреннего дворика храма Гелиода. Но вместо камешков, он бросал к ее ногам крошечные стеклянные цветы, похожие на амулет, который он носил в детстве. Шести-лепестковые асфодели разбивались о твердую землю и, затем, раскрывались мерцающими белыми бутонами. Вскоре, внутренний двор превратился полем асфоделей. Белоснежные цветы преумножались, пока не покрыли Мелетиду, затем они разрослись, заполнив весь мир. Можно было идти до края мира, и видеть одни лишь цветы мертвых.

Элспет проснулась в испуге. Сбитая с толку, она решила, что снова находится в Урборге, на Доминарии. В этом жалком месте всегда было особое освещение. Буд-то сам воздух был старым и слегка опаленным. Она даже почувствовала запах паленого дерева. Но затем, она почувствовала под собой холодную землю Тероса, и кошмарные воспоминания о безумной веселья вернулись к ней стремительным потоком. Элспет раздвинула завесу ивовых ветвей и обнаружила, что лес невероятно изменился за время ее сна.

Там, где прежде стояли древние деревья, теперь образовался неестественный коридор, уходящий в обе стороны. Все растения и деревья были спрессованы в две плотные стены, расширившиеся, пока хватало глаз. Кроны деревьев превратились в практически непроницаемый потолок из листьев, пропускавших совсем немного света. Она повернулась, и увидела, что ива, также, влилась в стену коридора, напоминая живую фреску. Она коснулась стены коридора, на ощупь она была похожа на стекло. Она стукнула по ней своим оружием, но стена не разбилась. Она могла пойти налево, или направо – это были единственные возможности – и они выглядели совершенно одинаковыми.

Элспет повернула налево. Спустя пару минут, коридор достиг Т-образной развилки. Она вновь повернула налево. Элспет повторила этот выбор еще несколько раз и вновь очутилась у

фрески ивы. В воздухе повис туман, и Элспет почувствовала мощную магию, превратившую деревья в лабиринт. На этот раз Она повернула направо, и затем, снова направо. Крадучись, следуя выбранному пути, она высматривала любые различия, которые могли бы указать ей на выход. Но, хотя цвета и силуэты деревьев и менялись, они все равно оставались для нее непроходимой стеной. Элспет повернула за угол, и опять вышла к иве.

Она призвала заклинание жгучего света, направив его на фреску ивы, но та осталась невредима и неизменна.

Элспет снова прошла налево. Мигающие желтые глаза пристально следили за ней из стен лесного лабиринта, не отставая ни на шаг. Вскоре, легкий бриз пронесся по коридору, и до слуха Элспет донесся голос юной девушки: *Убийца. Убийца. Чудовище.*

Надеясь обогнать странное заклинание, Элспет бросилась бежать. Она увеличила свою скорость собственными чарами, и силуэты коридора изменились. Правильные углы сменились изгибами и уклоны. Она расслышала шаги кого-то, кто быстро к ней приближался со спины. Раздался яростный вой, и она увидела стаю рожденных в Никсе волков, несущуюся за ней по пятам. Когда она метнула быстрый взгляд через плечо, стрела просвистела у самой головы. Рожденная в Никсе нимфа неслась верхом на первом волке, и она уже целилась в нее снова. Элспет резко свернула вправо, и очередная стрела просвистела мимо нее.

Впереди блеснул свет, и Элспет ворвалась в разрушенный храм в темном сердце лабиринта. В центре круга из покрытых плющом колонн цвета слоновой кости располагался треснувший фонтан. Хватая ртом воздух, Элспет присела у его осыпающегося основания. На чернильной воде в фонтане начали расходиться круги, несмотря на то, что Элспет ее не касалась. Она обернулась через плечо, но рожденные в Никсе не стали преследовать ее в храме. Элспет взглянула на воду и увидела лицо Дакса, смотрящее на нее. Она вскричала от неожиданности. В воздухе все еще слышался голос девушки: *Убийца. Убийца. Чудовище.*

- Ты простил меня – ты все знал с самого начала? – прошептала она, и облик Дакса растворился, обернувшись Древом Круфикса, растущим из водопада на краю мира. Элспет оторвала глаза от видения, как только волки выскочили из лабиринта за ее спиной. Она приготовилась к битве, повернувшись к хищникам, окружавших ее по краям развалин. Нимфа соскользнула со спины волка. Она была изящно сложена, ее волосы были волнистыми, как вода, а тело усыпано звездами. Когда Элспет ребенком попала на Терос, нимфы помогли ей вернуть силы. Но в хмуром взгляде этой нимфы читалось стремление ее убить.

- Гелиод желает, чтобы ты предстала перед его гневом, - сказала нимфа. – Моя повелительница, Нилея, желает лишь твоей смерти.

Чернильная вода в фонтане начала неестественно пузыриться. Судя по звукам, какой-то огромный предмет поднимался на поверхность из глубин. Какое бы заклинание ни призывала нимфа, Элспет не собиралась дожидаться его результата. Она отскочила в сторону, как только струи черной воды поднялись из фонтана и хлестнули в ее сторону. Она призвала собственную магию, и затолкала воду обратно в фонтан. Но, как только заклинание нимфы провалилось, рожденные в Никсе волки начали сжимать кольцо, отталкивая Элспет к фонтану. Она резко хлестала копьём в воздухе, стараясь держать зверей на расстоянии, но они все равно заставляли ее отступать к гнилой воде. Она вновь услышала шум воды, поднимающейся за ее спиной, чтобы утащить ее в свою пучину.

Оглушительный рев охотничьего рога раздался откуда-то за пределами храма. В тот же миг, странные стеклянные стены, сковавшие лес, начали таять. Заклинание нимфы развеялось, и лес вернулся в свое естественное состояние, хотя развалины храма остались неизменны. На пригорке за осыпающимися колоннами Элспет против солнца увидела темные силуэты небольшого отряда охотников. Как только они достигли развалин, она поняла, что это были не

люди. Это были мускулистые леонины, набросившиеся на волков со свирепостью разъяренных хищников. Рожденные в Никсе волки разбежались в смятении от неожиданного появления охотников. Нимфа яростно выкрикивала команды на незнакомом языке. Ее голос был низким и первобытным, эхом расходящимся меж священных деревьев.

Леонины не смутились количеством рожденных в Никсе противников, оцетинившихся перед ними. Воины бросились на волков, сверкая бронзовыми сариссами и мечами. Элспет ударила ближайшего звездного волка. Она вскрыла ему бок, но глубокая рана вовсе не побеспокоила свирепого хищника. С голодным, кровожадным взглядом, он кружил вокруг нее, но прежде чем он смог наброситься на нее, вновь зазвучал охотничий рог. За ним последовала последняя вспышка ослепительного света, и Элспет закрыла рукой глаза, защищаясь от невыносимого блеска. Когда она вновь смогла видеть, от рожденных в Никсе остались лишь тусклые тени и струйки дыма.

Элспет опустила оружие и склонилась в благодарности перед леонинами, спасшим ее жизнь. Это были первые представители этой могучей кошачьей расы, которых она встретила в этом мире. Как и леонины Алары, их движения были грациозны, и она ощущала в них схожий интуитивный интеллект и склонность к сопереживанию. Сражение завершилось, но бойцы леонинов все еще сохраняли дистанцию. Она беззвучно стояла, ожидая их решения. Наконец, воин с золотистой гривой и багровой полосой ткани на груди, осторожно приблизился к ней.

- Ты Элспет? – спросил воин.

Шокированная тем, что он знал ее имя, Элспет могла лишь кивнуть.

- Она здесь, - выкрикнул воин. – Ты был прав!

Он свистнул и на пригорке за развалинами появились другие леонины. Они спешно спустились к Элспет. Они шли против солнца, и она не могла разглядеть их лица, пока они не подошли вплотную. Самый высокий из них сдвинул капюшон на затылок. Когда она увидела, кто это был, то едва не зарыдала от облегчения. Перед ней стоял ее старый друг, Аджани.

- Я искал тебя повсюду, - сказал ей Аджани.

Мироходец леонин находил ее прежде, и никогда не бросал ее. Что бы она ни натворила, он никогда не отвернулся бы от нее. Шатаясь, она подошла к нему и погрузилась в его теплые объятия.

ГЛАВА 10

С вознесением Ксенага в Никс, в небесах появилось кольцо тьмы. Сначала оно занимало лишь края небосвода, подобно черному нимбу над головой мира. Но с каждым часом кольцо расширялось, двигаясь внутрь небесного купола. Оно превратилось в широкое колесо тьмы, видимое на горизонте даже днем. Никому из богов не удавалось остановить ползущую пустоту Ксенага, и многие в пантеоне винули смертных за вторжение сатира. Ходили слухи, о собирающейся на западе армии рожденных в Никсе, и шокирующей жестокости, которую сеяли боги в городах. В то время, как Керан выражал свое недовольство, посылая клубы грозových туч, бичуя воюющий мир, Пирфор направил свою ярость в небеса.

Элспет и Аджани с отрядом воинов отправились в родные земли леонинов, достигнув их, спустя сутки тяжелого перехода. Отдаленный край, известный, как Ореск, пролегал за пределами земель Акроса, но все еще находился у края необъятного Нессийского Леса. Древние руины все чаще проглядывали сквозь густые кустарники скалистого полесья, и, вскоре, отряд вышел к старой обветшалой дороге, построенной давно забытой всеми цивилизацией. Тетм, главная крепость леонинов, уже показался в открытой низине, как вдруг до их ушей донесся отдаленный грохот. Столб пламени взметнулся из Горы Велеры, и горизонт замерцал зловещей красной дымкой. Извержение усилилось, и залпы расплавленной магмы достигли краев клубящихся туч, остывая и обрушиваясь раскаленными булыжниками в Нессийский Лес. Над деревьями поднялся дым, и стаи птиц в панике унеслись в грозových небеса.

- Пирфор глупец, - прорычала Сеза, леонинша с пятнистой серой шерстью, боготворившая Аджани. Куда бы он ни шел, она тенью шла следом. – Может он и целится в Никс, но где, он думает, его огненные камни приземлятся?

- Пирфору безразлично, кому он вредит, - сказал Пиксатор, леонин с золотой гривой, по всей видимости, обладавший весомым авторитетом среди воинов. – Им всем это безразлично. Боги высокомерия и глупцов.

- Нилея не обрадуется тому, что Пирфор палит ее лес, - сказала Сеза. – А это значит, что не поздоровится невинным, которые попадутся ей под руку.

- Невинным? – переспросил Пиксатор. – Теперь ты считаешь людей невинными?

- Говорят, Нилея обезумела от горя, - продолжала Сеза. – Она любила смертного, а его убили. Она не успокоится, пока не отомстит за его смерть, и пантеон не вернется в свое естественное состояние.

Элспет не знала, кто распространял эти слухи, но она прекрасно понимала, что они говорили о Даксе. Изнуренная походом и подавленная упоминанием о ее друге, Элспет почувствовала, как мир накренился на бок. Аджани, шедший рядом, поймал ее, и встревоженно взглянул ей в глаза, но она ничего не сказала, пройдя последний участок спуска к Тетму в тишине. Каменные стены форта были покрыты штукатуркой и выкрашены в золотой и небесно-голубой цвет, резко контрастируя с тусклыми красками дня. Сеза объяснила, что в мирные времена Тетм был менее населен. Большинство леонинов были кочевниками и посещали крепость лишь по особым дням. Когда боги объявили смертным войну, удаленные племена леонинов собрались здесь, в поисках относительной безопасности за стенами форта.

Подойдя к ветхим деревянным воротам, Элспет увидела палатки и караваны, уставленные во внутреннем дворе бастиона. Их было так много, что центральная площадь Тетма походила на бескрайний базар, который Элспет видела в мире Кодиша.

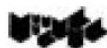
- Бримаз призвал своих соплеменников укрыться здесь, - сказала Сеза. – Некоторые желают объединиться с людьми. Но другие отказываются.

- Кто такой Бримаз? – спросила Элспет.

- Наш король, - сказала Сеза, когда деревянные ворота Тетма закрылись за их спинами. – И я бы, на твоём месте, так бы к нему и обращалась. Лишь у Аджани есть привилегия называть его по имени.

Аджани рассмеялся. – Бримаза утомляет подобная формальность. Он предпочел бы, чтобы его называли братом, чем королем. Сеза, есть ли какое-нибудь место, где мы бы могли воспользоваться твоим гостеприимством? Моей подруге нужен отдых.

В считанные минуты Элспет уже была в уютной палатке, приютившейся у внешней стены. Внутри, казалось, все было сделано из подушек. Снаружи усиливался ветер, и не по сезону мощный ливень оросил землю. Она понимала, что Аджани переполняли вопросы, но к счастью, он оставил ее в покое. Элспет с головой залезло под несколько слоев одеял, и проспала много часов.

Военный совет восседал вокруг открытой костровой ямы в королевском зале центрального бастиона. Они внимательно выслушали Элспет о разрушительных событиях на праздновании победы Акроса. Но она аккуратно подбирала слова и не рассказала собравшимся леонинам всего, что произошло в ту жуткую ночь. Она ни разу не упомянула ни Дакса, ни обстоятельств его смерти. Оправдания ее преступлению не было. Правильных слов не существовало, даже если бы она хотела попытаться их отыскать. «Уничтожитель» ни о чем не говорил леонинам Тероса.

- Значит, Ксенаг узнал о тебе от Фенакса, - с грустью произнес король. – Могу я взглянуть на оружие?

Элспет передала ему копье-меч. Король внимательно изучил его, прежде чем вернуть.

- Бремя, или *Дар Божий*? – спросил Бримаз. – Думаю, это еще стоит определить.

- Пирфор приостановил свою огненную бурю на время, - сказала Сеза. – Иначе бы он сжег весь лес.

- Гелиод нападает на Мелетиду, и часть Акроса уже уничтожена, - произнес советник с противоположной стороны круга совета. – Караметра защищает Сетессу от гнева богов, но долго ли до того, как Гелиод убедит ее присоединиться к остальным?

- Мы должны объединиться с людьми в их сражении с богами! – высказался другой леонин.

- Почему мы должны помогать им, нашим бывшим угнетателям? – возразил Пиксатор.

Ланат Летописец, старик с коротко остриженными волосами, подсел поближе к Элспет. Его шея и нижняя часть лица были покрыты паутиной шрамов, в которых Элспет опознала следы от магического ожога. Ланат был жертвой могущественного мага, и она задумалась, не были ли эти жуткие шрамы причиной, по которой он жил за пределами людских городов. Король Бримаз, казалось, весьма почтительно относился к летописцу, и часто спрашивал его мнение или просил поведать об определенных исторических событиях.

Ланат наклонился к ней и прошептал, - Архонт Агномах со своим войском людей изгнал леонинов из Мелетиды. Леонины верят, что он сделал это с благословением богов. Это предмет многих споров.

Вокруг них леонины громко спорили, пока Бримаз ни поднял руки, требуя тишины. Он повернулся к Аджани.

- Ты ничего не говоришь, старый друг, - сказал король. – У тебя есть как взгляд со стороны, так и дружба с Элспет, которая непреднамеренно стала центром всей этой бури. Я был бы рад твоему совету.

- У меня есть определенные ощущения, как Ксенаг смог манипулировать метафизикой этого мира, чтобы войти в Никс, - сказал Аджани. Леонины заерзали вокруг костра. Им хотелось расспросить его подробнее о том, как произошло столь могущественное превращение, но хозяином вопроса был их король, и потому, его советники молчали.

- Это обратимо? – спросил Бримаз.

- Магия по своей природе изменчива – ее можно менять, рассеивать, перенаправлять... - сказал Аджани. – Не знаю, как именно исправить эту ситуацию, но уверен, что это возможно.

- Что ты имел в виду, говоря о метафизике *этого* мира? – вклинился Ланат.

- Боги произошли от веры людей в них, - сказал Аджани. – Если бы мне нужно было как-то это назвать, я бы выбрал слово теогинез, это своего рода механизм естественного мира.

Лишь Элспет видела, как он пытался обойти вопрос о соотношении их мира с мириадами других миров, на которых он побывал. Каждый из них представлял свою, уникальную мистическую энергию, и для Аджани, магия каждого мира, была подобна его неповторимому отпечатку пальца.

- Ты хочешь сказать, что они... они не реальны? – запинаясь, проговорил Ланат. По-видимому, он был единственным из собравшихся, кто казался шокированным тем, о чем говорил Аджани.

- Конечно же, они реальны, - сказал Аджани. – С самого первого мгновения их возникновения, они были реальны. Пламя, это пламя, произошло ли оно от искры, либо же было выдохнуто драконом. Постигание не так важно, как сам акт сотворения.

- Но... - у Ланата, казалось, не осталось слов...

- Пиксатор, тебе слово, - перебил летописца Бримаз. Он не любил метафизические беседы даже в мирное время, и не собирался дискутировать об этом сейчас.

- Почему боги обвиняют людей? – спросил Пиксатор. – Почему они нападают на поселения смертных?

- Из-за разгула Ксенага? – предположила Элспет. – Вероятно, они считают, что смертные сделали собственный вклад в его вознесение.

- Пожалуй, - сказал Король Бримаз. – Полагаю, нам нужно задать этот вопрос кому-то из богов, чтобы узнать наверняка.

- Так мы объединяемся с людьми, или нет? – негодовала Сеза.

- Боги ведут свои армии рожденных в Никсе через Никтос, узловую точку между нашими мирами. – Сказал Бримаз. – Пиксатор поведет тех воинов, которые не желают помогать людям. Ты отправишься туда, перехватишь рожденных в Никсе, когда они придут, и убьешь их, прежде чем они нанесут больший ущерб нашему миру.

Пиксатор встал и поклонился королю. – Твое доверие в данном задании для меня большая честь, - сказал он.

- Тех же, кто готов помочь людям, я поведу в Нессийский Лес, где собираются люди для нападения на армию богов, - продолжал Бримаз. – Я приветствую всех, кто желает присоединиться ко мне, но уважаю любого, кто решит последовать за Пиксатором.

- Можно ли войти в Никс через Никтос? – спросила Элспет.

- Нет, лишь рожденные в Никсе могут использовать этот канал, - ответил Ланат. – И они не смогут вернуться тем же путем. Как только они попадают в мир смертных, они больше не могут вернуться в Никс.

- Неужели нет никакого способа попасть в Никс? – спросила Элспет.

Воцарилось молчание, глаза всех собравшихся были направлены на Элспет. Раньше, она бы неуютно заерзала от столь пристального внимания. Сегодня же, она вызывающе подняла подбородок. Они не могли ее остановить, даже если они не захотят помочь ей; она сама найдет способ добраться в обитель богов.

Наконец, Бримаз спросил, - Почему ты жаждешь попасть в Никс?

- Чтобы убить Ксенага, - ответила Элспет. Она не сказала вслух истинную причину, какофонией звенящей в ее мозгу: отомстить за смерть Дакса.

- Ты не сможешь убить бога, - сказал Ланат. – ни одному смертному это не дано.

- Это *ты* не сможешь убить бога, - ответила Элспет. – Потому что у тебя нет меча, выкованного богом.

Бримаз поднял руку в предостережении. – Ты не знаешь, на что способно твое оружие. Давай последуем иному пути к победе.

- Вы и так следуете уже двумя путями, - сказала Элспет. – Я выбираю этот.

Ланат выглядел озадаченным. – В водопаде, на краю мира растет дерево. Многие мифы описывают восхождение в Никс через храм Круфикса.

- Как это сделать? – спросила Элспет.

- Притчи туманны, - сказал Ланат. – В некоторых говорится о лестнице в Никс, что, должно быть, весьма метафорично. И даже если ты отыщешь путь, ты не сможешь пройти сквозь врата, не пройдя прежде испытания, и не получив благословения от бога.

- Полагаю, врата также метафоричны? – спросила Элспет.

- Никто не знает, - сказал Ланат. – Возможно, врата столь же реальны, как этот огонь. А, возможно, все это лишь туман и свет. Четкого руководства у меня нет.

- Мне все равно, - сказала Элспет. – Если вы не скажете мне, что существует способ убить Ксенага отсюда, я иду в Никс.

- Я не знаю такого способа, - сказал Ланат. – Возможно, мне удастся отыскать его, но это займет время.

- Времени нет, - гневно сказала Элспет.

- Она права, - сказал Аджани. – Гнев божий испепелит всю землю, если мы его не остановим.

- Как мне добраться до края мира? – спросила Элспет. – Просто сесть на корабль, и плыть к горизонту?

- Все не так просто, - сказал Ланат. – Путь не прямой. Его можно преодолеть на корабле, но тебе потребуется навигатор, знающий, куда плыть.

- Кто это может знать? – спросил Аджани.

- Притчи говорят о двух существах, знающим путь, - сказал Ланат. – Теофилия, наяда в служении Нилее, часто посещала Круфикса. Но она не станет тебе помогать. Она любит Нилею, которая теперь воюет со смертными.

- Мне кажется, я уже встречалась с Теофилией, - сказала Элспет. – Она пыталась убить меня в лесу.

- Что ж, вторая – и это странно, - задумчиво произнес Ланат. – Каллафа Мореплательница знает дорогу. Она мифическая личность, и ее не видели много веков. Но в последние месяцы появилось множество свидетельств о ее появлении. Каллафа знает край мира

лучше, кого-либо другого. У нее есть корабль, известный как *Муссон*, на котором она может плыть по самой кромке водопада.

- Где мне найти Каллафу? – спросила Элспет.

- Она живет неподалеку от Верфи Сирен, - сказал Ланат. – Притчи утверждают, что нужно бросить в воду раковину с образом кракена, чтобы привлечь ее внимание.

- Ты твердо решила следовать этому плану, Элспет? – спросил Бримаз. – Ты действительно хочешь войти в Никс и сразиться с сатиром, Ксенагом?

- Да, - сказала Элспет.

- Ты можешь отправиться с нами в Нессийский Лес, а оттуда по реке спуститься к морю, - предложил Бримаз. – Тирания богов достаточно затянулась, а сатир не заслуживает править и кучей грязи. Если я бы мог отыскать способ поставить его на колени, я бы с радостью оторвал ему голову собственными руками.

- Я иду с тобой, Элспет, - сказал Аджани.

- Я благодарна тебе за это, - уверила его Элспет. – Мне нужна твоя помощь.

Она понимала, что в этом деле самой ей было не справиться.

ГЛАВА 11

Король Бримаз вел своих воинов по Тропе Ореска, грунтовой дороге, служившей основным связующим путем между землями леонинов и Нессийским Лесом. Леонины передвигались довольно быстро, и у Элспет не оставалось времени задумываться о чем-либо, помимо скорости собственного шага по сырой почве тропы. Когда они выходили на возвышенность, Элспет видела Гору Велеру, гневно пылающую у горизонта. Залпы огня рваными интервалами взмывали в небеса. Пирфор все еще без разбора палил раскаленными сгустками магмы в Никс, а смертным доставалась вся тяжесть его ярости.

К полудню вторых суток, отряд достиг широкой долины между двумя горными грядами. Болотистая низина служила домом Реки Сперхи, которая душила все живое частыми паводками, оставляя после себя лишь неплодородную грязь и гравий. Острые скалы известняковых гор возвышались по ту сторону долины. Со временем, Тропа Ореска приводила к пролому меж двух таких гор. Это естественное образование было известно, как Кипарисовые Врата, и отмечало край Нессийского Леса. Горы здесь были густо поросшими деревьями, хотя и не считались частью территории леса. Путники не заходили на территорию Нилеи, пока не проходили за пределы Кипарисовых Врат.

Но сама долина простиралась на десять миль, и отряду пришлось переходить вброд бурные воды Реки Сперхи. Зоркие воины выследили в отдалении группу путников, у распутья в самом сердце долины. К тому времени, как леонины достигли развилки, солнце уже опустилось к горизонту. Подойдя ближе, они увидели, что большинство людей были уже мертвы, их трупы были разбросаны вдоль дороги.

На развилке был сооружен какой-то грубый алтарь, но сейчас он был уничтожен, а его камни были испещрены коническими выбоинами. Растерзанная плоть на трупах была частично съедена какими-то животными, а земля вокруг была покрыта отпечатками лап. Не нужен был оракул, чтобы увидеть звезды Никса в оставленных звериных следах. Рожденные в Никсе оставляли признаки своего присутствия в назидание всем смертным.

Одинокий силуэт стоял на коленях посреди дороги. На нем были порванные одежды священника Гелиода.

Бримаз рукой подозвал Аджани и Элспет к себе, пока остальные воины оставались вдали, сохраняя дистанцию. Элспет, натянув темный капюшон, дабы спрятать лицо, шла за спинами двух леонинов. Подойдя ближе, она узнала человека, стоящего на коленях посреди кровавой бойни. Его имя было Стелан, и он был одним из друзей Дакса при храме Гелиода в Мелетиде. Услышав их приближение, он медленно повернул голову, и все трое увидели, что его глаза были поражены каким-то мистическим образом. Он был слеп, а из глазниц вытекал туман, подобный струйкам черного дыма, сочащимся из щелей старой кузницы. Стелан обеими руками сжимал керамический кувшин, словно это было единственное, что могло спасти его жизнь.

- Кто здесь? – выкрикнул он.

- Мы такие же путешественники, как и ты, - ответил Бримаз. – Мы в ужасе от того, что здесь произошло. Кто это сделал?

- Гелиод отвернулся от нас, - сказал мужчина. – Бог Солнца бросил нас.

Аджани подошел и опустился на колени рядом с выжившим священником. – Я лекарь, - сказал он. – Позволь мне помочь тебе.

Мужчина замахал в воздухе окровавленными руками, словно отгоняя от себя Аджани. – Нет, оставьте меня. Такова моя судьба.

- Почему ты считаешь, что это твоя судьба? – спросил Аджани. Эго голос утешительно рокотал в груди.

- Гелиод объединились с Нилеей, - сказал Стелан. – Они намерены уничтожить любого, кто когда-то любил их. Я бы священником при храме Бога Солнца, и мы были вынуждены бежать, спасая жизни.

- В каком сейчас состоянии Мелетида? – спросил Бримаз.

Мужчина издал удушливый звук. – Эфара защитила полис от полного уничтожения, но она не намеревалась спасти служителей Гелиода. Для нее, это была хорошая возможность избавиться от заблудших детей разгневанного бога.

- Есть ли у тебя другие новости о пантеоне? – спросил Аджани. Стелан, словно распадался у них на глазах. Во рту у него пересохло, и ему все сложнее было формулировать слова.

- Могий и Ирой бьются в самых дальних уголках Никса, и со времен вознесения сатира, их видно не было, - прошептал Стелан. – О Фарике и Фенаксе ничего не известно.

- Могу ли я принести тебе воды, брат? - спросил Аджани. – Твой сосуд пуст?

Стелан прижал керамический кувшин к груди. Крылатый конь Гелиода был нарисован краской на его вытянутом горлышке, а вокруг основания были выведены слова его учения. ЧТО ЕСТЬ, ТО ЕСТЬ, И ВСЕГДА ИМ БУДЕТ.

- Нет, у меня ест все, что мне нужно, - сказал Стелан.

- Кто ослепил тебя? – спросил Аджани. – Гелиод?

- Когда он зачистил свой храм, он обвинил нас в содействии убийце, Элспет, и ее любовнику, сатиру, - сказал Стелан. Элспет закрыла рот ладонью, чтобы удержаться от возражений. – Он ослепил меня, когда мы убежали из ворот города. Когда мы приблизились к лесу, нас выследили слуги Нилеи. Поэтому мы повернули в сторону Ореска, надеясь, что сможем умолить леонинов о помощи. Но ее животные перехватили нас, и разорвали моих друзей, но оставили меня в живых.

- Почему, по-твоему, они не тронули тебя? – мягко спросил Аджани.

Стелан отвернулся, уставившись слепыми глазами в горизонт. – Вероятно, чтобы рассказать все это вам, кем бы вы ни были, - сказал он. – Они не остановятся, пока не отберут меч у Элспет, Изменницы.

- Прошу тебя, позволь нам тебе помочь, - сказал Аджани. – Ты мог бы отправиться в путь с нами. Мы ищем армию людей и кентавров, чтобы помочь им в их борьбе. Гелиод заблуждается. Возможно, есть способ все исправить.

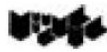
Стелан покачал головой. – Нет, я должен принять свою судьбу. Оставьте меня здесь. Дайте покончить с этим по-своему.

- Позволь нам, хотя бы, похоронить твоих погибших товарищей, - сказал Бримаз.

- Оставьте нас в назидание другим, - сказал Стелан. – Боги бросили нас.

Аджани встал, и Бримаз дал своим воинам сигнал обойти распустье и продолжать путь в сторону Врат. Даже после того, как они оставили слепого священника позади, Элспет все время оборачивалась в его сторону. Наконец, Стелан поднес свой кувшин к губам и выпил из него. Затем, он рухнул на землю и больше не шевелился.

- Паслен, - сказал Аджани Элспет, когда мрачная сцена растворилась в тумане за их спинами. Бримаз мрачно кивнул. – Эреб предложил ему его чашу смирения, и он не нашел другого пути, кроме как испить из нее. Люди льнут к судьбе, хотя должны, напротив, принимать неизвестное.

Воины Бримаза вошли в длинные тени Кипарисовых Врат. Солнце уже скрывалось за горными вершинами, и температура воздуха быстро снижалась. Первые проблески Никса начали проясняться на темнеющем небосводе, в котором все еще доминировало кольцо крошечной тьмы. Впервые со времени вознесения Ксенага, Элспет смогла разглядеть среди звезд тусклые силуэты животных. Они пребывали в постоянном движении, словно разбегаясь от черного кольца Ксенага. Божественных образов не было, и в большинстве своем, небеса были заполнены лишь массой астральных облаков и хаотичных точек света.

Кипарисовые Врата обрамляли проход в скалистой гряде гор. Самая высокая точка гряды была выше семи тысяч футов, но она была дальше, к северу. Сами Врата были по пятьсот футов в высоту.

В сгущающихся сумерках леонины шли молча. Уши Аджани то и дело подергивались, в попытках распознать любой звук, который мог бы выдать вражескую засаду. Они вошли в узкое горлышко между горами, где скалы по обе стороны осыпались, образуя провалы – сводчатые туннели, уходящие глубоко в недра гор. Отряд зашел уже далеко, когда мелкий щебень зашуршал по горному склону.

- Засада, - выкрикнул Бримаз.

В тот же миг, леонины образовали защитное кольцо. Ряд стоящих на колена бойцов, держал щиты стык-в-стык, за ними вторая шеренга леонинов выставила копья, готовясь отразить любое нападение. Аджани и Элспет стояли в центре формации. Их глаза впилась в возвышающиеся над ними скалы. Темные силуэты появились из мрака осыпавшейся пещеры у основания окружающих их гор. Они окружили леонинов, но не напали на них. Повисла напряженная тишина, и, казалось, все затаили дыхание.

- Звезд нет, - прошептала Элспет Аджани. – Они не рожденные в Никсе.

- Зачем вы идете в Нессийский Лес? – раздался женский голос сверху. Говорившая стояла на выступе в десяти футах над ними. Разглядеть ее черны в темноте было невозможно, но силуэт ее лука был четко виден на фоне звездного неба. Вспышка света на мгновение озарила небосвод, осветив лицо женщины. Но Элспет уже и без того узнала ее голос: Антуза.

- Я ее знаю, - сказала Элспет Бримазу. – Мне стоит обратиться к ней?

Пока Бримаз обдумывал эту мысль, Антуза заговорила вновь, - Отвечайте, или я вырежу вас всех.

Бримаз кивнул свое согласие Элспет, которая выкрикнула, - Антуза! Это Элспет. Мы хотим присоединиться к вам.

На мгновение воцарилось молчание, затем женщина исчезла с выступа. Темные силуэты не изменили своих грозных поз. Напротив, они плотнее сжали кольцо вокруг леонинов. Послышался звук спешных шагов, и со стороны горы к отряду подошел факельщик. Элспет заметила, как Антуза говорила с несколькими воинами Сетессы у самого входа в туннель. Наконец, она прошла в сторону настороженных леонинов.

- Покажите мне женщину, называющую себя Элспет, - потребовала Антуза.

Леонины отошли в стороны, и Элспет вышла к ней. Антуза взяла факел и осветила им прямо в лицо Элспет. Убедившись, что это действительно была ее подруга из Мелетиды, она подалась вперед и обняла Элспет. Ее солдаты опустили оружие, и леонины последовали их примеру.

- Я думала, ты погибла, - сказала Антуза. – Мы нашли Дакса... но никаких твоих следов. Я слышала, Никка приняла сторону рожденных в Никсе, но я уже не знаю, чему верить. Пойдем внутрь, поговорим подальше от глаз Никса.

Позже, когда воины Бримаза были накормлены и размещены на ночлег, Антуза провела Аджани, Бримаза, и Элспет вверх, сквозь гору, испещренную лабиринтом проходов и комнат, как естественного образования, так и высеченных магами. За века, армии охранявшие Врата, превратили их в естественную крепость. Но, несмотря на ее толстые скалы и глубокие пещеры, Элспет сомневалась, что она сможет выстоять натиск богов. Она уже рассказала Антузе свой план попасть в Никс и убить Ксенага, но Антуза ничего ей на это не ответила. Вместо этого, она отвела их к скалистой вершине Кипарисовых Врат.

Наконец, они остановились у лестницы под деревянным люком, вмонтированным в крышу над проходом. Антуза с усилием отперла дверь, и они все вылезли на открытый ночной воздух, на самой вершине горы. Колесо тьмы Ксенага клубилось над их головами, и пара видимых звезд, казались в его полной власти, как искры, слетевшие с точильного камня. Элспет подумала о теле Стелана, лежащего на распутье, где-то в крошечной тьме долины под ними. Если Эреб был повелителем Подземного Царства, то это, должно быть, было ужасное место, но, возможно, в нем тоже был тихий уголок. Если так, она молилась, чтобы Стелан отыскал его.

- Солдаты из Мелетиды, Акроса, и Сетессы нашли убежище здесь, - объяснила Антуза. – Мы накапливаем продовольствие. Мы сможем продержаться здесь долго, если понадобится. Нам лишь нужно удерживать эту горную гряду.

Антуза указала на горы по ту сторону долины. Они выглядели, подобно бескрайнему полю из звезд, мерцающих на земле. Элспет показалось, что Никс соскользнул с небес, подобно покрывалу, и накрыл собой часть мира смертных.

- Что это? – спросил Бримаз.

- Это сверкающая сущность армии Никса, - сказала Антуза. – Они готовят массовое наступление. Мы должны подавить их здесь, иначе боги победят в своей нелепой войне. Если они пересекут этот рубеж, Сетесса падет. Мелетида будет следующей.

- Если Эфара и Караметра примкнут к остальным богам... - начал Аджани.

- Тогда миру смертных настанет конец, как бы не завершилось сражение здесь, - мрачно сказала Антуза.

- Я предлагаю тебе своих воинов, - сказал Бримаз. – Мы заставим рожденных в Никсе вернуться в безмолвие небес.

- Я буду рада сражаться плечом-к-плечу с тобой, - сказала ему Антуза. – Но мои надежды с тобой, Элспет. Убийство сатира восстановит пантеон. Я верю, что, когда его не станет, Нилея придет в себя и остановит эту войну.

- Нам нужно добраться до Верфи Сирен, - сказал Аджани. – Какой кратчайший путь туда?

- Для Элспет слишком опасно в лес Нилеи, - сказала Антуза. – Мы дадим вам лодку, и течение Реки Сперхи к утру вынесет вас к морю.

ГЛАВА 12

Элспет и Аджани провели бессонную ночь, дрейфуя вниз по реке в грубой рыбацкой лодке, в которой едва хватало места для них двоих. Звездные глаза божественных шпионов пристально вглядывались из чернильной тьмы, и Элспет низко склоняла голову, закрыв капюшоном лицо. Их суденышко быстро несло по течению Стерхи, оставляя слева скалистые гряды известняковых гор. Парящие чайки кружили над местом, где коричневатые воды реки, втекали в искрящуюся голубую лагуну. Окаймленная белоснежными скалами, лагуна была живописнейшим местом, если бы не десятки кораблей, лежащих разбитыми под мерными ударами волн прибоа.

- Мы нашли Верфь Сирен, - сказал Аджани.

Элспет попыталась размять затекшую шею. – Похоже на то, - согласилась она.

Пока их судно дрейфовало в лагуну, Элспет насчитала не менее пятнадцати трирем, точащих из воды, или расколотых о камни. Устье лагуны представляло собой коварную комбинацию из сильного течения, и скрытых под волнами острых валунов. Громадные обсидиановые глыбы, извергнутые из жерла Горы Велеры, виднелись на отмелях, а по периметру гавань окружали отвесные скалы, словно болезненной сыпью покрыты пещерами, населенными целыми колониями сирен, считавшими это побережье своими исконными владениями. С таким выходом к Реке Сперхе, эта бухта могла бы быть идеальным торговым узлом. Но ни один капитан в здравом уме не решился бы направить свой корабль в эти воды. А те, кого заманивали людя сирены, были обречены никогда уже отсюда не выбраться.

Аджани и Элспет удалось причалить к узкому пляжу у подножья едва просматриваемой тропы, ведущей к вершине скал. С той секунды, как сапоги Элспет коснулись твердого берега, ее не покидало чувство, что за ней следят. Аджани также ощущал это, но он жестом указал Элспет опустить оружие, когда они взбирались вверх по крутому склону. Вопящая сирена вылетела из полости в скале, и вспорхнула на вершину расколотой мачты, откуда она могла наблюдать за восхождением незваных гостей. Ее тело было женским, но с крыльями цвета индиго, и покрытыми перьями ногами. Сирена оскалила свои острые зубы и злобно завопила в их сторону.

- Сирены собираются заманить нас на гибельный путь, - напомнила Элспет Аджани. – Мне сегодня умирать не хочется.

- Их сила распространяется лишь на владения Тассы – так, кораблю на волнах они грозят смертельной опасностью, - сказал Аджани. – Но, поскольку мы сами скоро отправимся в плавание, немного защиты нам не повредит.

Аджани не подал никаких внешних признаков того, что призывает заклинание. Но спустя лишь мгновение Элспет почувствовала, как его магия окатила ее, подобно теплему солнечному свету в холодный зимний день. Сирена на мачте, раздраженно вскрикнула. Сирены чувствовали проявления магии, хотя и не могли определить природу происхождения заклинания.

- Тебе это дается не сложнее щелчка пальцами, - с уважением произнесла Элспет. – Все бы мелкие заклинания призывались с такой легкостью. Это искусство приходит со статусом старейшины?

- Старейшины? – переспросил Аджани, притворно обидевшись. – Среди моего народа, я считаюсь в расцвете сил.

Еще несколько сирен присоединились к своей сестре на останках разбитых кораблей. Они расселись рядами на краях затопленных шлюпок, подобно стервятникам, нетерпеливо ожидавших наживы. Не обращая внимания на своих наблюдательниц, Элспет и Аджани вскарабкались на утес, словно нос корабля, торчащий над волнами океана.

- Полагаю, мы стоим на Скале Слез, - сказал Аджани.

- Что это за надписи? – спросила Элспет.

У самого края, в камне было выцарапано бесчисленное множество имен. Среди них, также встречались выдолбленные символы богов, некоторые из которых тускло светились на темном сером фоне утеса. Когда она опустилась на колени, чтобы разглядеть надписи получше, она с испугом заметила внизу, на узкой полосе берега под нависшей Скалой Слез, десятки силуэтов. На них были золотые маски, как тот кентавр, которого они с Даксом видели в Землях Отчаянья. Они бесцельно толпились на тесном пляже у самой воды, не обращая ни малейшего внимания, ни друг на друга, ни на пенные волны бурного прибоя.

- Из тех, кто здесь погиб, некоторые вернулись, - с грустью произнес Аджани, смотря вниз, на странное собрание среди прибрежных скал.

- Мы ничем не можем им помочь? – спросила Элспет.

- Они лишены человеческих потребностей, - сказал Аджани. – Мы не можем ни исцелить их, ни унять их боль. Им безразличны еда и комфорт.

- Кто они? – Матросы с этих кораблей?

- Многие, да. Но Скала Слез, это место, куда приходят люди с разбитыми сердцами, написать имена тех, кого они потеряли, - сказал Аджани. – Их скорбь настолько сильна, что она влечет сюда многих Возвращенных. Хоть они и утратили память, Возвращенные тянутся к тем местам, которые при их жизни обладали для них огромной важностью.

- Откуда ты все это знаешь? – спросила Элспет.

- Я был здесь прежде, - сказал Аджани. – Еще до того, как ты мне рассказала, где ты нашла свой меч, я был знаком с Теросом. Возвращенные трагичны. Сколько бы я ни пытался, мне так и не удалось найти способ помочь им.

Над грохотом обрушивающихся волн, послышались первые нотки песни сирен. Их пение было мучительно прекрасным, и, несмотря на заклинание Аджани, Элспет ощутила желание приблизиться к ним. Но Аджани положил руку ей на спину, и ее захлестнуло отрезвляющая волна здоровья духа. Неподвластные чарующей мелодии, они встали на самый край Скалы Плача, взглянув на беспокойное море, простиравшееся до горизонта.

- Нам нужно отыскать мореплательницу, - рассуждал вслух Аджани.

- У тебя случайно нет с собой ракушки? – спросила Элспет. – Ланат сказал, что нужно бросить в воду ракушку с образом кракена.

- Нет, ракушки у меня нет, - задумчиво пробормотал Аджани. Элспет осмотрела землю в надежде на какое-то очевидное решение. Может, какие-то особые ракушки были естественным образом окрашены на подобии кракена. Но так высоко над морем ракушек не было. Даже внизу, под Скалой Плача, на том пляже, где они пришвартовали лодку, всюду была лишь круглая галька, и никаких ракушек.

- Почему мы не можем просто отплыть в сторону горизонта, пока не упремся в край мира? – спросила Элспет.

- Мир не линеен, и Круфикс не любит незваных гостей, - загадочно произнес Аджани. Над водой, сирены яростно завопили, поняв, что их песня никак не повлияла на чужаков. Десятки крылатых дев взмыли в небо, кружа и визжа над их головами.

- Что случилось с твоим другом, Даксом? – неожиданно спросил Аджани. – С тем, кто был убит под Акросом?

- Ты спрашиваешь меня об этом *сейчас*? – ошарашенно сказала Элспет. – Мне кажется, не самое подходящее время.

- А мне кажется, вполне подходящее, - сказал Аджани.

- Почему? – негодовала Элспет. – Мне что, нужно нацарапать его имя на Скале Слез, как какая-нибудь убитая горем вдова?

- Люди по-разному выражают скорбь, - сказал Аджани, и ветер над утесом усилился. Волны с грохотом обрушивались о камни внизу, заглушая дикие крики сирен. – Я лишь хочу понять, что произошло.

- Я потеряла друга, - тихо сказала Элспет. Аджани склонил голову на бок, словно, не расслышав ее слова. Поэтому ей пришлось прокричать их снова. Затем она сказала тише, - И, если ты только не можешь унять боль этой утраты, я не хочу об этом говорить.

- Это твое право, - согласился он. Под ними, брызги волн оросили Возвращенных, и Элспет с презрением смотрела на их беспомощность. При жизни, они посещали Скалу Слез, то и дело, тратя свою короткую, оборванную жизнь на скорбь. Какая бессмысленная судьба.

- Так что, мы так и будем стоять здесь? – спросила Элспет. – Или мы все-таки отыщем дорогу в Никс?

Сирены парили прерывистыми кругами, время от времени пикируя вниз, останавливаясь у самих бурных волн. Раздраженная молчанием Аджани, Элспет принялась повторять свой вопрос. Но когда, она взглянула на него, то поняла, что ее друг был всецело сконцентрирован. До нее вдруг дошло, что он уже некоторое время призывал заклинание, возможно, с той минуты, как они ступили на Скалу Слез. Его спина была выгнута от усилий над тем, что он пытался сделать.

Потустороннее свечение зажглось под волнами. Затем, крупный темный объект начал всплывать из-под серо-зеленой воды, приближаясь к поверхности. Когда он впервые показался из воды, он был окружен мерцающим золотистым туманом, и Элспет не смогла разобрать, что это было. Но когда туман рассеялся, перед ее глазами стоял корабль. Он выглядел более древним и хищным, чем те гладкие шхуны, которые она наблюдала в гавани Мелетиды. Это была простая галера с носом, похожим на клюв и единственным рядом весел, по оба борта. Весла были узкими и ярко белыми на фоне темного дерева корпуса корабля. На нем была единственная мачта с темно-зеленым парусом, не поврежденным за время пребывания под водой. Парус был туго натянут на белый каркас, и белесые веревки тянулись сквозь мембранную ткань.

К тому времени, как корабль всплыл полностью, сирены уже разлетелись по своим пещерам, напуганные могуществом способностей Аджани, и таинственным появлением корабля.

- Что это? – спросила Элспет, не веря своим глазам.

- Я увидел его под волнами, - сказал Аджани. – Разве ты не...

Женский голос раздался за их спинами, и они вздрогнули от неожиданности, - Как вам удалось поднять мой корабль?

Они развернулись, увидев перед собой ухмыляющуюся женщину расы тритонов. У нее были голубые плавники и волосы, похожие на гребень, одной ногой она стояла на камне, словно уверенный в себе покоритель мира.

- Это *Муссон*? – спросила Элспет. – Ты поднял корабль Каллафы...

- В прямом смысле, со дна моря, - закончил за нее Аджани. – Оказывается, он не уплывал в Никс.

- Во всяком случае, не так, как это описывается в легендах, - сказала Каллафа. – Что ж, мы в довольно затруднительном положении. Что дальше, леонин?

Элспет слышала нотки угрозы, закраившиеся в голос тритонши. Ей явно не нравилось, когда люди без спроса играли с ее собственностью. Элспет хотела было что-то сказать, но решила пока

подождать. Заклинание, уязвившее мореплательницу, было призвано Аджани, и Каллафа адресовала свой вопрос ему. Аджани не торопился с ответом.

- Ты заметила пустоту в ночном небе? – спросил он.

- В смысле, ров забвения? – ответила Каллафа. – Его сложно не заметить.

- На чьей ты стороне в войне богов и смертных? – спросил Аджани.

- Это не *моя* война, - ответила Каллафа. – У меня нет ни туманностей Никса на плавниках, ни звезд в брюхе.

- Мою спутницу ошибочно обвинили в нынешнем состоянии мира, - сказал Аджани. – Она должна все исправить.

Каллафа с любопытством осмотрела Элспет. – У тебя миленькое копышко.

Элспет настороженно положила руку на рукоятку оружия, и Каллафа ухмыльнулась. – Мне не нужно твое несчастное оружие, но я знаю, каково это – быть обвиненной *во всем*. Так, чего вам надо от меня и моего корабля?

- Сможешь отвезти нас к краю мира? – сказала Элспет. – Мне нужно попасть в Никс.

- Странно, я прямо знала, что ты это скажешь, - сказала Каллафа. – Что ж, тебе везет. Я как раз сама собиралась в ту сторону. Ветер попутный, не будем терять времени.

- Вот так просто? – спросил Аджани.

- Я добрая, - сказала Каллафа. – Ни больше, ни меньше.

- Чего ты хочешь взамен? – спросил Аджани. – Мы не спустимся на воду, пока не услышим твоих требований.

- Ой, котик мне не доверяет, - надула губки Каллафа. – Что ж, как насчет такого? Когда я высажу вас у Древа Круфикса, вы свалите с моего корабля, и больше никогда не коснетесь его своими лапами?

- Справедливо, - сказал Аджани. Элспет достаточно хорошо знала своего друга, чтобы слышать напряжение в его голосе, и понять, что он чего-то недоговаривает.

- Тогда, поплыли, - сказала Каллафа. Она подбежала к краю Скалы Слез и грациозно нырнула в могучие волны. На мгновение, им показалось, что тритонша исчезла, но затем из океана поднялся трап из сплетенных кораллов, соединивший Скалу Слез и *Муссон*. Каллафа выпрыгнула из воды, как дельфин, провернулась в воздухе, и изящно приземлилась на палубе корабля.

- Заходите на борт, - позвала она. – Это совершенно безопасно.

- Смотри в оба, - прошептал Аджани Элспет, пока они проходили по коралловому трапу на корабль.

Элспет взглянула на друга. – Почему?

- Какому тритону нужен корабль? – спросил он.

Элспет открыла рот от изумления, и Аджани поддержал ее за локоть. Они ступили на, покачивающийся на волнах корабль, и Каллафа заняла свое место за веслами.

- Ветер попутный, - повторила она, когда Аджани и Элспет уселись на темные пористые доски, соединявшие борта судна. – Мы доберемся до края мира до темна.

- Надеюсь, до того, как нас обнаружат боги, - сказала Элспет.

Каллафа развернула кораблю на запад, расправила парус, и *Муссон* понесся вперед, словно хищник в погоне за жертвой.

ГЛАВА 13

Муссон летел к горизонту с неестественной скоростью, и вскоре Верфь Сирен растаяла за их спинами. Казалось, к носу корабля был привязан невидимый трос, и незримые руки тащили корабль к конечному пункту назначения. Дул сильный встречный ветер, который никак не влиял на их скорость, и они продолжали нестись навстречу штормовым волнам. Поначалу, Элспет думала, что Каллафа направляет корабль магией, заставляя его скользить поверх волн, но вскоре, тритонша оставила свой пост у мачты. Она метнулась вверх, на узкий планшир и пробежала по нему с такой же легкостью, как если бы она шла по линии, начерченной на песке. Порывы ветра трепали парус корабля, но они ни чуть не пугали ловкую тритоншу.

Аджани многозначительно взглянул на Элспет, и обратился к Каллафе. – Ты и впрямь хозяйка этого корабля, - сказал он.

- И не забывай об этом, - отозвалась Каллафа. Она спрыгнула вниз и подошла к Аджани и Элспет. – Так, как тебя зовут, леонин? – спросила она. – И какого это, для *кота*, быть в открытом море?

- Я никогда прежде так не ценил деревянные доски, - сказал Аджани. – Я Аджани, а это Элспет.

- Элспет, причина всех проблем с богами, - сказала Каллафа. – Правда ли то, что о тебе говорят?

Элспет нахмурилась. – Думаю, это зависит от того, с кем ты общалась.

- Люди используют мое имя во всевозможных байках, - жаловалась Каллафа. – Вы когда-нибудь слышали о том, как я прокралась в Гору Велеру и похитила слезы Пирфора? Ха! Или спряталась за спиной Фенакса и целый год записывала его тайны? Во имя Коси, за кого они меня принимают?

Уши Аджани подернулись. – Коси?

Что-то на горизонте привлекло внимание Каллафы. Для Элспет это походило лишь на небольшое облако пара вдали. Но Каллафа была похожа на тигра, истекавшего слюной при виде жертвы.

- Уух, - сказала она. – Мы приплыли.

- Приплыли куда? – спросила Элспет, вглядываясь в странное белое облако, парящее над ничем в остальном не приметными волнами. Ей не придется долго ждать. При невероятной скорости их судна, они достигнут это облако в считанные мгновения.

- Здесь у нас развилка, - сказала Каллафа. – Я бы на вашем месте за что-нибудь бы держалась.

- Держалась бы? – переспросил Аджани. – Волны низкие, на небе ни облака...

- Аджани! – перебила его Элспет. – Это водоворот!

Совсем скоро картина перед ними прояснилась, это было вовсе не облако. Это бы гейзер из брызг, вырывающийся в воздух из водоворота, кружащего на морской глади. Каллафа прижалась к борту, обвила ногами доску скамьи, и ухватилась руками за край корабля. Элспет и Аджани спешно последовали ее примеру, как только они достигли водоворота. Корабль пронесся по его краю, затем подпрыгнул, словно камень, брошенный по поверхности пруда. Его нос развернулся к центру водоворота, и корабль ринулся вниз. Элспет потеряла хватку и рухнула на колени. Она соскользнула вперед, врезалась в мачту, и отчаянно вцепилась в нее, пока Каллафа

улюлюкала от наслаждения. Последовало еще одно резкое падение, и Элспет снова рухнула вперед, когда корабль, наконец, выровнял свое движение по горизонтали. Элспет поднялась на локтях. Доски, корпуса, которые мгновение назад были нормальными, теперь были покрыты грубой кожей янтарного цвета. Элспет чувствовала себя дезориентированной от калейдоскопических пятен света, проходящего сквозь толщи воды. Она взглянула вверх, ожидая увидеть, что корабль наполовину затоплен водой, залившей через края. Но на самом деле они теперь мчались по прозрачному туннелю под поверхностью воды. Струи рассеянного солнечного света пятнами окрашивал корабль, который выглядел совершенно сухим.

- Вы же не думали, что боги позволили бы так *просто* отыскать край мира? – сказала Каллафа. Ее голос обрел благоговейный оттенок, и она глазами пожирала окружающий их океан. Морская вода рябила вокруг, удерживаемая некой мистической силой.

- Что случилось с кораблем? – спросила Элспет. Она имела в виду текстуру корпуса, но Каллафа проигнорировала ее вопрос. Тритонша с восхищением глазела в темнеющие глубины океана под ними. Неясные силуэты громаднейших морских чудовищ проплывали за самими краями их подводного туннеля.

- Океан Тассы пульсирует непостижимой жизнью, - сказала Каллафа. – Я никогда не видела подобных существ – их размер, древность – я склоняю перед ними голову.

Каллафа любовно провела рукой по планширу, превратившемся в костяной край, покрытый чешуей. Общая форма корабля осталась прежней, но доски теперь были сращены вместе и покрыты кожей без единого шва. Изогнутые планки стенок корпуса судна стали белыми, как кости, и походили на ребра. Шокированная неожиданным осознанием, Элспет схватила Аджани за руку и указала на обнаруженные изменения. Тот понимающе кивнул. Это был не простой корабль; это было живое существо. Элспет всем телом ощущала биение его сердца.

У левого борта, огромное змеевидное чудище неожиданно поднялось, нападая на другое существо, похожее на акулу. Змей обвился кольцами вокруг жертвы, словно питон, пока акула впивалась зубами в тело хищника, пытаясь разорвать его. Оба чудовища по спирали устремились во тьму глубин, окутанные кровавым туманом. Справа пронесся косяк золотых рыб, и Элспет замороженно глядела на плавную координацию их движений, словно у их тысячи тел был один, единый разум.

- Каллафа, что это впереди? – тревожно спросил Аджани.

Темная стена возвышалась у выхода из их водяного туннеля, твердая, и непроницаемая на вид. Если они врежутся в нее на этой скорости, то столкновение уничтожит и их самих, и корабль. Тритонша грациозно вскочила на нос живого судна.

- Наконец-то, - прошептала она.

Нос корабля резко задрался вверх, и скорость судна увеличилась еще больше. Они взмыли вверх, сквозь поверхность океана, подобно стреле выпущенной из тугого лука. Очутившись на открытом воздухе, корабль вновь вернулся в свое обычное состояние, но мироходцы не заметили этого, отвлеченные, открывшимся неожиданным видом на горизонте. Вместо бескрайних океанских просторов, корабль причалил к узкой полоске темной земли на краю огромного разрушенного города. Перед их глазами, куда хватало глаз, простирались осыпающиеся остовы строений с искусными, дорогими фасадами и лабиринты мощеных улиц. Горизонт горда был нереальным, и руины вздымались полукругом, словно вся это архитектура была сооружена на выпуклой поверхности, которую невозможно было изменить или выровнять силой зодчих.

- Это не храм Круфикса? – спросила Элспет. Нигде не было видно ни Деревя, ни водопада.

- Нет, это нечто совершенно другое, - сказал Аджани.

- Добро пожаловать в Ариксмет! – Радостно вскричала Каллафа, спрыгнув с корабля на сухой берег. – Затонувшие руины! Наконец-то я нашла его.

- Его? – озадаченно спросила Элспет, собравшись выбраться из корабля, но Аджани жестом предостерег ее оставаться на месте.

- Взгляни на землю, - предупредил ее Аджани. Под ногами Каллафы, черная почва была мягкой и пластичной, прогибаясь слегка под ее весом.

- Ты ведь никакая не Каллафа, верно? – спросил Аджани тритоншу.

В море позади них, вдруг поднялись волны. Из глубин послышался нарастающий рев.

- И близко не она, - задорно ответила тритонша.

- Кто же ты? – спросил Аджани.

- Можете называть меня Киора, - сказала она. – Мне нужен был *Муссон*, чтобы отыскать Ариксмет. Без вас бы я его не нашла. Удачи на пути в Никс.

- Но где же край мира? – спросила Элспет.

- Спросите у корабля, - нетерпеливо ответила Киора. Узоры голубовато-зеленого цвета заиграли на ее коже, ее руки удлиннились и отрастили зубы рыбы-пилы. Она прыгнула высоко вверх, провернулась в воздухе, и изящной ласточкой нырнула в воду, в тот миг, как Око Тассы всплыло из-под воды. Тасса приняла форму гигантского глаза, состоявшего скорее из пара, чем из материи. Элспет почувствовала, что, хоть зрачок ока был направлен на пенистые круги в том месте, где исчезла Киора, Тасса наблюдала и за ней, тоже. Когда Богиня Моря метнула свой взор в сторону *Муссона*, Элспет и Аджани отреагировали одновременно. Аджани мгновенно увеличил силу Элспет, а Элспет окружила их прочной и тяжелой аурой, подобной метафизическому щиту из света.

Шквал острых прозрачный осколков взмыл из морских волн и обрушился на них. Струи воды хлестали воздух вокруг них, как потусторонний тайфун. Ветер грозил сбить Элспет с ног. Но с помощью Аджани ей удавалось сохранять концентрацию на своем заклинании. Водный натиск с всплеском вернулся в воды океана, не причинив ни малейшего вреда. На мгновение, воцарилась неожиданная тишина. Затем, над волнами послышался женский шепот. Огромный глаз моргнул, воздух вокруг него сжался, и в следующее мгновение, на корме корабля перед мироходцами стояла Тасса.

Она приняла форму тритонши, ростом не выше Элспет. Кроваво-красные плавники окаймляли ее лоб, а по плечам и спине кольцами спускались щупальца. Никс ярко сверкал в ее глазах и в тенях ее тела. Даже ее двузубец светился божественной пылью. Но без этих звездных отметин, ее легко можно было спутать с существом из мира смертных. Тасса не спеша осмотрела пару перед собой.

- Почему вы, смертные, так стремитесь божественности? – грозно спросила Тасса. – Вы никогда не сможете стать подобны нам.

- Мы не стремимся к божественности, - сказал Аджани.

- Почему ты сопровождаешь Изменницу Элспет? – спросила его Тасса. – Или ты и сам предатель?

- Элспет не предавала, - сказал Аджани. – Ни богов, ни смертных.

- Гелиод так не считает, - сказала Тасса. – Вместе с Нилеей они намерены поставить смертных на колени.

- И все же, ты здесь, в своих владениях, а не с ними, - указал Аджани.

- Я провела большую часть Безмолвия, прячась в глубинах моего океана, - сказала Тасса. – Не меня нужно было наказывать Круфиксу. В итоге жалкий сатиришка подорвал сами основы Никса.

- Я остановлю его, - сказала Элспет.

Тасса осмотрела горизонт. Ей были безразличны обещания Элспет. – Эта воровка тритонша бес конца выискивала *Муссон*. Она притворялась Каллафой. Она даже притворялась мной. Она собирается похитить Ариксмет.

- Как можно похитить город? – спросила Элспет.

- Дело не в самом городе, не так ли? – сказал Аджани. – А в том. На чем город построен.

- Я только что почувствовала, как она коснулась дна, - сказала Тасса. – И она всплывает, она накапливает силу моих течений. Я должна остановить ее, прежде чем она ограбит мои владения. У меня мало времени, но вот что я вам скажу: Я не думаю, что ты виновна, Элспет. Гелиод высокомерен, и собирается стать во главе пантеона. Поэтому он так уязвлен Богом-Сатиром. Он считает, что узурпатор занял его собственный трон.

Тасса коснулась мачты, и корабль зашевелился под их ногами. Снова, доски стали похожи на кожу, изогнутые балки на кости, а на носовом торце открылись черные, узкие глаза.

- Лишь твое оружие способно уничтожить Ксенага и восстановить естественное мироздание, - сказала Тасса. – Я уберу препятствия на оставшемся отрезке вашего путешествия в Никс.

- Я все исправлю, - пообещала Элспет.

- Найти путь в Никс, это лишь начало, - сказала Тасса. – Когда вы войдете, вы обнаружите святилище богов. Ты должна будешь выбрать одного из нас и испросить об испытании. Если ты пройдешь испытание, бог откроет врата в Никс и исполнит одну просьбу в пределах его владений.

- Могу ли я просить помощи в убийстве Ксенага? – спросила Элспет.

- Бог не может убить другого бога, но я могу облегчить тебе задачу, - сказала Тасса. – Выбери мой алтарь, и твое испытание будет легкое, как летний ветерок. Попроси меня, возвести эфирный мост, по которому ты сможешь перейти пустоту к сатиру.

- Что это за пустота? – спросил Аджани.

- Это пропасть несуществования, окружающая его, - сказала Тасса. – Вы видели ее в ночном небе. Без моей помощи, боюсь, вы не сможете подойти достаточно близко, чтобы убить его.

Киора выплыла из волн за спиной Тассы. Она восседала на спине колоссального морского змея со спиралевидным рогом. Змей раскачивался, как черная кобра, но истинные его размеры были скрыты под волнами. Вода вспенивалась, являя массы кишачих щупалец, восставших из глубин. Киора подняла чудовищ со дна океана Тассы, и чернильные глаза, никогда прежде не видевшие солнечного света, теперь взирали на внешний мир. Ее легион включал существ из этого мира, но также и других, рожденных в иных океанах под бескрайними небесами.

- Она крадет моих детей, - сказала Тасса. Ее бездонные глаза вспыхнули яростью.

Чудовище, похожее на кальмара, но размером, больше кита, вырвалось из волн у самого корабля. Круги высоких волн разошлись во все стороны, и *Муссон* налетел на берег. Черная, кожа существа была покрыта моллюсками-прилипалами. Ряды желтых глаз моргали из трубчатых граней его щупалец, по одной появившихся из волн. У него была разинутая пасть с зубами, размером с булыжники, а шишковатая поверхность его раздвоенного языка также была покрыта рядами глазных яблок. Чудовище было достаточно огромным, чтобы проглотить их корабль за один укус.

- Это не мое дитя, - сказала Тасса.

Элспет почувствовала, как корабль дернулся и заворочался под их ногами, и руины Ариксмета начали погружаться под воду. Город исчез морской пучине, оставив после себя чистую гладь океана. Не удивительно, что Каллафе не удавалось его найти. Но нигде по близости не было никаких намеков на водопад, или Древо Круфикса. Словно прочитав мысли Элспет, Тасса указала на горизонт.

- Мои воды перенесут вас к Круфиксу, - сказала Богиня.
- Благодарю тебя, - ответила Элспет.
- Выбери мой алтарь, - снова предупредила ее Тасса. – Или же твое путешествие будет напрасным.

Тасса шепотом приказала волнам достичь Никса. В ответ, вода взмыла к небесам. Кошмарная волна вознесла *Муссон* на сотни футов ввысь. С ее вершины, Элспет и Аджани увидели, как Тасса вновь обернулась Великим Оком, метнувшим свой враждебный взор на врага богини, Киору. За мгновение до того, как их судно устремилось вниз по ту сторону волны, титанический кракен вырвался на поверхность вдали, отвечая на призыв к бою. *Он* и был тем, кого называли Ариксметом, несшим на своем теле руины затерянного города.

- Ариксмет никогда не будет твоим! – Грозил Тасса Киоре, смеющейся над Богиней Моря. Последнее, что увидела Элспет, была схватка двух тритонш, окруженных легионом древних морских чудовищ и бурными, пенными волнами.

К тому времени, как гигантская волна вновь погрузилась в океан, корабль разогнался настолько, что окружающий пейзаж превратился в размытые световые полосы. Когда они, наконец, замедлились до скорости ветра, Элспет и Аджани были одни посреди зеркальной синевы океана. Вдоль всей линии горизонта простирался водопад. Вода у края мира была подобна безмятежному пруду, словно, наслаждаясь последними мгновениями своего существования, прежде чем обрушиться за край бурным потоком, увенчанным белой пеной.

Их взору предстало Древо Круфикса. Два громадных ствола были разделены у основания, но аркой склонялись друг к другу, соединяясь в вершине в единую зеленую крону. Звезды мерцали за водопадом, но пространство вокруг них было молочно-фиолетовым с примесью темно-синих туманностей, вместо кромешной черноты Никса. Морская вода, хлещущая через край, исчезала в звездной бездне.

Они достигли края мира.

Муссон остановился, словно он по своей воле ступал по воде. Ритм его сердцебиения сотрясал его корпус в безмятежной воде. Затем, вокруг них раздался мелодичный звук. Он напоминал, как песнь кита, так и вой волка. Он был как печальным, так и хищным, и от этого звука, по спине Элспет пробежали мурашки. Но ни она, ни Аджани не произносили ни слова, из страха потревожить свое судно, или прервать завораживающий зов. Их корабль приподнялся из воды, подобно сидящему льву. На его бокал появились выступы, похожие на плавники, а на носу вырос мембранный гребень. Туманные облака очерчивали полупрозрачные плечи и могучие ноги этого земноводного чуда.

- Он просил Круфикса позволить ему вернуться домой, - тихо произнес Аджани.

- Домой в Никс? – предположила Элспет, и Аджани кивнул.

Небо цвета индиго за деревом начало мерцать, подобно миражу в пустыне. Корабль прыгнул вперед, скользя по поверхности стоячей воды. Когда он подпрыгнул к дереву, на горизонте материализовался колоссальный силуэт Круфикса. Бог Горизонтов затмил собой небо, словно темная туманность, столь же невыразительный, как тень. Судно прыгнуло сквозь щель между священными стволами, и Бог Горизонтов раскрылся, подобно окну в Никс, обитель богов. За пределами Круфикса, простиралась бескрайняя глубина из бесконечных завихрений и мерцаний вселенной.

Когда их судно метнулось за край водопада, Элспет взглянула вниз. Под ними зияла наполненная звездами пустота, и инстинктивно Элспет ощутила, как она вытекает в безграничность Сплошной Бесконечности. *Муссон* ринулся вперед, и Аджани оборонительно обнял Элспет за плечи, настороженно наблюдая за тем, как они погружались в силуэт Круфикса. В отличие от боли перехода меж мирами, данный переход был подобен сплаву по тихой реке.

Элспет чувствовала дезориентацию в темноте, но она чувствовала верные руки Аджани, и вскоре она уже стояла на твердой почве, хоть ее глаза мало что могли различить во мраке. Она была очарована сверкающими полосами, окружавшими ее, когда *Муссон* полностью превратился в небесное творение Никса. Со вспышкой фиолетового света, он спрыгнул вниз, в калейдоскоп созвездий и исчез из вида. Когда свет растаял, их окружала лишь тьма.

- Круфикс и есть портал в Никс, - сказал Аджани. – Идем вперед.

- Я ничего не вижу! – Элспет не желала передвигаться в кромешной тьме. Она не знала, был ли никс плоской поверхностью, полем из острых осколков, или же нематериальным туманом, парящим над водой.

- Доверься мне, - сказал Аджани, беря ее за руку.

Элспет сделала крошечный шаг вперед. С каждым следующим шагом, казалось, кто-то снимал пелену с ее глаз. Свет становился все более различимым, пока они не очутились в открытом святилище, выстроенном на широкой платформе из сверкающего черного мрамора. Грандиозные кристалльные колонны уходили ввысь, исчезая в ярких красках ионических облаков. Во всех направлениях были видны сверкающие звезды и клубящиеся туманности. Святилище было разделено на отчетливые ниши, обрамленные черными колоннами. Пять ниш находились непосредственно перед Элспет, остальные - чуть поодаль. Но сколько всего было ниш, и как далеко простиралось святилище, увидеть было невозможно.

- Я видел святилище в Никтосе, в мире смертных, - сказал Аджани. – Оно во многом подобно этому, лишь более разрушено временем.

Элспет изучила пять ближайших ниш. Все они были практически одинаковыми. В каждой нише стоял тяжелый алтарь с сияющим киликом. Небесный мастер вырезал различные символы в черном мраморе алтарей. Элспет увидела крылатого коня, символ Гелиода, в центральной нише. Килик Гелиода был освещен янтарным светом – конечной точкой световой колонны из мира смертных.

- Вот алтарь Тассы, - позвал Аджани. Ее килик был небесно-голубым, и вода в нем рябила океанскими волнами, несмотря на неподвижность в воздухе вокруг них. Из символического двузубца исходило синее свечение.

- Смотри, - сказала Элспет. Она прошла к крайней нише справа и опустилась на колени, чтобы поближе рассмотреть силуэт кнута, высеченный в мраморе. В алтаре Эреба килик был переполнен почерневшей кровью. В отличие от других ниш, здесь у одной из колонн находилась расплавленная бронзовая статуэтка. Она узнала в ней облик Ксенага, но мистический огонь оплавил его, изуродовав черты сатира почти до неузнаваемости.

- Сатир пытается занять свое место в пантеоне, - сказал Аджани, рассматривая оплавленную бронзовую статуэтку. – Все складывается не совсем так, как он того желал.

- Здесь есть ниша для каждого бога? – спросила Элспет.

- Для каждого настоящего бога, - сказал Аджани. – Нам нужно торопиться. Мы еще не в Никсе. Если Гелиод или Нилея обнаружат тебя здесь, то убьют прежде, чем ты сможешь сразиться с Ксенагом.

- Смогут ли боги убить смертных в Никсе? – спросила Элспет. – Боги не могут убить друг друга.

- Предположим, что смогут, - сказал Аджани.

- Мне нужно выбрать алтарь и испросить испытание? – сказала Элспет. – И этот бог должен исполнить мою просьбу, если я пройду испытание?

- Да, ниша Тассы вон там, - напомнил ей Аджани. На горизонте вокруг них начали появляться смутные силуэты – черные тени на фоне темного Никса. Желтые глаза моргнули и исчезли. Аджани почувствовал накапливающуюся магию, но Элспет вела себя так, словно не знала

о нарастающей опасности. Вдали красная вспышка озарила темноту, словно кто-то зажег свечу. Аджани понял, что их обнаружили, но кто именно, он пока не знал.

- Элспет, выбирай, - сказал Аджани. – Когда начнется испытание, возможно, ты физически перенесешься отсюда. Но если твое тело останется здесь, я буду защищать тебя, пока ты не завершишь свое задание. Но мы должны действовать сейчас!

Он взял ее за руку и потащил в сторону алтаря Тассы, но Элспет упиралась. Она вырвала руку из ладони Аджани и кинулась к алтарю Эреба. Аджани бросился к ней, пытаясь втащить ее на ноги, прежде чем она успеет заговорить. Но не успел.

- Эреб, я прошу твоего испытания! – Прокричала она.

Бог Мертвых удовлетворил ее просьбу.

ГЛАВА 14

Эреб вырвал Элспет из святилища у входа в Никс. Ее тело осталось, но ее сознание было унесено прочь. Элспет очутилась, словно, во сне. Она стояла у окна каменного дома с соломенной крышей. Снаружи виднелись зеленые холмы с вишневыми деревьями. Неподалеку, Дворец Ангелов парил в летнем небе, окруженный залитыми солнцем облаками. Еще до того, как она увидела Дворец, она уже знала, что она снова была в Банте. Но это было не видение мира, уничтоженного Слиянием осколков Алары. Вместо этого, ее разум нарисовал восстановленный мир, каким он мог бы быть в ближайшем будущем.

Широкоплечий мужчина выходил из дома на работу в поле. Она все еще чувствовала его поцелуй на щеке. Это был ее муж, но он повернул спиной к ней, выходя в дверь, и она не увидела его лица. За окном, юноша – ее сын – ухаживал за лошадью в загоне, рядом с конюшней. Он улыбнулся и помахал ей, заметив, что она смотрит на него через открытое окно. Она почувствовала подергивание своего платья, и, взглянув вниз, увидела девочку с каштановыми волосами, заглядывающую ей в глаза.

- Да, Мина? – произнесла Элспет. Это была ее дочь, чей седьмой день рождения миновал всего пару дней тому.

- Ты научишь меня другим фигурам сегодня? – просила девочка. В одной руке она сжимала тупой деревянный меч, который, как помнила Элспет, она сама смастерила для дочери. Испытание Эреба было серией приятных воспоминаний, которые не были реальны, но о которых бы мечтала Элспет.

Запах свежего хлеба смешивался со сладким ароматом белых цветов в глиняной вазе, на деревянном столе. Свежий ветерок ворвался сквозь открытое окно. Ее сына уже не было видно, но она совершенно четко просматривала окрестные земли. Она видела прожилки на листьях дуба по ту сторону поля. Это была граница их фермы. Никто не мог прийти на ее землю без ее приглашения. Никто не мог навредить ей. Никаких бурь никогда не возникнет на горизонте. Это бы ее дом, и ее окружали любящие ее люди.

Девочка счастливо улыбнулась своей матери и положила свой игрушечный меч на стол. Смотря в зеленые глаза своей дочери, Элспет чувствовала, как от нее ускользают истинные воспоминания. Дакс, Аджани, Никка – они растворялись во тьме, и в считанные мгновения она забудет обо всех них. И она не была уверена, волновало ли ее это. Здесь было все, чего она когда-либо желала. Ив се, что ей нужно было сделать, это отпустить свою боль от истинных воспоминаний.

Девочка начала напевать сбивчивую песенку. Совершенно очевидно было, что она придумывала ее на ходу. «За рекой... ой, да по реке». Напевая, она вынула из вазы белые цветы и разложила их ровным рядом на столе. Пока Элспет силилась вспомнить название цветов, ее дочь начала наливать чистую воду из вазы в золотую чашу на столе. Золото было совершенно неуместным в грубой, деревенской обстановке, и Элспет почувствовала замешательство от того, что не замечала этого раньше. Нет, это не она не замечала чашу. Ее просто не было здесь прежде.

Ее дочь наливала жидкость, пока не наполнила золотую чашу до краев. У нее не было запаха, но Элспет знала, что это была не вода. Как только она выпьет ее, она перестанет бороться. Как только отойдет, она, наконец, сможет отдохнуть. Асфодель. Элспет вспомнила название цветка, но от этого ее тело пронзила боль. Воспоминания прежней жизни было подобно

вскрытию старой раны. Если она останется здесь, такие эмоции, как скорбь и отчаяние станут подобными незнакомцам, которых она когда-то встречала в прошлом.

Девочка выжидающе смотрела ей в глаза. Каждое мгновение ее жизни с этим ребенком пронеслось в ее мыслях. От ее рождения до веселых открытий грудных лет, и даже недавние дни, когда они вместе играли на улице летними вечерами.

- Тебе нужно попить, мама, - серьезным голосом произнесла девочка. – Это все, что тебе нужно сделать.

Это было видение ее дома, безопасности, и комфорта. Она так устала от горя, от разрушения, и бесконечной череды катастроф. Перед ней была чаша смирения Эреба. Почему именно она должна сражаться с Ксенагом? Или с Фирексийцами? Или с любым другим безжалостным злом, обрушившимся на Мультивселенную? Разве она недостойна мира? Она выглянула в окно, на человека, который мог бы быть ее мужем. Кем бы он ни был, он не был Даксом. Боль пронзила ее, как только она напомнила себе, что все это было нереальным. Она не рожала ни одного из этих чудных детей. Здесь она не обретет покой.

- Пожалуйста, мама? – просила девочка.

Элспет вырвала золотую чашу из ее рук и швырнула о стену. От столкновения, золото разлетелось на тысячу бесполезных осколков. Как и все в этом видении, чаша Эреба была лишь горьким обманом. Слезы хлынули по щекам девочки, и Элспет почувствовала сожаление так же отчетливо, как если бы она бросала собственную дочь.

- Почему? – жалобно спросила девочка. – Почему ты так сделала?

- Потому что никто никогда не обещал мне жизни без страданий, - сказала Элспет.

И с этими словами, она была выброшена обратно в Никс.

ГЛАВА 15

-Элспет! – кричал Аджани, но голос его казался очень далеким. – Открой глаза!

Она моргнула несколько раз, фокусируя зрение на вернувшейся реальности. Над ней, невероятные скопления звездных облаков казались застывшими на фоне бесконечной черной, беззвездной вселенной. Пылающие белые кометы полосовали небосвод. Здесь не было ни эхо, ни ветра, и запаха жизни. Пасторальная сцена из испытания Эреба исчезла, как и святилище у входа в Никс.

Теперь они стояли на краю обрыва из черного мрамора, уходящего в крошечную тьму, заменившую собой яркое ночное небо. Черный камень под их ногами был частично прозрачен, и в его глубинах мерцали звезды и клубились туманные облака. «Пол» Никса являл собой отвердевшую звездную пыль. Подобные детали были не заметны из мира смертных, откуда Никс казался бескрайним и бездонным. Но то, что для человеческого глаза было эфирным существом, на самом деле обладало собственной формой в обители богов. Небесные существа могли здесь стоять, держать оружие, и сеять насилие.

Прямо перед ними простиралась пустота Ксенага. Элспет представляла ее непроходимой бездной, созданной Богом-Сатиром, дабы защитить себя в Никсе. Из мира смертных она выглядела широкой, как океан. Но, стоя на ее краю, Элспет видела, что разрыв был гораздо уже, чем она ожидала. И это вовсе не был ров несуществования – это все еще был Никс, но лишь без присутствия божественных образов, небесных существ, или множества звезд. Словно кто-то сорвал покров с Никса, оголив его.

На противоположном краю пропасти была еще одна равнина из колотого черного мрамора, где над блестяще поверхностью камней пылало кольцо огня. Не меньше пятидесяти футов в высоту, стена огня загибалась на востоке и западе, словно образуя цельный пламенный круг, которого с их ракурса видно не было. Сразу за языками пламени возвышалась огромная серая насыпь. Из-за огня и густого дыма Элспет не могла определить, была ли эта насыпь естественным или искусственным образованием. Каменные выступы в равных интервалах торчали из центра насыпи. Сероватая ее поверхность выглядела бугристой и напряженной.

- Где мы? – спросила Элспет.

- Должно быть, ты прошла испытание, - сказал Аджани, перекладывая топор с одного плеча на другое. – Когда Эреб открыл метафизические врата в Никс, мы не двигались, но горизонт вращался вокруг нас. Мы перешли в это место, не сделав ни шагу.

Элспет верила ему. У нее кружилась голова, словно ее снова и снова раскручивали вокруг своей оси.

- Ты ранена? – спросил Аджани, тревожно осматривая ее. – Что-то болит?

Впервые, со времени смерти Дакса, чувство вины переполняло ее. Но, как только она вызвала в памяти лицо своего друга, его сменил образ маленькой девочки Мины, ее не родившейся дочери. Эреб сплел воспоминания в ее разуме, оставив ей ментальное наследие всего того, что она могла иметь, но утратила. Его обман окружал ее истинные воспоминания, оставляя за собой лишь растущую злобу. Была ли она ранена? Нет, но ей никогда уже не стать цельной. Она не могла ответить на вопрос Аджани, потому она его проигнорировала.

- Нам удалось пробраться в Никс? – спросила Элспет. – Что с ним произошло? Почему он так пуст?

- Не знаю, - сказал Аджани. – Что произошло с тобой, Элспет?

Она лишь покачала головой. Когда-нибудь, возможно она сможет рассказать Аджани о смерти Дакса и испытании, через которое она только что прошла. Но им удалось выполнить то, что все считали невозможным. Они вошли в Никс, обитель богов. Ксенаг должен был быть где-то рядом. Из-за его амбиции стать богом страдали и умирали люди. Такие люди, как Дакс, Стелан, и Никка, где бы она сейчас ни была. Нельзя было позволить сатиру сохранить свое лже-царствование.

- На это нет времени, - сказала она.

Аджани понимающе кивнул. – Тебя ищет Гелиод. Его слуги окружили святилище по периметру, но не осмелились войти в него. Теперь, когда мы в Никсе, они у нас на хвосте.

- В последний раз, когда я видела Ксенага, он подавил мой разум, - сказала Элспет. Ее голос был пропитан ненавистью, и Аджани взволнованно взглянул на нее. – Я должна быть недосыгаема его влиянию, прежде чем смогу сразиться с ним.

- Я смогу защитить тебя от его власти, - пообещал Аджани. – Я не отойду от тебя ни на шаг.

- Я прошла испытание, - сказала Элспет. – Теперь я могу просить Эреба о чем-то взамен.

- Нет! – Гневно крикнул Аджани. – Он тщеславен и жесток. Даже Тасса была обманута о природе пустоты. Тебе не нужен мост.

Аджани был частично прав. Ей не нужен был мост Тассы, чтобы пересечь пропасть. Продолжая говорить, Элспет взмахнула своим клинком ритуальным манером, позволявшим ей концентрировать ее магию. Она накапливала мистическую энергию, которая перенесет их с Аджани через пустоту.

- Но мне, все же, кое-что от него нужно, - сказала Элспет.

- Убей Ксенага, но забудь об Эребе, - настаивал Аджани. – Он был вынужден открыть перед тобой небеса. Этой победы вполне достаточно.

- Нет, не достаточно, - сказала Элспет.

Грациозным движением она метнулась к краю и прыгнула в сторону пламени на другой стороне пропасти. Охваченный ее заклинанием, Аджани последовал за ней за край обрыва, и на долю секунды, пока они летели через бездну, они чувствовали себя невесомыми и неподвластными физическим законам природы. Для людей, наблюдавших за ночным небом из мира смертных, они показались бы двумя созвездиями, летящими к огню на опустевшем небосводе. Когда Элспет с Аджани коснулись мрамора на противоположной стороне, Аджани схватил ее за руку. Она чувствовала, как его сила перетекает в нее. Он отдал ей большую часть своей энергии – соорудив неприступный бастион, защищающий Элспет от манипуляций Ксенага. Она сама будет хозяйкой своей судьбы, а не станет марионеткой в чьем-то омерзительном театре.

Прежде чем они смогли сделать следующий шаг, огненный щупальца вылетели из стены, стремясь схватить их обоих. С пропастью за спинами, им некуда было отступать от огня. Они разом бросились вправо, но огонь прорвался из камней, словно гейзер. В считанные мгновения, пламя окружило их, скользнув по самому краю обрыва. Языки огня сомкнулись над их головами, заточив их в огненную тюрьму. Оказавшись внутри, Элспет увидела, что они здесь были не одни. Ее взору предстали, извивающиеся в огне тени. Их силуэты были до боли знакомы. По форме они напоминали обычных животных из мира смертных – только эти изловленные существа сверкали созвездиями.

- Аджани! – Вскрикнула Элспет, не веря своим глазам. – Ксенаг пленил небесных животных!

В огненной ловушке Ксенага они обнаружили то топливо, которое разжигало вселенский пожар. Звездные творения, наслаждавшиеся вечной свободой ночных небес, теперь пребывали в нескончаемых муках. Мистические языки пламени жгли их, но не сжигали. Вместо этого, огонь

поглощал энергию их тел, состоящих из плоти и звездной пыли, и наращивал мощь Ксенага. При виде мучений животных, руки Аджани сами собой вспыхнули исцеляющим светом.

- Зачем он это делает? – кричала Элспет.

- Он утратил энергию веселья и заменил ее этими пытками, - сказал Аджани, подходя к ближайшему к нему небесному оленю. Тот жалобно скреб копытами о мрамор, словно пытаясь вырваться из магических оков.

- Нам нужно погасить пламя, - сказала Элспет. – Мы должны спасти их.

Пока Аджани сплетал мистический щит, чтобы ослабить огонь, Элспет рассекла своим божественным клинком оковы оленя, удерживавшие его в огне. Она освободила его, и благородное животное унесся из огненного плена. Но пламя заполнило брешь, прежде чем Элспет успела подобраться к другому существу. Сотни небесных созданий были пойманы в адском пламени вокруг мироходцев. Казалось, они почувствовали, что Элспет и Аджани пытались им помочь, и их жалобные крики и стоны зазвучали громче.

Сквозь мерцающие языки пламени Элспет заметила, как серая насыпь пошевелилась. Она не была частью пейзажа, как прежде думала Элспет. Увеличиваясь в размерах, насыпь начала обретать более четкие очертания. Ее болезненная поверхность была вымазана красными отпечатками ладоней. Показались плечи. Громадные ручищи вытянулись с оглушительным хрустом затекших суставов. Наконец, увенчанная рогами голова Бога Разгула показалась над его мускулистым телом. Ксенаг встал в полный рост. Теперь он обладал монументальным, затмевающим горизонт телосложением бога. Но, гася пламя, мироходцы уменьшали его силу, и он это чувствовал. Бог Сатир развернулся к ним, и пламя развезлось над их головами.

Вглядываясь вниз со своей божественной высоты, Ксенаг встретился глазами с Элспет, а затем перевел взгляд на ее копьё. Выражение его лица не изменилось – в нем не было ни ликования, ни страданий. В нем отсутствовали всякие человеческие эмоции. Она хотела, чтобы он испугался. Ее оружие было выковано Пирфором и присвоено Гелиодом. Он был в руках смертного чемпиона, прошедшего сквозь врата Никса. Бог Сатир глубоко вдохнул, и мистическое пламя дрогнуло. Неподалеку, белый, рожденный в Никсе лев взревел от боли, и Ксенаг впитал очередную волну энергии от мучающихся животных. Элспет хотелось вырезать черты краденого лица Ксенага, но она не могла оставить Аджани. Он не смог бы потушить огонь в одиночку.

Ее нужно было призвать кого-то на помощь, но рядовых солдат Ксенаг без труда поглотил бы, впитав их энергию и плоть. Во время пребывания в Мелетиде, Дакс делился в ней сотнями притч, в том числе, сагой об архонтах. Она знала силу древних архонтов, и их эпическую битву с богами на Плато Четырех Ветров. Дакс описывал ей их природу в подробнейших деталях. Архонт никогда бы не склонился перед богом. Архонт смог бы избежать всепоглощающего пламени. Заклинание казалось е столь же простым и естественным, как ветер, трепещущий боевой баннер над полем битвы. Она представила Дакса рядом с собой, и призвала на помощь архонта.

С оглушительным звуковым залпом, небесный архонт материализовался прямо над пламенем. Безликий всадник в капюшоне восседал верхом на крылатом звере, с огненными глазами и бронзовыми копытами. Элспет выкрикнула своему новому союзнику лететь, и архонт пришпорил своего крылатого скакуна вдоль огненной стены. Удали огромных белый крыльев подняли холодный ветер над мраморной равниной Никса. Ураган подавил пламя, превратив его в ничтожные огоньки на мерцающем каменном полу. Архонт развернулся на невероятной скорости и полетел обратно. Ветер едва не сбил Элспет с ног, и беспощадные языки пламени Ксенага исчезли полностью. Вздвогнув от потери своего огня, Ксенаг взревел, не веря своим глазам, и отступил во мрак Никса.

Архонт кружил в небесах, из его тела золотые искры осыпались на освобожденных небесных животных. Аджани направил исцеляющую волну в сторону бывших плененных

животных. Рожденный в Никсе волк был одним из последних существ, кто покинул огненный плен. Раненный хищник был вчетверо крупнее смертного волка, и десятки других существ не отходили от него даже после того, как пламя было погашено. Его бок был вспорот, и внутри его тела Элспет увидела бескрайние лесные просторы. Аджани подбежал к огромному хищнику, склонил голову, и приложил обе ладони к ране величественного животного. Как только он коснулся его, Элспет поняла, что это был вовсе не небесный волк.

Это была Нилея, явившаяся на бой с Ксенагом после его вознесения. Когда она увидела, что он сотворил с ее небесными животными, она позволила пленить себя огнем, чтобы разделить мучения ее излюбленных созданий. Под магией Аджани рана на боку затянулась, и видение леса исчезло. Не уверенная в том, какой именно мир она только что видела в теле богини, Элспет восхитилась таинственностью богов, и тайнами мироздания, которые хранила в себе Нилея.

Все еще в облике волка, Богиня Охоты прыгнула к краю пропасти, но освобожденные звери за ней не последовали. Они остались рядом с Аджани и Элспет. За мгновение до того, как Нилея взмыла во вселенную, она взглянула на Элспет. Богиня не произносила слов, но Элспет почувствовала ее сообщение. Оно было подобно зерну, посаженному в ее мыслях, и начавшему прорасти: *Небесные звери помогут тебе. Я должна отыскать Гелиода и предостеречь его не мстить тебе.*

Когда Нилея исчезла, орда рожденных в Никсе сатиров выскочила из темноты, в которой растворился Ксенаг. Подобно изуродованной статуе Ксенага у входа в Никс, их черты казались оплавленными, а тела искаженными. Гротескные пародии на смертных, эти сатиры бездумно стремились уничтожить все на своем пути. Небесные существа бросились вперед, наперерез врагам, пока сам Ксенаг вновь появился из сумрака. Он стоял, подобно колонне над полем боя, не сводя глаз с Элспет. В его глазах все еще пылал огонь, но уже не столь ярко. Элспет взглянула на Аджани, вставшего рядом с ней.

Паря над сражением, архонт посылал порывы ветра сквозь орды сатиров, сметая их за края поля боя, очищая проход к Ксенагу. Бог Сатир изверг шквал огненных шаров в сторону приближающихся Элспет и Аджани. Он вырвал огромные куски мрамора из-под ног, воспламенил их, и швырнул в центр небесной армии. Архонт уклонился от пылающих осколков, и понесся в лобовую атаку на Ксенага, полоснув клинком на шее сатира. Лезвие прошло сквозь нематериальную плоть, не причинив вреда Ксенагу. Архонт приготовился к очередному выпадку, но огромный булыжник врезался в его крылатого скакуна. Архонт исчез во вспышке света, но прежде чем растаять, она наделил Элспет сверхчеловеческой силой и скоростью.

Пока Аджани пресекал хаотичные нападения взбесившихся сатиров, Элспет все ближе подбиралась к Ксенагу. Это было подобно приближению к горе. Как и в бою с Ярокровом, она понимала, что не сможет на равных тягаться с противником большего размера. Ксенаг махнул громадной рукой, пытаясь расплющить ее, как комара, но она уклонилась, порезав его по пути. Скорость Элспет была сверхъестественной, и богу едва удавалось отслеживать ее перемещение. Не останавливаясь ни на секунду, она кружила вокруг него, нанося порез за порезом. И с каждой раной, она мысленно произносила имя Дакса. *Дакс*. Сотни раз она воздавала почести павшему оракулу с четкими режущими взмахами своего копья. И она произнесла бы его имя еще сотню раз, поскольку, хоть она и не наносила Ксенагу смертельных ударов, она понимала, что ее оружие поражает Никс.

Посланный Богом рассекал основы обители богов, и земля под ними сотрясалась, словно от боли. Сражение между небесными животными и сатирами Ксенага бушевала за их спинами, и, как Аджани и обещал, он оставил целебную магию, и защищал ее своим топором. Ни один противник не мог приблизиться к Элспет, пока она сводила личные счета с Богом Сатиром. Наконец, земля под Ксенагом обрушилась, и он словно увяз по пояс в черном мраморе. Его рост

уменьшился, но теперь ему было проще отследить движения Элспет. Она поняла эту новую угрозу и отпрянула к Аджани, уходя от удара Ксенага. Но на этот раз она оказалась недостаточно быстрой, и Ксенаг сбил ее на пол.

С переломанными ребрами, вымазанная в крови, оглушенная Элспет лежала на сотрясающемся мраморе, порывисто глотая воздух, под возвышающимся силуэтом Ксенага, полностью в его власти и милости. Это был ее худший кошмар. Она была загнана в угол и подавлена. Она слышала крики Аджани, несущегося к ней на помощь, но времени не оставалось. Глаза Ксенага вспыхнули диким огнем, и он занес кулак, стремясь раздавить ее. Его взор метнулся к ее копыю. Он мешкал. Он мог завладеть оружием, выкованным Пирфором и присвоенным Гелиодом. Он мог стать повелителем пантеона, величайшим из всех богов.

Он подался вперед, ближе к Элспет, и она увидела свежую кожу, затянувшуюся над раной Нилеи на его груди. Его тело все еще частично состояло из плоти, и наконечник стрелы Нилеи выпирал наружу, словно пытаясь сбежать за пределы его кожи. Частые удары его сердца сотрясали камни вокруг Элспет. Ксенаг вознесся, но все еще был достаточно смертен, чтобы иметь пульс.

За пару мгновений до того, как он дотянулся и отнял бы у нее *Посланного Богом*, Элспет вскарабкалась на ноги. Трясущимися руками, она прицелилась и взмолилась Нилее направить ее руку. Элспет метнула меч-копье в божественный наконечник стрелы, застрявший в груди Ксенага. Как только *Посланный Богом* коснулся наконечника, последний взорвался на миллион острых осколков в груди сатира, разрезав его сердце на куски. Оставшаяся плоть Ксенага походила на рваные лоскуты. Звездные реки хлынули из рваных ран месива, служившего сатиру телом еще несколько мгновений тому назад. Останки его рухнули на пол, и звездная ткань втекла обратно, в созданную им бездну, и Никс вновь засиял над миром смертных.

- Эреб, я прошла твоё испытание, - сказала она. – Выполни теперь мою просьбу.

- Нет, Элспет! – Зарычал Аджани.

- Я меняю свою жизнь, на жизнь Дакса! – Прокричала Элспет.

Аджани кричал ей что-то, пока она спешно подняла копье. Широко взмахнув им, она нанесла последний глубокий порез в сверкающем мраморном полу, и тот обрушился под весом умирающего бога. Элспет метнулась назад, подальше от волны раскаляющегося мрамора. Аджани бросился вперед, схватил ее, и оттащил на безопасное расстояние. Они рухнули на холодные камни, и Элспет прижала клинок к груди.

- О, Элспет, что ты наделала? – шептал Аджани.

Ветер перенес просьбу Элспет в Подземное Царство, где Эреб поднялся со своего золотого трона, в нетерпении разминая руки.

- Что же ты наделала? – повторил Аджани.

Но Элспет не отвечала. Как только сознание Ксенага покинуло его, тело сатира уменьшилось до его прежних размеров. Оно выскользнуло сквозь брешь между мирами, и рухнуло в Землях Отчаянья. Сатиры Ксенага взрывались в самовозгорающемся пламени, подобно последним мгновениям веселья, когда фейерверки озаряют ночное небо. Звездные создания вернулись на яркий небосвод и продолжили свои прогулки в вечности небес. Но Элспет не сводила глаз с летящей к ней синей точки. Посреди шума и хаоса, рожденная в Никсе бабочка села ей на руку, сжимавшую меч-копье.

Голос богини Нилеи расцвел в ее мыслях, - Ты восстановила порядок в пантеоне. Я прощаю тебе твои прегрешения. Но ты должна покинуть Никс, прежде чем Гелиод найдет тебя, или Эреб утащит тебя в свое Царство. Я помогу тебе, если смогу.

Тело Элспет начало мерцать небесным светом. Аура из звездной ткани окружила ее волей Нилеи, укутавшей ее плащом из звезд. Звездная пыль заблестела в белом мехе Аджани, когда

Нилея удостоила леонина тем же даром. Наделенные звездной сущностью Никса, они стали подобны его детям.

- Бегите к Святилищу Богов на краю Никса, - сказала Нилея. – Вы сможете сбежать в мир смертных, где Гелиоду придется полагаться на своих оракулов, чтобы отыскать вас. Мир огромен и глубок, там вы сможете укрыться от него.

- А куда идешь ты? – Позвала Элспет, уже зная ответ. Нилея отправится на поиски Дакса, который вскоре будет вновь ходит среди живых. Элспет было горько от того, что больше никогда не увидит Дакса, но, по крайней мере, он сможет найти свое счастье в своем сверкающем городе на краю океана Тассы. Бабочка исчезла, горизонт начал вращаться вокруг своей оси, и святилище богов вновь возникло перед ними.

- Ты сможешь перейти в другой мир? – спросил Аджани. – У меня не хватит сил.

В данный момент, Элспет была слишком слаба, даже чтобы призывать песчинку. Да и сам Никс не ощущался настолько материальным местом, откуда можно было бы войти в Сплошную Бесконечность. Его словно не существовало во времени и пространстве, в отличие от других миров. А если они не могли выйти из этого мира, им нужно было бежать. Собрав последние остатки сил, они поспешили к святилищу, но в это мгновение услышали вокруг себя эхо голоса. Древний и подобный грому, он был лишен всякого сострадания.

- Гелиод, - произнес Эреб. – Ты должен передать ее мне.

Они уже почти добежали до святилища, где сиял столб света, подобно маяку убежища. Исходящих от алтаря Гелиода, он был связующей точкой меж двух миров, и их единственных выход из обители богов. Лишь рожденные в Никсе могли пересекать границу Никса и мира смертных, но Нилея наделила их этой способностью, благодаря своему дару. Секунды отделяли их от безопасности, когда пульсирующая ударная волна пронеслась по святилищу, сбив их обоих с ног. Гелиод нашел их. Он выглядел почти, как человек, с темными волосами и пронизывающим взглядом, но его тело было окружено аурой света, от которой смотреть на него было больно.

- Мой чемпион, - сказал он. – Дай мне мое оружие.

Посланный Богом вылетел из руки Элспет, несмотря на ее отчаянные попытки удержать его.

- Стань снова неподвластной моей силе, - съязвил он. – Если у тебя все еще есть силы на это.

У Элспет не осталось сил. Он отобрал ее клинок, и она была безмерно измождена. В невыносимом свете она не видела Аджани. Она пыталась нащупать его, но не смогла отыскать своего друга.

- Даже если бы ты не отдалась Эребу, я бы не позволил бы тебе жить, - сказал Гелиод. – Ты слишком подобна сатиру. Твои глаза видели вещи, которые не могу представить себе даже я. А чемпион не может знать больше, чем ее бог. Я повелитель пантеона. Я величайший из всех.

Свет Гелиода ослепил Элспет, поэтому она даже не видела, как он замахнулся для удара. Она не знала, что он собирался убить ее, пока не почувствовала *Посланного Богом* в своей груди. Прорвав ее плоть, клинок преломился пополам и утратил божественность. Гелиоду не нужен был меч, способный рассечь Никс, и убить бога.

Боль была безграничной. Ее душа стала подобна физическому продолжению ее тела, хрупкой и пораженной меч-копьем. Яркий свет угас, и Элспет опустилась на черный мрамор. Она прошла столько сражений, выдержала столько ранений. И теперь у нее не было сил даже поднять голову. Ее глаза заволокло туманом, но она еще видела, как Аджани опустился перед ней на колени. Его лицо было маской боли; его тело казалось скованным от шока.

Гелиод обратился к Аджани, - Унеси ее в мир смертных, леонин. Доставь ее Эребу. Если она умрет здесь, то раствориться в пустоте.

Элспет вскрикнула, когда Аджани поднял ее и прижал к груди. Не говоря ни слова, он поднес ее к свету у алтаря Гелиода. Вместе они перешли в мир смертных. Стояла теплая ночь, и божественные образы с небесными созданиями в своей первозданной красе сияли в небесах. Дыхание Элспет замедлилось, когда Аджани вынес ее за пределы Никтоса, Святыни Никса, и положил на сырую землю. Он не позволил бы ей умереть у ног богов. Черные силуэты метнулись к ним через тускло освещенную равнину. Слуги Эреба были уже близко. Бог Подземного Царства получит свою награду.

Разъяренный от горя, Аджани поднял топор и бросился им навстречу, но Пиксатор со своими бойцами поспешили из своих укрытий. Король Бримаз пожелал бы, чтобы они защитили Аджани. Они окружили раненного леонина и оттащили в безопасное место. Элспет наблюдала за тем, как он исчез в ночи. Всего мгновение Элспет лежала в одиночестве, прежде чем слуги Эреба достигли ее. Самые счастливые воспоминания о Даксе пронеслись в ее угасающем разуме. Но, когда мир погрузился во мрак, она думала о Гелиоде. *Дай мне тишину. Дай мне мир. Дай мне, наконец, покой.*

Нилея прочесывала мир смертных. Бог Мертвых должен был выпустить Дакса взамен на Элспет. Элспет прошла испытание, озвучила просьбу, и Эреб был обязан его исполнить. И все же, они нигде не могла отыскать Дакса. Нилея приняла облик женщины, и шла по земле. Босыми ногами по сырой почве, со своим луком в руках, она бродила по лесу в поисках смертного, которого любила. Она не замечала течения времени, и ее сердце было наполнено скорбью.

Путешествие Нилеи завершилось одним облачным днем, глубоко в сердце ее собственного леса. Она вышла к развалинам старого аванпоста Сетессы у ручья. На языке смертных, это тихое место называлось Переправой Охотницы. Журчание воды сливалось со сладким пением птиц. Нилея остановилась в тени серебристого дуба и неожиданно поняла, почему она не могла почувствовать присутствие Дакса в мире смертных.

Дакс бесконечно прохаживался вдоль берега ручья. Он останавливался у определенного места, где цветы фиалки. Золотая маска покрывала его лицо, и он бездумно искал то, что любил больше всего в жизни.